

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

7. 2014

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
Чеченской Республики по
национальной политике,
внешним связям и
информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92
Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в
сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций
27 марта 2009 г.

Регистр. свид-во ПИ № ТУ 20-00064

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

С. Алиев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхиев

Рукописи принимаются
редакцией в первом и втором
экземплярах, а также на
электронных носителях.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45
E-mail: vaynah_az1@bk.ru
http://www.vaynah.at.ua
http://www.j-vaynah.ru

Журнал выходит один
раз в месяц. 16+

Журнал набран на
компьютерной базе ГАУ
«Литературно-художественный
журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК
«Грозненский рабочий»
364021 ЧР, г. Грозный,
ул. Интернациональная, 12/35
Подписано в печать
25.07.14

В случаях полиграфического
брака обращаться в типографию,
указанную в выходных сведениях
журнала.

Тираж – 2500 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ЮБИЛЕЙ

Зарина АЛИЕВА. *Бексултанов Мусан дахаран хин бердаш.
(Яздархочун 60 шо кхачарна)*.....2
Муса БЕКСУЛТАНОВ. *Таламат. Дийцар*.....6

ПРОЗА

Вахид ИТАЕВ. *Судьба и воин. Рассказ*.....24
Ахмет АСХАБОВ. *Каратег. Рассказ*.....30
Евгений ВИНОГРАДОВ. *Лезгинка. Быль*.....34
Алвади ШАЙХИЕВ. *Этот горький огненный шар.
(Из цикла «Рассказы о писателях»)*.....38

ПОЭЗИЯ

Марьям ХАДЫСОВА. *Песнь. Стихи*.....28
Майрбек ЛУЛУЕВ. *Не спеши. Стихи*.....35
Асет ХАЛИКОВА. *Ас илли давккхина. Стихаш*.....43
Зулпа ШИШХАНОВА. *Ламнаш. Стихаш*.....44
Хава ГАГАЕВА. *Анна. Стихи*.....62

ДЕБЮТ

Муслим LOSTLAM. *Мостик над бездной... Стихи*.....41
Мовсар ТИМБУЛАТОВ. *Бералла. Стихаш*.....45
Седа ЙСМАЙЛОВА. *Остановите Землю,
я сойду... Стихи*.....65

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Николай БУСЛЕНКО. *Гуси, гуси! Га-га-га... Рассказ*.....46

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

Мудар НАДИЕВ. *Два утра моего детства*.....68

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Тауз ИСС. *Скрижали памяти*.....72

ПУБЛИЦИСТИКА

Саид БИЦОЕВ. *Гигант баскетбола*.....75

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Сулиман МУСАЕВ. *Рыцарь чести*.....95

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Саламбек АЛИЕВ. *Молодой певец родного края*.....95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Алиева Зарина

Бексултанов Мусан дахаран хин бердаш

(Яздархочун 60 шо кхачарна)

Бексултанов Муса Эльмурзаевич (фамили а, ден це а шениг яц, «Муса» боху це йоцург: бакъйолу фамили Адамов ю, ден це Мози а йолуш) вина 1954-чу шеран август беттан тлаьхъарчу кӀирнахь (кехаташ тӀехь – 1-чу июлехь), Кустанай олучу казахийн махкахь, нохчийн къам церадаьккхина итт шо даьлча. Церан доьзал, массо а бохург санна, 1957-чу шарахь бирзина Нохчийчу ца, баха ховшар Олхазар-кӀотарахь а долуш: ламарой шайн хиллачу ярташка – лам чу хьала ца бохуйту, уьш Ӏедалан харцонна – обаргаш а хилла – дуйхалбовларна кхоьруш. Олхазар-кӀотарара юккъера ишкол 1972-чу шарахь чекхйоккху Мусас, оццу шарахь Нохч-ГӀалгӀайн Пачхьалкхан университетте филологин факультетан къоман отделени деша а воьду.

Университет чекхъаккхар 1977-чу шарахь хуьлу. Яздан ойла жимчохь дуйна кхоллало, пхийтта-ялхитта шераш долуш. Прозехь язйинчу еа киншкин автор ву: «Мархийн кӀайн гӀаргӀулеш» (1985); «Юха кхана а, селхана санна» (1988); «Наггахь, сайн сагатделча» (2004); «Я хьан тухур буйсанна хьан не1» (2004); «Сан вешин тӀехьийза йо1» (2011). Немцойн маттахь шиь киншка араьялла Швейцарехь. Россин яздархойн союзан декъашхо а, Нохчийн халкъан яздархо а ву Муса, иштта Россин журналистийн Союзан а, Дуйненаюккъарчу яздархойн ассоциацин – Оьрсийн Пен-центран декъашхо а волуш.

Ӏер-вахар Соьлжа-гӀалахь а, Олхазар-кӀотарахь а ду. Зудий, виь доьзалхо а ву цуьнан: цхьа йо1, кхо кӀант. Яздар нохчийн маттахь ду. ХӀун яздар коьрта а ца лору, муха яздар бен.

Болх бар (1987-чу шарахь дуйна схьа кху хене валлалц) «Стелалад» це йолчу берийн журналехь ду.

Балхал чӀогӀа ца дезаш – сискална хан яйар – дуйненчохь хӀума а дац, хьаьнгара елахь а – харцо йоцург.

Шен цӀарах мостагӀ а вац, къоман юккъара воцург: моттбетта нах. Дозанал арахь хилла, Швейцарехь, набахте а ца кхаьчна, кхечу къоман мотт а ца хаьа, гӀазкхийн маттах кхетар бен. Ша яздархо а ца лору – шех хила лиьна яздархо: Бунин а, Пруст а, Фолкнер а санна.

Сатийсам...

– Сатийсам цхьаь бу-кх: нохчех цкъа къам а хилла, вайх хӀора а цу къоман хьакъволу векал хилар, – шеца хиллачу къамелехь дерзош цо аьлла дешнаш.

Яздархочун-художникан дахаран некъ дуйненчохь цо якккхинчу хенашца буйстина бац, вайна ган Ӏеминчу вахаран, валаран шина терахьо чулоцучу. Художникан дахар ойланашца ду, хан а, доза а, юьхь а, чаккхе йоцчу ойланашца. Кхолларалла – иза ду художникан бакъдолу дахар, шерашца юсталур йоцу ойланийн оьмар. Кхолларалла – художникан син сибат ду, цуьнан синлехамийн, синхаамийн маршо.

Яздархочух а, яздархочун кхоллараллах а дийца ницкъ берг яздархочун дош ду, ткъа вайна, дешархошна, ладегӀар ду, ойла сема латтор.

Шен кхоллараллехь «Дахар» це йолу цхьа дийцар яздан сатийсам болчу яздархочун Бексултанов Мусан и сатийсам кхочушхиларан тоьшалла ду цуьнан повешаш, дийцарш, хьаьркаш, эссеш а. Бексултанов Мусан ерриг кхолларалла

цхьа дийцар ду: «шена чохь со а, шу а, х1ара дуйне а – блешеран цхьа м1аьрго, м1аьргона чохь блешо а» долуш.

Нохчийн прозехь дийцаран керла кеп юкъялорца, жанрийн башхаллашца, шен хат1ца къаьсташ ю Мусан проза. Цо язъешйоу жанр проза аьлла билгалъяккхяхь а, амма иза ша «прозаични» бохучунна ч1ог1а генара ву шен дахаре болчу хьежамашца а. Цунна т1етоьвжина, искусствехь уггар лакхара т1ег1а музыка а, поэзи а ша лоруш хиларна, Мусас шен проза исбаьхьаллица, яздаран шатайпаналлица, поэтикица, дешан мукъам ларбарца гергаялийна поэзина. Цуьнан муьлхха а дийцар, доккха, жима бен а доцуш, я повесть мукъам болуш ю. Исбаьхьаллин произведени ца йийщича а, публицистикехь цо язъеш йоу статьяшкахь а, интервьюшкахь а, дешан хазалла хаало. Амма и хазалла – хазалла лобхуш, хаза ала г1ертарца, хаза дешнаш лобхуш кхоллалуш яц цуьнан. Х1ора дош шен-шен меттахь долуш, х1ора дош сюжет йолуш хиларна ша-шаха кхоллалуш йолу хазалла ю – дешан ч1аг1аллица, цу дашо дохьучу бакъдолчуьнца. Кхузахь аргентинийн яздархочо Борхеса Кортасаран дийцарех аьлларг дало лаьа: «Кортасаран дийцарийн сюжет юхайийца йишйоцуш ю, х1унда аьлча цуьнан х1ора дош шен-шен меттахь, коьрта ду, цхьа дош дицделла юкъярадалахь а, хьо кхета, уггар коьртаниг хьан алаза диснийла». Иштта Мусан произведенешкахь а коьрта х1ора а дош ду, цу дешнаша кхуллуш болу т1елаткъаме ницкъ а. Нохчийн исбаьхьаллин дашна х1оллам бу Мусан проза.

«Дикачу яздархочун произведенехь са а, къинхетам а, абаде а цхьаьна хуьлу, оцу цхьана произведенехь гайтина, цу кхаа х1уманца нийсса гойтуш синх1оттам а болуш».

Муса гуттар лехамехь ву, карийнчух тоам ца хуьлуш, керла, керла йозанан некъаш лобхуш, меттан таронаш шоръеш, дош дашца лубьтуш, лаца йиш йоцу исбаьхьаллин м1аьрго шен йозанашкахь сацаеш. Мусан произведенеш тайп-тайпанчу хот1ехь язйина ю – психологин, фантазмагорин, лирикин а.

Бексултанов Муса кхоллараллин лакхе – иза хазалла ю, цуьнан 1алашо хазаллин къайле ястар, дешархо хазаллина герга вигар, юха гергакхьяьча, даима «хазалло кхуллучу г1айг1анехь» йийсарехь висар. Мукъаме дирзинчу исбаьхьаллин дашо кхуллуш йолу хазалла хаало цуьнан кхоллараллехь, дош маь1не, к1орге йолуш хиларна. Стаг ша-шега верзо, шен сине ладог1а, ша мила ву, х1унда веана кху дуйненчу, ша-шег кхета 1амаво Мусан произведенеша. Х1ан-х1а, 1ама ца во, хьехарш ца до, Мусас, амма даима хьоеца даха дуйсу-кх цуьнан х1ора дош, хьо адам дуйла, са а, дог а долуш, хьуна хьуо виц ца волуьйтуш.

Бексултанов Мусан кхоллараллин хьоста – иза Нохчийчоь ю, цуьнан баланаш, лазамаш, эшамаш, толамаш а. Мусана Нохчийчоь, цуьнан истори йовзар ширчу тептаршкара дац. Бексултанов Мусана Нохчийчоь – ша схьаваьлла доьзал бу, цуьнан да, денда, ворх1е да, муьлххачу доьналлин нохчочун санна, церан нисбелла декъаза кхолламаш а. Мусан «Дахаран хин генара бердаш» повесть, х1ора нохчочунна дахаран 1амат хила йог1у, нохчалла бохург х1ун ду, дуйненчохь сий долуш чекх муха вала веза, дуйненчохь муьлхачу декхаршца ваха веза, х1ун 1алашонаш х1итто еза шена хьалха: « И Хьенех дика къонаха ву шуна, – олура цо тхобга кхано, – иза ларалаш, цу юьртахула шашь нисделча, чу х1отталаш иза волчу: дика къонаххий, дика динний баьлла меттиг лийрина шуна вайн дайша, – олий. – Ден ц1е яккхина ца 1аш, мехкан ц1е а йолу шуна дика къонаха кхиьча: Зусойн Дуйн 1ума, Эвтархойн Ахьмад, Харачойн Зеламха, Мартанхойн Исмайлин Дуда, Шелахойн Т1елхаг... И меттигаш лара а еза шуна, и къонахий дийна болуш санна. Нехан сий дар – шен сий дар ду шуна, нехан ц1е ларар –г1иллакхан хьукма а долуш. И нах дийна а болуш,

ша царна гуш санна ваха веза шуна къонаха, дерриг а хлума цаьрца дуьстина, церан когийн лар а гуш. Яхь цигара схьа хила еза, цара дитинчу глиллакхашца. Шен махкахь бен къонаха а ца кхуьу шуна». («Дахаран хин генара бердаш» повесть)

Бераллехь дуьйна ден масалш тлехь, цуьнан хьехарш тлехь кхиина волчу Бексултанов Мусан кхоллараллин турпалхой бу шатайпа, доьналлин амалшца къабсташ болу нах. Церан лалашо дуьненчохь шен цле йита езар ду, стаг ша велча а, дийна юьсур йолу цле: «Нехан-м дашо раьглнаш хилахьара, къонах боху дош дуьсийла-кх сох даха». Шайн белшаш тлехь дуьне латтийна болу къонахий биц ца болуьйту Мусас шен произведенешкахь. Церан турпаллаллин васташ кхуллуш, церан доьналлин некъаш карладохуш, даима вайн иэсехь баха буюсу уьш: Торгла, Блахо, лаьзим, Овтархан Юсуп, Элдарха, Керим, кхин дуккха а.

«Къолам буюхьхе къам а, мохк а тарбина» воллчу Бексултанов Мусана дика го шен къоман синкхетамехь хийцалушйолу мехаллаш. Цуьнан кхоллараллехь коьрта тема хилла лаьтгаш ю, халкъ шен бух тлера даьлла, эзар шерашкахь кхиййначу амалшна тлера хердалар. Шен произведенешкахь церан бахьанаш дуьйцу цо. Генна историн хиламашка дуьгий, тлаккха таханлерачу заманан васташца, вайн къоман юккъехь муьлххачу заманаш хилларг, лар йоцуш довш доций гойту Мусас. Уггар коьрта бахьана къам шен бух тлера далар – иза дешан мах лахбаларна, дешан бакъо хьаьнг-хьаьнга а ерзарна, дош ловзадаккхарна тлера долалуш хилар дуьйцу Мусас.

«Маржа я1, маржа, халкъан доцу глиллакхаш хилла те цу наха схьакхехьнарш, я халкъан йоцу амал латтийна-те болатех яхчош, собарца юттуш, хлара дуьне кхоьлличьхана кху махкахь шаш дехаш, коьртан сий бен кхин лалашо ца лоруш, мехкан маршо бен кхин декхар ца хеташ, тлерачу Далла бен суждане ца боьлхуш, дуьненчохь шаш яьккхинчу клеьзигчу ханна дуьне мел лаьтта шайх дийца дош дуьтуш длаихначу къонахаша ханна бохуш дитина те шайн сийх, йохьах доьгтина долу и кортош кура ламанаш, мила лелийта дехкина те шайн глиллакхашца дуьне дузуш, шордина хилла маьрша некъаш, мила кхион дитина те: «Цхьана къонахчун меха дуьне а ца кхочу», – боху, шайн мах шаш хадийна долу хала весет!..»

Муьлххачу заманаш а, мел къизачу юкьараллин системехь, оцу юкьараллин гураш, дозанаш дохош бленнах цхьаь волу, эзарнах къабсташ шен «юьхь», оила, хьежам хиларца, дахарна кел ца вуьсуш, шен амалх ца вухуш, дахаран ерриг трагизм ша-шеца ловш чекхволу иза. Гелло шен амалх ца юлуьйту цо, шена тлехь цуьнга толам ца боккхуьйту, мелхо а, геллоно ницкъ ло кьийса, толам гуш бацахь а, бекхам бан. Толам коьрта ца лору оцу турпалхочо я толаме са а ца туьйсу; коьрта ша мила ву хаар, шен са хаадалар, ша-шех тешар, гондахьа дласа а ца хьоьжуш, орцане ла а ца доьглуш, цхьана амалца чекхвалар, иза бен кхин толам ца хеташ. Бексултанов Мусан дешнашца аьлча, шен «эхан эла хилла висар» бу цу турпалхочун толам.

Вайн къоман ментальни, культурогенни амал гучуйоккху автора шен турпалхойн васташкахь. Яздархочун лалашонех коьртачех хета заманан а, цу заман адамиин а сург дитар, дуьненчохь адамаш мел деха, гуттар а диллина лаьттар ду хаттар: «Со мила ву?» Цу хаттарна жоп луш ю Мусан произведенеш.

Ширачу заманаш дуьйна, тлебоглучу ницкъана дуьхьало еш, гуттар кьийсамехь даха дезаш хилла вайн къам, шен ницкъана, доьналлина тлетийжаш, гондхьара гло а ца лобхуш. Доьналла зуьйш, доьналлица хьалхе яккхар сийлахь долуш, доьналлин шатайпа культ кхоьллина хилла къабсттина кавказхойн къаьмнаша, цунна масал ду халкъан фольклор, иллийн эпос. «Лечу сохьтахь

цхъа узар бан а бакъо ца лучу гIиллакхо», – боху амал а цигара ю, доьналло кхиинчу гIиллакхера. Цхъа леткъам боцуш, узар, карзахалла. ТIебеанчу баланаша, вонаша амал зуйш хилла, къийсам латто чахчош. Цхъана заманчохъ къоман дин хилла лаьттинчу оцу гIиллакхаша кхоьллина и шатайпа доьналлин амалш. Бексултанов Мусана и амалш герга хилар гучудолу цуьнан ерриг кхоллараллехъ. Шен турпалхойх лаьцна иштта яздо Мусас: «И турпалхой сан ойлано кхоьллина бац, уьш шайн тайпа а долуш, хилла болу нах бу. Торгла а, Овтархан Юсуп а сан дас вийцина суна. Керимах дерг Моьсаган Бисанас нахе дийцинчуьра хезна ду. Шайн эхъан хаттарна – кханенаш а ца йоьккуш, – хаттар хIобттинчу мIаьргона жоп луш хилла болу нах бу ас буйьцуруш. Уьш дукха а ца хуьлу. Цара йоккхуьйту къоман цIе, уьш бахъанехъ девзаш а хуьлу къам гонахарчу мехкашкахъ. Церан дахаран масалш бIешерашца деха, Адин Сурхон а, Мадин Жаьммирзин а, Таймин Бийболтан а, Харачойн Зелимхин, Ахъматхан Ичин а, ЗIокин Хазин а, ТIуьшан Воварган а, Дерказан Джокъалан а санна. Iожаллин букъа тIе ког лийзина нах бу уьш, шайн эхъ шайх ца кхардийта».

Тахана вайна масалш оьшу, тхо а хилла ала кIезиг ду, тхо а ду ала бух беза вайна. И бух вайн хилар тоьшалла ду Мусан произведенеш.

ХIора заманахъ ваьлла цхъаь, вер ву, цу цхъаннах дусту вайн дийнна къам а, халкъан изсехъ вуьсучух къоман цIе а йолуш. Цу цхъаннах, къомах къам дечух ю Бексултанов Мусан ерриг аьлча санна кхолларалла.

Йоккхачу повесть тIера масех моганех лаьтташ йолчу хъаьркашна тIе кхаччалц дерриг ду яздархочун кхоллараллехъ: дуьне а, абаде а; гушдерг а, гушдоцург а; зама а, къам а; къоман бакъйолу амалш а, къонахийн васташ а, – и дерриге а цхъаьна ца хилча хила йиш йоцу мохк а.

Бексултанов Муса**Алаамат**

Дийцар

Хъанна мобытура, хъанна, карахь бутт кхачаза йолу бер а йохуш, цхъана палашан тломах а хъаьрчина, йитина аьлла йоI схъаэккхор ю буса, цхъаьна стаг а воцуш?! Кхуьнан йоI, кхуо массо а леш дисна, т'аьххъара кхийна долу бер, Алаамат аьлла цIе а тиллина цунна.

Алаамат ду-кх хIинца хIара, цхъа ког коша левзинчу хенахь кхъачна долу... Дера ду, дукха доккха Алаамат-м, цецвала а, тамаша бан а бакъо а йоцуш. ХIун, хъан бен ца йитина, хъан бен ца еьна! Дера еьна, йогIур а ма ю, эха а ма ихна...

Тидам а ма ца хилира хъалха, оила а ма ца йира. Эцца, ишколе лела бохуш, дIаихира. Кху чохь а хуьлура, оцу зудчо а кхин хъекъал делира мобытуш а вац со... Шен хирг-м дора цо а, хIума йитта а, нех-хIума яккха а Iамайора-кх, шена эшнарг оьшур ду бохуш, дIа-м гIиртинера и зуда а. Ткъа хIинца...

– И архаш стенга кхийси ахь, ва зуда?

– Уьш хIун архаш ю?

– Вай, цхъа архаш бен ярий ас кху говраца лелош...

– ХIа-а, эцца Бикатос цхъа докъар-цинц хьур бара ша аьлла, дIаяхьначохь йицъелла, ас хIинца, кху сохьта...

Дерриг а дицделла-кх кхунна, мисканна, йоI цIа а еьна. Маржа Тайбат яI, ма мобытина хир дацара хъуна хъайн йоI йитина цIа йогIур ю. Хьо яхалла, хьо ледара зуда а йолуш-м дацара хъуна иза, я хъан хIу ледара долушший-м, иштта дIа хили-кх, могош-маьрша лаьттина цIа, яьлла механ чинк а йоцуш, цIеххъана чукхетча санна.

Покаш, Покаш, сацалахь, дукха яха хьо, раз-пурх а ца хыйзаш...

Дика хъайба ду-кх говр, цхъа накъост санна, улохь стаг воцуш хьо висча...

– ХIорш ю хъуна, кьонах, архаш, ахь хIун до хIинца, салаз а йобжна... Хьо цигахула, хIун ду хъажа а...

– Мича цигахула! Сан йоI хIунда йитина алий гIо со, топ а эций! Чан цинц бан вьоду, дIавьоду кху чуьра, сайн гIуллакхе...

– ГIохъа гIуллакхе а, – дIайобрзу, реза йоцуш. Миска яI, ма кьанъели-кх хьо, ший кьандели-кх вайша тахна, хIокху цхъана дийнахь. Дера дели, кьандели, букъ нисбан ницкъ а, я таро а йоцуш. Зама дIа ма яьлла, зама, вайша кхузахула тилделла, хъалхий-гIаьхий даьлла хыйзашехь. Цхъана а гIуллакхе ца вьодий со-м, я ца хууш а ца воллу, дIа генавала гIерташ воллу-кх, вада гIерташ, цхъа далатохар я цхъа валар сайгара далале.

«Цхъа дагахь доццург Iоттаделча, ларвелаш ша, хъекъал тIедогIуш а, дIадоьдуш а хуьлу шуна, хъекъал адамашка дIасадекъна ду шуна», – аьлла бохур-кх цхъана дикчу кьонахчо.

Ларван накъост а ма вац, и Дела воцург, дог Iехон, хъаста, хьобца хаза охъа а хиьна, хьо теван.

Цкъа-м дага а, валлахI, деара, сийсарехь, говра а хиьна, цига ваха. Юха а... нехан кхардам бу-кх, нехан кхардам аьлла, дIа сахуьлунга велира-кх, я хIинца, сахилча, дан хIума а ма дац. Бакъо яц-кх цхъа а, я аьтто а.

Цхьа хаза Гуьллура хьуна со, Глан-набарша самаваьккхича, ламаз а эцна, масех аят а дешна, цхьацца сайн ойланашна юккъехула пешара цѐ а тергалъеш. НеI кагъелла ю цу вайн пешан, цунах цѐнкъахула цхьа хаза серлонаш ловзу, цкъа дахлуш, юха дацлуш, байтѐ дубъхъара арадаьхна Iахарий санна. Царал хаза хIума хир дац кху дубъенчоьх, юха а и цѐ яцахь. Цѐ тергалъеш хуьлу хаза, цуьнга хьобжуш, цуьнца хьайн шерашка юхакхийдаш.

Вайн кица а ма ду: «Ца дагахь а – цѐ тоьла, кха дагахь а – малх тоьла», – олуш.

Муртаза-м кхин а дIа дахдора иза: «Бѐкъалга елахь а – нана тоьла, жIаьрниг велахь а – да тоьла, пхора елахь а – йоI тоьла», – олий.

Цкъа цхьана кешнашна уллохула тѐхволуш, Муртаз динара охьавоьссира тѐкхоччушехь. Юха дикка дIа гена а ваьлла, дойшка хиьча, ас хаьтти, оцу кешнашна тѐкхачьча, динара воссар хIун дара хьан, ва Муртаз аьлла.

«Деллахь, хьенех, шарахь гергга вайн стунана лаьттина яра цу кешнашкахь йоллу Хадишат, цунах бехк хетга-а охьа ма вели хьуна ша-м, – элира Муртаза, иштга ойланашна юккъехула санна, – цхьа масех бутт охашимма цхьаьна баьккхинчул тIаьхьа, стелахаьштиг а кхетга, кхелхира Хадишатан йоI, шу марша», – аьлла.

Дика кьонах вар-кх Муртаз, дика кьонах, оьзда верг бен кьонах хила йиш а ма яцара. Ца виси-кх цхьа а, массо а дIавели, хьобца мел лелларг, хьан деган гергара нах. «Деллахь, хьенех, гайтал хьайн юьхь-кха, хьан юьхь-бIаьргаш гуш бен са ца кьерало хьуна сан», – эр дара царех волчу стага, тIе мосазза кхечи, дера дара.

Юха хIета, оцу Глан-набарша цхьа вон Iадийна, тIаккха жимма меттавеьна Гуьллура-кхи со, адаман гIаларт кора уллохула тѐх а даьлла, неIарх тасалуш.

Аз схьа ма хеззи-м кхийтира, Глан-набарша хьобхург хIун хилла.

Цхьа каш дар-кхи суна гинарг, хьанна даьккхина ду а ца хууш. Буйса а ю схьагушьерг, хIетте сирла а хета. Дуккха а кIайн бамба а Гуьллу уллохь. Юха и бамба бухара хьуйш санна а хета суна. «Боккъал а дан хIун ду те хьо, гIенах-м дара хьо», – бохуш, со лаьтгаш, зу ели цу бамби бухара схьа. «АлхьамдулиллаI, Дела, Хьуна бу-кх хастам», – аьлла, доIа дан ас куьйгаш хьалалоцучу барамехь сама а ваьлла, сайна хуучу хьесапехь и Глан а тидина (цхьа бохам хила-м ду хьуна хьо кху кертахь я безачарна), иштга цхьацца дагалецамашка, генарчу шерашка вирзина Гуьллуш ма вара со и йоI корехула тѐхйолуш а, чохьаяьлча а.

Малака, мискано, туьдура Глан чIогIа, юх-юха а хобттуш.

«Хьенех, цхьана-шина кIиранна кьайлавалахь, диканна бац-кх и хаам», – элира цо хьобга хIетахь, ткъе вуьрхIийтталгIачу шеран август баттахь, ахь шега Гуьйранна, сама ма велли дIа а вахна: «Дуккха а милцой ги-кх суна, Малак, оцу вайн керта хьийзаш», – аьлла, шега Глан дийцича.

Кирандийнахь хьо лаца а лецира.

«Мацца а ДегIастана юхакхочур ву и кIант, Сайра, Делан кхел хилла иштга», – аьлла хиллера Малака кхуьнан нене.

Цул тIаьхьа шо даьлча (ткъе берхIийтталгIачу шарахь) большевикаша тоьпаш а тоьхна вийнера Малак а, цуьнца кхин виь Iеламстаг а.

Органна юххе, чIожа чу охьа а баьхна: «ДIадерза цу агIор», – олуш, шайга омра дича: «Вайн бакьо яц шуна, кIентий, Делан мостагIашна букъ берзон, дубъхал дерзалаш», – аьлла, схьавирзинчу Малакна аьтту агIор хьаьн мIаьштиг а лоцуш кхетга бохура топ.

Большевикех ший нохчо а хиллера.

Эзар оила, эзар хIума хьаьди корте и йоккха стаг, Тайбат, йобIан бохам бийца схьачу яле.

Дерриг хууш-м дара, хIетте а – цо аьлча а, ца аьлча а – йоI йобхнийла хаьар-кх, ца йобьча буйсан Гуьйккъехь, карахь бер а йолуш, лайлахула, цхьа пѐлг санна, ша цхьаь йогIур а ма яцара.

«Даяла, дуй, хГун дуьйцу цо, масане зуда юьту, дАяло дАйижа», – олуш, дАчовхийра зуда.

Дера човхийра, цхьа хГумма а доцург, цхьа пайда боцу хГума долуш санна, шек ца хила а гЮьрташ. Виь воI наха вуьйш, тIаьххьара висна пхоялгIа верг а наха а вийна, тезет дАйирзина ши-кхо де а далале, цхьана шерачу араьх дин хьовзош воллучу ТоргIина тIекхаьчначу цхьана стага хаьттина бохура: «Ва ТоргIа, хьо хьера-м ца ваьлла, ахь хГун леладо, дин хьовзочохь ву хьо тахна?» – аьлла.

«Хьан ТоргIа ваха, ТоргIин кийрахь йоллу жобжахатин алу схьаараяьлча, кху шерачу араьх бецахал-м бер бацара хьуна, хГун де боху ахь вайга!» – олуш, динна шед тоьхна бохура ТоргIас, хьовзочуьра дин а ца сацош.

Маржа зама а, кьонахий а яI-кх, ма генара гIан-набарш хета-кх шу тахна, кху яккхийчу шахьаршкахь, мила волчу гIур вара те де-буьйса дайа аьлла, дIа ойла йича, ваха а, ван а стаг а воцуш, ойла хьавьззина юха а хьан сингаттамах хьерчачу дийнахь.

Тр-р-р, собар делахь, Покаш, кху салаз тIе ас хьаьрдаш якккалц, аннаш шийла хуьлу хьуна чIогIа. ХIаь, иштта, хIай-хIай, шада кхуза дилла деза... ХIа-хIа-а, хIинца йолало хьо, салаз еза а яц хьуна вайшиннан, попан дечгах йина.

Шийла Iуьйре а ма ю хIара-м, хитIа лаьхкина даьхний гой хьуна, хеба а хебаш лаьтта. Кьа ду-кх хьайбанийн а, Дала кхобллинчу массо а хГуман а санна.

Хьажахь, сол хьалха цхьаь-м дера вахна кху новкьахула, салаз а йобжна. Буха эчиг лаьцна долчу гIон лоран бист, тай тоьхча санна, нийса хиларца кьаьста-кх хьуна. Эчиго яз ма йо салаз мелла а, шаршарна кхин йоккха гIоли а ма яц хьуна цо еш, дуьххьал салаз яаяларна дуьхьало ю-кх иза дика.

ЭхI, маржа аренаш яI, аренаш ю-кх Iохкуш, аренаш, ерриш а лай кIел а яхна, наггахь цхьацца Iаьржа кол а, чIемарг а кьаьсташ кIайчу лайлахь.

Лайн суьйренаш хуьлур-кх жимчохь хаза, вуззалц хьена хГума а йиьна, тIехь вовха а волуш, хьо цхьанхьа луларчу юьрта накьосташца хан яйа воьдуш. ДIакхачале берриш дуьхьал хIуьтттура хьуна уьш, церан кьамелаш а, забарш а цхьаьна. Кьедар-миска ма хьийзавора, цуьнга жерочо дайитина хилла хабар а дуьйцуш.

Цхьалазара кхетта, церг-кхела дIа аяьлла, кхема лелош вара Кьедар. ХIокхарал дикка воккха а вара ша, хIетте а кхаьрца бен ца Iара, ша хьийзошшехь.

Хьалха хецна йобIан хIусаме дIа чу а воьдий, де-буьйса а доккхуш ма дуьйцура ламароша захало. Хьо шовзткьа шарера ваьлча мегаш дара иза, кьона хилча-м ца мегара. Кьоналла хала ма яра, сецон хала яр-кх, дагна духкуш (обздангаллех дуьйцина) болатан гIараш ца хилча.

Юха иштта, жерочун вешех дага а ваьлла, вогIур ма вара ша оцу хьан йишица дош дийца олуш, вахначу кхунна, Кьедарна, жеро реза ца хиллера.

ТIаккха цигахь буьйса а яьккхина (цара уьстагI буьйш, хьошалла а дина), Iуьйранна цIа веьнера Кьедар, дукха юьхьIаьржа хIоттарна юучух а ца кхеташ.

Кхано, хьешан цIа чуьра мотт-гIайба нисде ша аьлла, чу яхначу жерочунна гIайби кIелахь Кьедаран кхема карийнера.

Юха цо, жерочо, хабар дайитина хиллера Кьедаре: «Кьоналла гIайби кIелахь а йициина вахна хьо, хьаша, хьайн кьоналла дIаяхь вола», – аьлла.

ХIетахь ца иккхина дог цкьа а оьккхур ма дац шен, олура Кьедара: «Хьо биса хьайн да велла, да велла биса хьо, дуй!» – олий, хIоразза а кхема багара схьаоьккхуйтуш, ластва а бой.

Хаза нах бара чIогIа, хаза нах, бегаш а хаьара... Цхьа эвлаяш бар-кх, цхьа эвлаяш!

Хьажахь, цхьогал, делла ма дала хьо, хьайн са дадийна лела-кх хьо а кху лайлахула. Цхьамма кьахкийна хьуна иза, сел Iуьйре човхош. Миска яI, миска, адамах кхоьру-кх шу а, хIара дерриг дуьне а. Боккха болх а бу-кх адамийн болх, адамо ца юьйш хГума яц-кх, адам а тIаьхьа.

Товар дар-кх кху дуьненчу оила ян хьекъал а, иштта хIара Iалам тергалдан бIаьрса а делла, Дала хьо схьакхоьллича-м, кхийолу меженаш ца елча а.

Хьалха шайн деган синкьерамна ма оьхура нах талла, пхеа шарера баллалц хьах а ца буйра, дахаран марзонаш евзина ца хилча, къа ду цуьнан олий. Гурахь, бог хьайначу хенахь талла вахнарг лай лоруш а дара хьуна. ХIара кега-мерса хIумнаш хьа а ма ца йора, бIаьрг хьаста юьтур-кх дуьненчохь, иштта цхьа геннара тергалъян. Цхьаннал сов эхха а ца дуьйра цкъа араваьлча, цунах а (тIе кхаьч-кхаьчначунна дIасадобкъуш) пхьор далла хIума бен шен хIусаме а ца кхачайора – осалалла лорур-кх цул совнаха дерг шен хIусаме дар. Акхарой Делан даьхни ма дара, Дела воцург Iу воцуш.

Ламанаш: «Кху дуьненан паналлехь догIанаша дашош, малхо дакъош, цхьа а эца пайда боцуш ирахь латтон хIунда кхоьлли ахь шаьш?» – аьлла, шена дилхича: «Шун бацах дуза, шун хих Iаба, шун тархашца дийша акхарой кхуллур ма ду ша», – аьлла, акхарой кхоьллина боху Дала. ТIаккха акхарой дилхина боху: «ХIай Везахинволу Дела, бацах дузар, хих Iабар, тархашца дийшар бен, кхин Iалашо йоцуш тхо ма кхоьллина делар-кх», – олуш. «Шуна дуьне дезийта, шайн синош шуна марздан, шуна тIаьхьакхуьуш волу иччархо кхуллур ма ву ша», – аьлла, ша уггар а кхетам луш дуьненчу даьккхинчу адамах иччархо вина боху тIаккха Дала. Адам ца дилхина Далла, Цо шена деллачу декъана. Адам доьлхур а ма дацара. Адам Iебарг ца хиллера-кх цхьана а хIумнах, вонах а цхьаьна, дера ца хиллера.

И шун доьзалхо вайн хIусаме веьна аьлла, маьркIажал тIаьхьо цхьа стаг кхаьчча, кхин цец а ма ца велира со, дахаран гIиллакхаш ду-кх, хьенех, дахаран гIиллакхаш, цхьа а баккхал лелон пурба дац шуна, ши туьмий пхи соммий, я эца беза-бевзачарна пхьор дан цхьа ка а балабайта вайна олуш, дIавахийтир-кх.

Вонаш гинчу стага хьелаш ма ца хоьржу. Со вонаш гина а ма вара шортта, кху дахарх чекх са галла, Iеха ца валлал кхунах.

Товар дар-кх, ткье вуьрхIийтгалгIачу шеран аьхкена тIаьхьарчу баттахь, сарралц мангалахь а ваьллина, мангало тIам бойна лекь а карахь (цунна лобралла дер-кх аьлла), Iаржлу-уш шайн юьртан хьостане хьо охьакхочуш: «Истой!» – аьлла, чакхмаш дIасатобхна, мокхачу салташа хьуна тIе тоьпаш лаьцча, лекь буйнара дIа а иккхина, эпсаро (хьо тIом бан воллу-кх моттаделла я иштта дIа, синкьерамна) аьтту белшах топ а тоьхна, юха ши куьг бахтарца къовллуш тIехьа а дихкина, стагана вуьгу ца вуьгу а ца хоуьйтуш, сих-сиха коьртах тоьпан бух а, букь тIе – хьалакхийса а луш – деттина айра долчу мачин мийра а тухуш, оцу цхьана буса ахь Итон-Кхаьлла набахте беьна некь-м, кхин хIумма а ца хилча а.

ТIаккха цу чохь, йобхна белш а йолуш, хин тIадам а ца луш, хьуо бандит ву ала, герз ду ала хьайн бохуш, рогI-рогIана оьрсичой, шен нана яхкоро – цхьана нохчочой шина кIирнахь ницкъ а бина, Сольжа-ГIала охьавалийча, цигахь хилларг-м товар дара кху дахаран хьелаш ца хержа, дера дара.

Товар дара, цхьана йоккхачу кулубе, Сталинан цIарах хиллачу (набахтеш юьзна хиларна), шу кхо эзар стаг шайн наьIармачашца, кхакханан куйнашца, кетаршца, товнна датта а луш, мезаша дууш, буса ши-кхо сахьт даьллачу хенахь итт-пхийтта стаг дIа а вуьгуш, отуш, нуьцкъах вовшашна тIе а кхайкхош, юха сахуьллуш схьа чу а кхоьхьуш, лестош, декхий санна, бертал а, аркъал а оцу кулуба чу тIекIел деттар-м.

Эзар стаг а ца висира дийна, массо а вийра, дакъа доцуш вайра, каш доцуш дIакхаьлтира советан Iедало, буо санна, сагIа доьхуш, хьо тешийна баьрчче даьлла охьа а хиьна.

Цхьа бала, я цхьа боккха бохам тIебеьначу халкъан «дай» кхечу къомах хуьлуш хиллера гуттар а, къаьсттина и халкъ шеца дика хиллачу къомах.

Сольжа-ГIаларчу набахтехь а дара иштта, коьрта хьаькимаш суьйлий, гуьржий, оьрсий а болуш.

Оьрсий дуккох бара.

Хара даим цхъана суьйличо левора, нохчийн мотт а буйцуш – зуда хиллера цуьнан нохчо.

«Майра нохчо бу баху ахь хьуо?» – олура цо хГоразза а, хьо чу мосазза виги. Юа, харцахьа, гIаш юккъе мийра тухура, гIаккха, хьо вужуш – бетах, чоже.

Хьо гутгар а гор кхетара хьалха, цул гIаьхьа – бертал.

Ши куьг дихкина дара.

«ХьалагIатта, лата сох, къонах дац хьо!» – гIехIуттура, хаьнтIе ши куьг а хIоттадой, бIаьргашца-м цхьаь доьккхуш я кхардамца воккхавеш.

Ахь узар ца бора. Узар ца бар дара хьан доьналлех гIаьхьадиснарг, хьаькимо иза хала а ловра, ша хIотталц хьуна гIаж а, мийра а беттий. Хьаьким гIеллора. Хьо такхийна чурьа аравоккхуш а гIийла хуьлура хьаьким, хьо шена кьар ца валарна, кьурд ца аларна, хьо даим шен бIаьра хьежарна.

И дерриг а пхьола цо хьуна гIехь деш, неIар уллохь, кийчча лаьгташ эпсарш а хуьлура, герзаца.

Хьо цара цкъа этира, багара цергаш а, куьг а, масех пIенда а кагбеш.

Дуьххьара леван вигча, суьйличо нохчийн маттахь тайпа а, тукхум а, ден цIе а хаьттина, лерга юххе гIара туйхира хьуна, пел а оьккхуйтуш. Хьо дукха воьхна, цецваьлла гIекхийтира, хIума тоха ца кхуьуш, къамкьарг а лаьцна.

Юа шолгIачу сарахь, кулубехь меттавеьча, хьо цхъана соннехь аркъал Гуьллура, кIел тесна кетар а йолуш.

Цул гIаьхьа дуьйна, леван вуьгуш, ши куьг дIадоькхура.

Зусашха волу Дуй Гума паччахьан Iедало ирхьуллуш, цуьнан когаш бухара гIант (массо шай-шай доккхур дац олуш, дуьхьал ваьлча) суьйличо даьккхина бохуш хезнера хьуна.

ГIаккха, и хууш волчу хьуна, аттуо хуьлура хьаькиман «майралла» лан.

Хьуна кхин хIумнаш а догIура дага.

Цара чIогIа гIо а дора.

Цул гIаьхьа шу, биь бутт баьлча, эзар гергга стаг (вуйш байинера Соьлжа-ГIалахь) цIерпошта гIехь дIавигира буса, лайн есачу аренашкахула, нагахь бен бIаьрг боцчу вагонийн корашкахула чу дарц а хьийзош.

ЦIерпошт саца а йина, шу охьадаьхча, оцу меттиган цIе «Котлас» хиллера.

Шу лайла дIахIиттийра, когахь хIума а йоцуш (хулчеш дIаевллера), ахдерзина догIмаш а гуш.

БукьтIехьашха салтий а бара.

Цхьа йоккха машин ялийра сха.

ГIехь кIайн, еха кетар йолу хьаьким велира гIаккха цу машин гIе хьала, каранаш доккучу буйнахь дуккха а кехаташ а долуш.

«Хьенехов Минех?» – мохь тухура хьаькимо.

«Я!» – ала дезара шен памиле яьккхинчо.

«Пятнадцать лет. Пятьдесят восьмая статья», – мохь тухура хьаькимо.

«Есть пятнадцать лет, пятьдесят восьмая статья», – дуьхьал кхойкхура Хьенехов Минех.

«Сенехов Хьенех!» – мохь тухура хьаькимо.

«Я!» – кхойкхура Сенехов Хьенех.

«Десять лет. Пятьдесят восьмая статья!» – мохь тухура хьаькимо.

«Есть десять лет, пятьдесят восьмая статья», – дуьхьал кхойкхура Сенехов Хьенех.

Кхарна хенаш иштта туйхира, лай юккъехь, дIаса мохь а бетташ.

Цхъана эрначу хотехь, хьун хьокхуш, Рокоссовскийх кхийтира хIара, гIемалочух. Иза дегIана лекхо, векъана стаг вара, забар ша еш а, шеца йича мегаш а.

Иза лагерера арахарчу балха а ца вохуйтура цкъа а. Пом бер бу олура цо кест-кеста, гIаккха ша дIа а вуьгур ву, шай, Жуков – ший бен ца висна гIеман хьал хууш волчарах, олий.

Лецна нах буйлура, цо ша дIавуьгур ву аьлча, ца тешаш.

Юха, тѳом болабелча, шенна бригада а елла, уллохъ ха а доцуш, хъун хъакха араваьккхира иза а.

Хѳара лагерерчу хъаькимера дац, олура цо, Маскохара схъа ду, хѳилла ду хѳара, кѳентий, хѳилла, со воду я ца воду хъажа гѳерташ елла маршо ю, олий.

Цунна дуккха а хѳумнаш хъаѳара кху ѳедалх лаьцна. Цъаѳаѳерш дийца а дуьйцура.

Кхуо шен ткъе пхийтталгѳачу шарахъ лаьцна волу ши деваша хъаѳтира цуьнга, ѳеран доь дар а дуьйцуш. Цо уьш дийна хила беза элира, цхъа а адам доьчу пана махка дѳаѳигна, цаѳах керла, иэс доцу советан къам кхолла къаѳилабаьхна бу уьш кху ѳедало аьлла.

Каро ѳиш юй-ге уьш лехча, хъаѳтира кхуо.

Дуьненан кийрахъ карор бац, элира цо, я цаѳах хилларг а хуур дац Маскох ѳачу шина-кхаа стагана бен, аьлла.

Хѳара хѳетахъ ца тийшира.

Тѳом баьлча, боккъал а Рокоссовский дѳавигира, ерриг а лаѳеръ тѳаьхъа а ѳоьлхуш. Цо дуккха а нах а бигира шеца, дукхахъерш урканаш а ѳолуш.

Кхуьнга хъалххе динбекъа а ѳамаѳитинера цо шена, тѳамтѳе ѳига. И динбекъа а ѳигира дѳа, цхъана ѳоккхачу машен тѳе а ѳаьккхина.

Хѳорш тѳаьхъа бисира, лаѳерехъ. Хѳорш ца бахийтира тѳамтѳе.

Кхеран статъа тѳом бан а мегаш ца хиллера.

Хѳорш къаѳиллаха хила безаш хиллера адамашна, цхъана а маьршачу дегѳана (мостагѳчунна а цхъаьна) тѳекхача ѳиш а ѳоцуш.

Шовзткъе кхойтталгѳачу шарахъ велира хѳара мукъа, стигланийн а, лаьттан а, маьлхан а, беттан а – дерриг а дуьненан «да» волу советан ѳедалан коьрта воѳ велча.

Кхуьнан цѳийнан нах Алма-Атахъ хиллера, дѳаѳохийна – лаѳеран хъаькимо бира кхуьнга и хаам, араволучу дийнахъ.

Зудий, ши кѳант ца карийра. Нана новкъахъ кхелхинера, цхъана станцехъ. Циггахъ охъаѳаьккхинера цуьнан дакъа а.

Наха тѳаьхъо схъаѳийцира зудий, жимахволу кѳанттий мацалла далар. Важа, воккхахверг, Исмаьѳал, детдоме дѳавигна элира шовзткъе пхобалгѳачу шарахъ. «Лелон стаг вацара, мацалла яра, тхаьшна дан хѳума дацара тхан, тхо а дукха ца дисна», – элира массара а. Массо а кѳелхъара велира цхъабосса.

Шовзткъе пхийтталгѳачу шарахъ карийра хъуна Исмаьѳал, аьлча а иза вийна меттиг, Джамбулера кѳора боккху шахта.

Дейтта шо хиллера цуьнан, шовзткъе ворхѳалгѳачу шарахъ урканаша, бандит ву аьлла, кѳора дѳасакхобхъучу вагонна кѳел а кхобссина, ши пхъарс а, ност а ѳоккхуш, нохчийн маттахъ мохъ-цѳога тохарх орцахвала да воцуш, шен са долучу готгачу дийнахъ.

Хъо а дукха тѳаьхъа кхечира, бархѳ ѳай-ѳаьстей хийца а делла, иссалгѳачу ѳано латта къевлича.

Исмаьѳалх хилларг а хиьна, делха а, дека а, хъаста а, човхо а хѳума а доцуш, гуттар са «паргѳатдаьлла», хъаьттахъ зударшца кѳа а ловсуш, уьрсаца маж ѳаша деган кхардамах ца хѳутгуш, тукарца чо а лоргуш, цхъа «мерзачу» денойн чам бууш хъо лелаш, Тайбата сарахъуо (цхъацца кѳен буьртиг бага а кхуссуш, хъаьттара хъо охъаволавелча) тѳаьхъа а кхиьна, саѳийра хъо.

«Хъенех, и ког баккхар ма дайделла-кх хъан, нахана а хъехахъ и дарба», – элира цо, баьрнегѳарш а дегош.

«Дахаро цхъацца «хъаштѳоцу» новкъарлонаш дѳаса а ѳаьхна, атгачу даьхна-кх вай, Тайбат... Озабезамаш бу-кх, озабезамаш», – велаваларан сурт дан гѳоьртира хъо, лакхара балда жимма меттахъхъаѳарца.

«Элдарха, цхъана хѳусаме доьрзуш хила дезара вайша. Цхъацца иэ-кегабелла нах бу кхузахъ вовшахкхетта, хъан-хъанна а бод хъекхо а ца лаьара», – хазийра Тайбата, цхъаь хатта-м сецначуха, ѳолаелла гена а ѳолуш.

«Вай хъалха хилларш дац хъуна, Тайбат, чов ца езва дархо экаме хуьлу-кх лелон». – элира ахъ цунна тѳаьхъа, дешнашца кхин вах а ца луш.

«Шовда лаьттинчохь ушал ца эшна, – олур-кх, Элдарха, вайн дайша. Массо а меже йоьхкур ю-кх чевнийн, цIий лаккьалц», – юха а ца хьожуш, дIаяхара, цхьана хIуманна-м сихьелча санна, я дерриг а кхачош.

Тайбат хьол хIума жима йоцуш, хенало йоI яра, хьобца цхьана юьртахь кхиьна а йолуш. Да а, нана а, шортта вежарий а хиларна, цхьацадолу захалонаш юхатоьтту-уш, генахьуо ойла кхийдош хIара Iашшехь, кьам цIера схьа а дохийна, кхин марехь а ца нислуш, йиснера Тайбат.

Я кхузахь а ца яхнера, курра деттаделлачу дагна мукIарло ца дан, я ша-шена кьар ца яла.

И кьамел хилла бутт баьлча, хIара шиь цхьаьнакхийтира, цхьа а цец а ца долуш, я тамаша а ца беш вовшех.

Дерриг а иштта дIа хилир-кх, цхьа язбеллачу кхолламах, я йочанна тIаьххье йогIучу йоькханах терра, хилаза ца долург а хилла.

Ахь цхьана кIирандийнахь, хьаьккхина чу а вахна, Тайбатан воккхах волчу вешига дIаэлира юьхь-дуьххьал, шуьца гергарло ма оьшура вайна, Хьуьнарк, вай вовшех даьшча аьлла.

Хьуьнарк шен йишин амалехь, дог лаьттачохь бIаьрг сацор дезаш стаг хиллера, дагна дезаделларг долахь хилар а лууш.

«И йовсар хьайна товш елахь, дола дехьа цуьнан, хьенех, цуьнга и раз йоргIа а ца кхобхьуйтуш, кху дийне ели-кх иза буржал тоха да ца волуш, – Хьуьнарка доцца хадийра, – хьайн шад кечбеллахь, йоI, ахьа, хьуо марчоне хьобжуш яцахь», – аьлла, забаре даккхарца, чIогIа мохь а тоьхна.

Моллин деха нигаташ чекх а девлла, хIара шиь цхьана тхов кIел нисделча, Тайбат кхуьнан коча еара, шен сих лата санна, са буйна а кьевлина, дерриг а дахьаш кхунна цхьанна Iеттош:

«Элдарха, – тIейризира иза кхунна, – со вайн кьам – кьам хеташ яц хьуна тахана, я вайн боьрша нах кьонахий хеташ а. Цхьана кьонахчо цхьа топ а ца кхуссуш, неро хьокху нехаш санна, дийнна кьам цIера доккхучу дийнахь хиьна суна кху дуьненчохь суо хьеннан а долахь юйла, со хьаьа а яхкор юйла а, шен лаам боллучо. Ас сайн вежарий массо а цу дийнахь белла хуьлуьйтур бара, Элдарха, гIело ца лайначу вежарийн йиша йогIу, некь биталаш цунна, сайна бахийта.

Генара-уллора, кьайлах-гучух соьга бистхила оцу вайн юьртах кхолха гуо тийсинчу нохчийн курчу кIенташа (вай дохочу доккхачу дийнахь), мотт бастаза долчу нускало мардех лечкьо юьхь санна, со яьл-яьллачуьра шайн догIмаш идош сайна гича, цхьа тамашийна куралла йоьссина, Элдарха, сан дагIе, дийнна кьам гора хIоттош, мостагIашка суо эша ца елча санна. Цундела кьомах суо цхьаь йисна лору ас лайн мухIар тохаза.

Вай делла хила ма дезара, ва Элдарха, цу дийнахь, цу цхьаь бен доцчу доккхачу дийнахь, зуда а, боьрша а – цхьа а стаг тIаьхьа а ца вуьсуш. Цкьа даьлла са шолгIа дала йиш ма яцара, и де а догIур ма дацара кхин. Вай дехар ма дара тIаккха, хIара дуьне мел деха, кьар ца деллачу кьоман мохк бу хIара бохуш, аб-абаде яьлалц хIара дуьне цец а дуьйлуш.

Ткьа хIинца... хIинца куралла дIа ма яьлла, Элдарха, сонталла хьаша ма хьаьши, ойла ясса ма ели, баьккхина бIаьрг санна, – Тайбат, бертал а йоьдуш, йилхира, кIезашна угIучу зуд-барзах терра, тIаьхь-тIаьхьа гIуьрашка а юьйлуш. – Хьо цу дийнахь цаьрца хиллехь, бохийначаьрца хьо схьавеьнехь, хьобга а мила йогIура, хьо а хьанна оьшура, хьох а мила ешара. «Иза лийриг хир вар-кх цу дийнахь, иза вогIур вацара-кх иштта», – бохуш, хьох са Iехош, ойла тешош, кхин цхьа а ца висарна кхечин со-м хьобга, ахIи-ахIи-ахIи», – Тайбат дуккха а йилхира, хIора буса, хIора дийнахь, хIора кIирнахь йоьлхуш.

Хьо цуьнга хIумма а ала а ца хIоьттира. Хьан хьайн бара баланаш, хьайн а бара мостагий, Дала итт эзар са луш кхоьллина хилча, и итт эзар са дуьхьал даххал дукха.

Хьуна хIинца дага а-м ца догIу айхьа цуьнца цхьалхавала дуьххьара тIера бедар дIа масалгIачу баттахь яьккхира, я иза муха хилира а.

«Суна кІентий безар бу хьуна, Элдарха, ворхІ, исс, шийтта. Суна бекхам беза сайн гІелонна, – элира Тайбата, – зудаберех вайшимма дан хІума дац хьуна», – аьлла.

КІант цхьа а ца кхира.

Пхеа а велира, кога вахча, ворхІара ваьлча, шийтта шо кхочуш, меркІело Іаржъялале, тІаьххьара верг – ткье пхиь шо кхаьчча, зуда ялон бутт бисначу хенахь.

ЦІераш Тайбата ша техкинера, Муьстарг, Варий, Чегий, Зайт, Жаммирзий бохуш.

МуьстаргагІар шолгІа кхуьуш ца хиллера.

ХІара церан зама ца хиллера.

ХІара кхин зама хиллера, кхечу цІерийн зама, кхечу кьонахийн, хенаш дукха еха йолчу, метгахь бен кхалхар доцчу, шайх дагалеца хІума ца дуйсучу, иэс десачу ІуьтІийн зама.

ТІаккха тхойша ший а гор дахара, тІаьххьара кІант кхелхича.

Дерриг а даьтгІа охьадоьдуш, карахь кхаба кагъелча санна йсира Тайбат, кхин лийса налха а, я бод хьакхо шар а доцуш.

Хьан кхузткьалгІа шо дара, Жаммирзин барма ойуш.

Гуттар а «кІуд-кІуд» бохуш, юсаелла, кІорнешна гонах хьийза нана-котама санна, кертах а, цІийнах а дІалетта, сесанах идда йолу Тайбат, букь а кагбелла, сецира, ший куьг охьа а хаьдда, кертара нитт а, я чуьра нех а ца хьаеш.

Чоь хьобгахь йсира, кертара беш а цхьаьна.

Тайбат цхьа ша-шега лен яьллера, ша кьаьхьа де дийр ду шуна, ша кортош легор ду шун бохуш, Соьлжа-ГІала охьа бІаьрг а бетташ, сих-сиха кеч а луш, Маскох йобду ша я Петарбухе олий, цхьаццанхьа яха а тохалуш.

Хьуна иза цхьана юкьана хьераьялла моьгтинера.

ТІаьххьар а дІа метгаеара, узамашка а яьлла, нахаца уьйр а хаьдда, хІумма а дага а ца догІуш.

«Делан кхелана реза хила езара, Тайбат, вай цхьа мисканаш ма ду, Дала цхьацца хенаш а тоьхна, кху харц дуьнентІе зен дахкийтина, вайга хІун лалур ду а, хІун лалур дац а хьажа. Шена везачунна дуьненахь лур бу ша бала, эхартахь паргІат вита, аьлла а боху Дала а», – олуш, хьо шега хьаставелча:

«Со Далла реза ю, Элдарха, Дала ша схьаделларг дІаэцар бен, хІума ца дина суна, – тоххара, Казахстанехь, хьан хІусаме ша кхаьчначу буса санна тІейирзира хьуна Тайбат. – Со хьуна яц реза, сайна яц, айса оцу Далла дуьхьал хьочу дуьненан гІелонна яций со-м реза! Ас хІун эр ду Цуьнга, хІун хоттур ду я хІун доьхур ду!

«Хьуо оьшур вуйла ца хаьара хьуна, паччахь нуьцкьала вуйла ца хаьара, хьо хІунда летара?» – аьлла (кара а валийна, хьалаолла кечвеш, когах буржалш а тоьхна лаьтгачу шега), инарлас хаьтгича, Дуй Іумас аьлла бохур-кх, ва Элдарха: «Хаьара шена ша оьшур вуйла, паччахь нуьцкьала вуйла а. Кхана догІудолчу Къематдийнахь, оцу тІерачу Дала:

«Хьан дайн, вежарийн кортош дохош, хьайн наной, йижарий синкьерамна хьийзош, хьан махках цІе туьйсус, хьан ярташ ягош, мостагІчо мохк боккхучу дийнахь хьо хІун деш вара, ва Іума?» – аьлла, шега хаьтгича, оцу АллахІ цІе йолчунна: «ХІара деш ма вара ша», – аьлла, дуьхьал дахьа дош дезаш леттера ша, оьшур вуйла ца хууш ца леттера», – аьлла.

Суна дуьхьал дахьа хІума дезара, Элдарха, оцу Далла. Суна гІелонца яха ма ца лаьара Цунна дуьхьал. Ас бахон ма ца бинера и кІентий. Ас балийта ма бинера уьш, мостагІчуьнца балийта, сайн гІело цІа ян!» – Тайбат сецира.

Хьо кхин ала хІума а доцуш висира тІаккха, Элдарха, цу дийнахь, дера висира. Хьо гІелвира оцу дешнаша, чобьхарчу стеган тешнабехко санна.

Хьан дог цу дийнахь дуткьделира.

Юха, цул тІаьхьа, Делах а, нахах а эхь хетташехь, зама дІаяьллийла хуьушехь (Тайбаган дехаршца, цуьнан доІанашца), кхин цкьа а гІоьртира гІелонна дуьхьало яккха, нехан кара ца даха, хир ву а, вац а ца хуучу доьзалхочунна

(вахийтархъама, къонахийн цѣраш ца хъаеш) боьхачу хІуманан цѣ тиллича мукъна а вехар вацара-те аьлла (мотт бетташ, нах бойуш, ша лечу сохьтехь а Далла тапча кхуйьсуш веллачу), цхъана Делан мостагІчун цѣ, Къалзам аьлла, юхамаччахъара яьккхина а туьллуш.

Пуллакх ца хилира цунах а – йоІ хилира схъайнарг. Вайн Делан дуьненахь йоІана цѣ ца туьллуш, Тайбат дуьхьальъялча, ахь дикка ойла а йина, Іаламат аьлла, цѣ тиллира цунна. Дан а ма дара Іаламат, къанделлачу хенахь тхойшиннах бина къинхетам бар-кх, воІ а кхиъна, паргІатдер доцийла хууш, дезарш дан зудабер а делла.

Ткъа хІинца тхойшиннан хІун бехк бара, иштта хиларе мила хъежнера, хъанна моьттинера, хъан воккхавер цхъамма хъан коша тІехь хьошур ду, тІехволучуьнга мел кхайкхабайта кошан чурт а ца дуьтуш.

Дуьне яІ, дуьне...

Ванах, схъа ма кхечи со-м, тилвелла стаг санна, суо мича воьду а ца хууш.

Чан рагІ-м лаьтташ ю, цхъамма а хъа а яза. Иштта латта а йина, стаге кхин чан цинц а ца бохьуйтуш, стохка, бІаьсте йоллуш, ягийра хІокху совхозо цхъа ши рагІ а.

Нах ца бузарх мегаш дар-кх хІара Іедал, ворхІ велла Іиллахь а.

Хорбазашна хІун дира, тІаккха хохашна а...

Ерриш хорбазаш дІа а лахьийна, палан дІаелча, йиснарш (нахе пайда ца эцийта), тракторшна тІаьхъа мекханаш а тесна, хъаьшна дІаехира. Лай кІел бахна хохаш а байра иштта, белашца латта а охкуш, хохаш гулбеш бохку нах Іедалан ницкъаца тІера дІа а баьхна, латта дерриг а аьхна, тІекІел а кхуссуш.

Цкъа Казахстанехь, эхІ, деллахь, ма боккха белам бар-кх хІара Іедал, вийлина а, цецвийлина а, кхаьрдина а ца валлал! Хаза Іедал дара чІога, хаза Іедал...

Юха цигахь, Казахстанехь, пхьуйра хенахь цхъа вон неІ туьйхи чІога, кху Іедало ма тоххара. ХІара дуйла-м «открой» боху омра хезча хиира.

Тхойша цхъа ши де хьалха дуьххъара хилла кІант, Муьстарг, дІа а воьллина, догдохна Іуьллуш дара, вовшашка дІаса а кхойкхуш, те а деш вовшийн, вовшийн догъэца а гІерташ.

Ахь неІ схъайиллича, панарик сецира хъан юьхь тІехь, «шхарт-шхирт» деш, цхъа ши хІума охьакхоьссира лаьтта.

Арахь машенан гІовгІа а яра.

«Во дворе автомобиль «Победа», а тут два ковра. Ковры быстро повесишь, автомобиль не трогай. И распишись тут», – цІенкъахь лаьтгачу гІанта тІе цхъа кехат диллира, панарик а хъажош.

Ахь куьг тагийра.

«Смотри, если кто спросит, все это твое. Понял?»

«Понял», – элира ахь.

Хромовой этгаш яра когахь, тІехь – кожанкаш, хаьнтІехь тапчанаш а йохкура.

Юха, уьш дІабахча, дукха Іийра, Іадийча санна, хъала а ца гІатталуш, дегІа чуьра са дІа а даьлла.

Кхано, цхъа ши сахьт зама а яьлла, хъала а гІеттина, неІ а йоьллуш дІа араваьлча, «Победа» лаьтгара.

Теваха а ца ваьхъаш, чувахара.

Таккха кузаш дІаохка алар дага а деьна, оцу сохьта хьостамий а лехна, дІатуьйхира пенах.

Кхин вовшашца тІекаре дала ца хІуттуш, ца кхеташ, генна тІаьхъа набаран тар озийра, ша хила доьгІнарг дІа хир-кх, яздинчух ваций вер аьлла.

Юха а неІ йолийра, хьалха санна, анаюх серлайолуш.

Схъа чулилхира. ДІахъажийра панарик. Кузаш гира пенах дохку. Хьостамех бІаьрг кхийтира.

«Ух ты, чмо, как ковры-то повесил, дикарь!» – муьшка ластийра бетгах тоха. Схъа ца кхийтира.

ДІабахара.

Иаьмеркера цхъаь-м хилла хиллера цигахула воґлуш, нах муха бежа хьожуш. Иза Йехон еьна хиллера и хґумнаш, цунна уьш нехан долахь ю мотгийта. Юха, мухха а Иаьмеркан хьаша кхечухьахула а хьавзина, иза дґакхачале аьлла дґайовдийнера и хґумнаш цига, бухахь хилийта.

Дела, хьуна бу-кх хастам, ма минот ца елир-кх, Элдарха, оцу кузашна тґехула хьо кхин цкьа а лагере кхача.

Хґора дийнахь тґекхуйлуш, чехош, Йедалан хґуьттаренна кузаш дохийна, хьостамаш а тоьхна, «саботаж» ю, Йедалан мостаґI ву бохуш, хьалха чохь ваьллина болу бух а хьалаайина, иза мера кґел бетташ... Дала ваьккхир-кх, Дала, шен боккхачу ницкьаца.

Нисделла Йедал дара, нисделла, ша нахана йийриг бен, кхин нийсо шена ма хиларг, я тахана а цуьрриг хийцаделла а дац ша хьалха хиллачул, тебна-а Iаш ду, кґел хиьна, тґехулара бедар а хийцина, четахь шен тешнабехк а боллуш.

Шех тешарг лолда шен, шех тешарг!

Боккьал а, ма Йовдал хила везар-кх шен доьзал бехаш хилча, ша вехаш вуйла ца хууш волу да, нагахь иза иштта хилча.

Амма иза иштта дацара. Йовдал хилар дацара иза, ша харц вуйла шена хаар дара, нехан долахь мел дерг шен кара а дерзийна, вала ца валлал бен хґума дґа а ца хобцуш, бен-бен кьаьмнаш, мехкаш цкьа хьалха хґилланца, тешнабехкаца, тґаьххьар а тґамца чґаґлуш, дґа а лаьцна, юха церан «да» хґоттар дара дерриг а.

Ши етт берг а ца вуьтура кхуо-м, тґехаа дин берг а – тухий воьра, халкьан мостаґI ву олуш, цґе а туьллий.

Шен цґе туьллура нахана, ша дара халкьан мостаґI, шен дех ша хьегарг.

Тґеюха хеча йоцург духхавезара кхунна чґоґа, цо йолуш волчунна мотт тухура, хьенехан ши хеча ю хьуна олий.

Царах бора хьаькимаш а. Халкьана юккьера хоржий, уггар а ледара нах, цхьамма а ца лорурш (вийца да а, нана а, тайпа а, тукхум а доцурш) хґитгабора коьрте, цу кьоман ка йохо, кьам даржийта, яккало хґума санна, делла, доьхна, Iу воцчу даьхнех и кьам дґасадаккха.

Таккха оцу хьаькимаша а кьам духкура, бага туьйсура вовшийн, вовшашка хґаллакбойтура.

Цхьа а кьам шен махкахь ша ца дуьтура даха, шен кьоман нах балабора Йедало хьан махка, бухарчу кьомал аьлла дукха. Ттаккха царах хьан мехкан дай хуьлура, хьан мехкан Йедал а хуьлура уьш, цара бохабора барт а, шух цхьа пен ца хуьлуйтуш, цхьа берд, цхьа мокхаза лам. Шух кесгаш хуьлура, дакьош, хґумма а йоцурш.

Хґусамда волчу хьох хьаша хуьлура, ткьа царах – хґусамдай. Цара елларг хуьлура маршо а, цара винарг – «кьонах» а.

Тр-р-р, Покаш, кхуззахь сацалахь, хґинца схьакхечи вайша... Вайшинна кґеззиг чан цинц а эцна, хаза меллаша, сих а ца луш дґаґIур ду вайша юха. Ттаккха, вайша дґакхачале, де а дґа юьстах дер ду, сингаттамна гґоли а хир ма ю. Цхьаь деш хилча, гґайгґа а йиц ма ло, ца хилча санна. Вайша кхин хґуманна а деьна а ма дац кхуза, я ча оьшуш ма ца лела, чохь ца Iен лелаш ду-кх, аьлча а чохь ца Iалуш.

Чохь Iен хала ма ду, Покаш, тахана, упханийн тхов тґе а кхетта, латта дазделча, хґинций-хґинций бохуш, ветгалуш, сатуьйсусуш, хьалатаґа гґерта хьо, тґаьххьара тухий, нийсса аркьал а вожош.

Воьжча, дерриг а тґаьхьа ма хуьлу, Покаш, байттамал ма хуьлу, байттамал, кхин догдохийла ма ца хуьлу, кьарвалар бен. Кьарвелча, дґа ма долу дуьне, дуьне доха ма духу Ттаккха.

Собар, Покаш, собар, бухара доккхур ду вайшимма ча, лакхара а ца доккхуш. Лакхара даьккхича, бухарниг дахкалур ма ду, тґе доґа а ихна. Хґуманна кхачо хила ма еза, хґорд санна духха хиларх тесна а ца дуьтуш, дера еза.

Дуйцуш ца хезна хьуна цхяна элана хилларг? ЛадогIал ахь, гондIа а ца хьобжуш.

Новкбахь карийна ялтех хIума, кисна а юьллий: «Делан беркат ду-кх хьо», – олуш, гуттар а ца хьош хилла боху элано. Цо иштта куралла йоцуш, охьабобжна кIен буьртиг а, сискалан цуьргаш а ца юьгуш, Ша деллачу рицкьан пусар дарна, Дала хьолана вуквьина, бIаьста дийначу синтаро гурахь стом луш, шо кхачаза болу Iахар шала бехкаш, ваха хаййна боху и эла.

Цкья и эла новкбахь хьабжкIийн буьртигаш лехьош воллуш, воккха стаг а хилла, гIехIобттинчу шайтIано аьлла боху цуьнга: «Хьо эла а вара, боккха бахам а бара хьан, хIара ахь лелон кIезгаллаш бахьна долуш, наха чIогIа сутара, пис вуьйцу-кх хьо, хьайн сий лардан дезара ахь, новкбахь йобжна-йисна хIумнаш тхо мискачу нахана а йитина», – аьлла.

ТIаккха ойла а йина (со боккьал а эла а ма ву, новкбахь «важар» вон сакхат а ма ду), ша лахьийна хьабжкIийн буьртигаш дIа а кхийсина, цIа вахна боху эла, кхин и хIума ца лелон дагца чIагIо а еш.

Юха, дикка зама яьлча, цхьа ун кхетта дерриг даьхни а делла, йокья хIобттина ялтин буьртиг а ца кхуьуш, доьзало маьI-маьIпера кайиттина, шен долчух а ваьлла, сагIадоьхург а хилла дIавахна боху иза тIаккха.

ШолгIа а воккха стаг а хилла дуьхьал даьллачу шайтIано хьаттинера боху: «Хьо мила ву, мичара вогIу, хIун леладо?» – аьлла.

Ша ишта а, вуьшта а вара, хIинца сагIадоьхург а ву ша, аьлла боху элано.

«Со дара хьуна хьох сагIадоьхург винарг, – дистхилла боху шайтIа. – ХIумнан хама беш хьо хиларна, Дала дика динера хьуна, хьал-бахам а белла, бертахь доьзал а нисбина. Хьо Далла дукхавийзира. Иза ца ладеллачу ас (суна Далла везарг ца веза) цхьана дийнахь зийра хьо, Iехон дагахь, воккхачу стагахь дистхилла, и хIуьмалгаш лехьорна бехк а боккхуш, хьайн сий ма дайа, хьо эла ма ву аьлла. Хьо боккьал а тийшира хьуо эла хиларх. Хьо Iехавелира, эла цхьаб бен цахилар диц а дина. Сох тийшира хьо. Цу дийнахь дуьйна кьийлуш, вухуш, ваьржаш, тIаьххьар а сагIадоьхург хили хьох. Я кхин метта а вогIур вац хьо цкья а.

Сонталла соьгара юйла хаалахь, кьинхетам Делера бу хьуна. Лап-гIарш», – аьлла, кхос-кхосаделла, дIадайна боху шайтIа.

Иштта ду-кх, Покаш, дуьненан хIума, шен цхьа да волуш. Хи а хьайна оьшучул совнаха ма Iенаде аьлла ма ду жайнахь. Хинан а ву хьуна шен да, вайшиннан а ву. Массо хIумнан а ву-кх да, массо а хIума цуьнан а ду.

Кхийтирий хьо, Покаш?

Цхьа гIовгIа-м ю хьуна хезаш, миччахь елахь а, цхьа тата ду-кх.

Ванах, говрахь стаг вац иза...

– ХIей, мила ву хьо воллург?

Кьурьанор, цхьаб-м вогIу кхуза а, да вийначунна тIаьхьаваьлча санна.

Кхуо хIун леладо, оцу гIорийначу оханна гIехула говр хохькуш.

– Накьост, хьуна хIара Iедал доьхна-м ца моьтту, я хьан долахь ду хIара ча? Со мила ву хьайн хьуна? Со...

Хьара дера суна хьо мила ву-м...

– ...Со хехо ву хьуна, пачхьалкхо алапа а луш, хIара ча лардан хIоттийна. Охьяссае хьайн салаз, хIокху Делан сохьта охьяссае, ас хьайна акт а хIоттийна, теттина гIуда тохале...

Иза-м хьобга далур, хьо ваха, ду, иза ма бу шун болх.

Покаш, Покаш, сацалахь, тр-р-р, гIуллакх хили хьуна вайшинна, кья а ца хьабрчаш. Шхарт-шхирт, шхарт.

– Хатта мегаш дац, хатта, ча хьур ма дара ас, хьенех, ахь бакьо елча, мегар дарий аьлла. Лачкьийнарг бен хIума мегаш дац шу, цундела наха Казахстанехула бIаьрзе гуо бехир-кх шу бахьна долуш. Цен партизан а хилла вара хьуна сан да, хIара Iедал доккхуш лета а летта, колхозаш якха гIертгаш, хьабдий-веддий лелла. ДIавохийра-кх иза а, оццул дукха – накха буьззина – орделш, мидалш а йоллушехь, шу санна болчара хIара гIуллакхаш ца дуьтуш, пуф-ф,

– еха муштакх йолу цигаьрка латийра хехочо, говрара охьа ца волуш, аьтту ког нуьйрал сехьа а кхоьссина.

– ХІан, хІинца ча а дІанисди ша хиллачохь, Іедал а ца дуьйхи. ЦІен партизан хиллачу хьан ден а, хьан а Дала хан яхйойла...

– Дала хан массеран а яхйойла, накьост, пачхьалкхан хІума лачкьа ца дайтарх дегабаамаш бан ца оьшу. Сох теша а дина, суна алапа а луш, пирсидатал ковберте а веьна, со ву кхузахь пачхьалкхо ха дан хІоттийна.

ОстопируллахІ, ма кІордий-кх суна хьо а, хьан пачхьалкх а.

– Нийса ду. Ас хІума ма ца боху, эцца сингаттамна, говр а йолайолуьйтуш...

– Дера дуй, дукха нийса-м! Яздайта хьайна ча, конторе а гІой, хьуо пачхьалкхан белхало велахь. Нагахь вацахь: «Я пенсионер такой-то, поршу оказат материално-синажнуу помош», – алий, заявлени луо хьаькиман цІарах. Хьаькимаш шайга аьлча хууш бу хьуна, хатга деза хІума...

– Дика ду, Дела реза хуьлда, кхийти со. Іудика йойла... ХІей, йолалолахь, Покаш!

– ХІинца хІун до ахь, тІе кхаьч-кхаьчначуьнга, хьенехан кІанта ча ца дайити соьга бохуш, со вийца хІуттур ма вуй хьо-м, хІара ча сан долахь хилча санна. Тедотта жимма ча, тхайга хьаьттича...

– Деллахь, со хьо вийца а хІуттур ма вац, суна хьан а, я хьан ден цІе а ма ца хаьа...

– Со Лечин кІант Хьоза ву-кх хьуна...

Хьо Лечин Іалха воцийла-м суна а дера хаьара, хьох бІаьрг ма кхийтти.

– ...Сайга хьаьттича гІуллакх дийр долуш а ву, бакьду, сайх тешийна долу пачхьалкхан хІума дуй, накьос...

– Дела реза хуьлда хьуна, иштта хила а веза, со-м докьар доцуш ца веьнера, хан яйа...

– Хьуо ХІинца, ча хьуо, гІовгІа а ца еш. Тхьобга хатга деза я хайита хьалххехь, хьенех...

– ХІан-хІа, хьаштдац, гІоза даадоила. ЧухІ, Покаш!

– Ма гІолахь! Ча хьуо. Я лачкьа ца дича ца мега хьуна! Шуна мегар ма дац... Пачхьалкхан... алапа а луш... сайх тешийна... ЦІен партизан а волуш... накха буьззина мидалш... Шу кьуй... Казахстан... бур-бур...

ЭхІ, Дела, беллахь Хьайн кьинхетам, кхаьрца хІун дуьйцур ду я хІун доккхур ду кхаьргара. ХІорш бу-кх берриш а, дерриг кьам а – хІара.

«Ча хьуо, тов, хьайна, со вийца воллу хьо». Ас хьаьнга вийца хьо, ша хьайга ца вийцахь, массо а хьо ма ву ХІинца, хьо – массо а! Цхьана дена эзар нанас бина цхьа хье болу доьзал ма бу шу.

Ча дахьийта-м воллура соьга Лечин кІант Хьоза, дера воллура!

Цхьа ши паччахь вовшах летча, эшийнарг тоьллачо ор чу кхоьссинера боху, Гуьйранна цуьнан корта баккха. Кхано, буьйса генна кІаргьелла, ха тхьевсича, эшначун ялхо хІоьггинера бохуш дуьйцу ор йисте, карахь муш а болуш.

Муьшан юьхьиг шен паччахье дІа а лацийтина, ялхо вистхиллера боху: «Ша хьалавоккху хьо, ахь хьайн йоІ шега маре яйिताхь», – аьлла.

«Йоуьйтур ю ша», – резахилла боху паччахь.

«Хьайн бахамах ах бахам а ло шена!» – вистхиллера ялхо шолгІа а.

«Лур бу ша», – паччахь шолгІа а резахиллера.

«Хьайн берриг мехкан а, хьолан а да веш, хьайн когаметта хІоттаве ша!» – кхозлагІа аьллера ялхочо.

Шен буйнара муьшан юьхьиг ор чуьра хьала а кхуссуш, вистхиллера боху тІаккха паччахь: «Хьо лайне кху чуьра хьала а ваккхийтина, хІара дуьне ца дууш, со санна волчу паччахьера Іожалла тІеобцур ма яра ас кхана», – аьлла.

Кхеран хІума хьанна эшнера, я мила вохкавеллера кхарна, мила ваьшнера! ХІинца ХІорш хили-кх берриш а: дай а, Іедал а, «кьонахий» а. Кхаьрга бахна зударий а, кхара бита а бити, буьйсаІуьйккьехь, лайлахула, чуьра ара а бохуш.

Хийла дас шен йоI-йиша кьан ма йира, кхаьрга ца йохуьйтуш, лаьхьти чу ма нисйира, кхарах ца яхкийта.

Нехан-м вежарий а, вешин кьонгаш а, шен кIентий хуьлура шашь дIабевлча тIаьхьабиса. Хьан ца хили-кх цхьа а. Цундела дIа Iадда ма Iийра, йоI мичча яхча а мегаш, цхьана бусалбачу стеган долахь хилчхьана аьлла, хьайн кьаналлин ойла а йина.

Яхь йийр яц моьттинера цуьнца, иза буо хиларна. Тхойша боцчу некъахь ма дара, тахана-кхана аьлла, шиннан а декъаза шераш а долуш. Тхойша чIирна а ма ца кхачадора нохчийн Iедало, я гIурбанна дакъалаца а ма ца дезара. Тхуна схьа чу ма дохьура наха гIурбин сагIа а, мархийн сахь а. Хьан керт байн керт ма яра, Элдарха, хьо доккхадолу буо а долуш.

ЙоI кхио-м гIиртинера тхайн ма-хуьллу, хIара дуьне цунна довзийта, тхаьшна ма довззара, тхаьшна ца мегнарг ца магийта, мегнарг – Iамо.

Тхуна Iеминарг, тхуна мегнарг нийса хилла ца хилла-кх кху дахарехь, тхо генара хилла-кх чIогIа, зама тхайх ца кхеттал генара.

«Боьрша стаг боьрша хила веза хьуна, – баьхнера охашимма цу йоIе, – боьршачу стагца доьналла ма кьийсалахь. Хьуо дIаяхначу цийнан сий ларделахь, хьайн денцIенна эшам бай а, иза ду хьуна хIинца хьан коьртан а, хьан некъийн а да, хьох долу жоп а цуьнгахь ду хьуна, иза ларалахь жобпан да, хIара цIа доцуш санна, хIара кхин дац хьуна.

Де деха а, доца а хуьлу хьуна зудчун. Де дахдан Iамалахь, Iуьйранна цийлучу анайистаца кетIа юьйлуш. Цкъа дахдича гуттар а деха лаьтта хьуна де, дацдан дага а ца догIуш.

Несах йоI ца хилла хьуна, марненах – нана а. Хьуо нус хилар ма дицделахь, неслара яла а ма гIерталахь. ЙоIах йийлина нус нанна йилхина олуш ду хьуна.

Йижар несачух тера делахь, гIаттар – невчачух.

ХIуманна да хIотта ма гIерталахь, айхьа охьабинчу хьайн доьзалан а хьуо хехо юйла хаалахь, деца шун доькьуш йолу.

Чаьмза даар чоме делахь схьадала хаарца, чам болчух моз делахь, тоьал бен ца кечдеш.

Хьайн мардех эла велахь, марненах – элан сту. Марйишин гIарбаш хIотталахь, марвешин – йиша», – ма дукха дийцинера, ма дукха баьхнера, иза кога дахаза бер долуша цунна хьалхахь бедар ца хуьйцуш, иза кхиа а йоьлла дIайолаелча, цунна гучохь охьа ца вуьжуш...

Хьо-м Тайбатца а варий иштта, тахана а иза нускал долуш санна, ламаз оьцуш цунах хьайн ерзина ност лечкьош, лога юххера вета кьуьйлуш, хьешан гIиллакхашца шун дерзош, осалчу дашах ларлуш, цкъа а иза нускалара ца ялийта гурахь латтош, хьуо мел веха цунна тIеххийза кIант а хилла, хаз-хазчу дащца геннара догьоьцуш, кьайллах бIаьрг кхерстош, уьттацца, бIозза, эзарзза бехк лелош айхьа, иза гIиллакхах юца, эвхьах ягийта, нускалан цIоьлла цуьнан юхь тIехь даим сецон гIерташ.

Юсуп-Хьаьжас а аьлла бохур-кх, советан Iедал тIедеьча, кхуьнан «гIиллакхаш» лан а ца делла, Туркойн махка дIавоьдучу шена тIаьхьабевлчачу нехан Iодика а йина, ша дIаволавелча: «Ва Юсуп-Хьаьжа, хIокху хьайн хIусамненан ца йо ахь Iодика», – олуш, юха оцу наха ша сацийча: «Шена йовза-м ца евза иза, муьлханиг ю, гайтийша шена иза», – аьлла.

«Хьайн зуда муха ца евза хьуна, цхьаьна кьанделла дацара шуьши?» – олуш, и нах цецбевлча:

«Цхьаьна кьан-м ма деллера тхойша, делахь а юккьера эхь дIадоккхуш, дуьхь-дуьхьал дирзина, цкъа а вовшийн бIаьра хьаьжна дацар-кх тхойша», – аьлла.

Маржа яI, маржа, халкьан доцу гIиллакхаш хилла те цу наха схьакхехьнарш, я халкьан йоцу амал латтийна те болагах яхчош, собарца юттуш, хIара дуьне кхоьлличхьана кху махкахь шашь дехаш, коьртан сий бен кхин Iалашо ца лоруш, мехкан маршо бен кхин декхар ца хеташ, тIерачу Далла бен суждане

ца боьлхуш, дуьненчоьхь шашь яккхинчу кеззигчу ханна дуьне мел лаьтта шайх дийца дош дуьтуш длаихначу кьонахаша ханна бохуш дитина те шайн сийх, йохьах доьгтина долу и кортош кура ламанаш, мила лелийта дехкина те шайн гиллакхашца дуьне дузуш, шордина хилла маьрша некъаш, мила кхион дитина те: «Цхьана кьонахчун меха дуьне а ца кхочу», – боху, шайн мах шашь хадийна долу хала весет!

Хун хили те кху заманах, хун сардам я хун наьлалт даха те кху чкьурах, мича декхарна длаийци техьа Дала хлокху кьоман доьналла, я стенах доьхки те кху адамаша шайн кортойн сий, дуьне а цецдаьхначу дешан мах хьан лахби те дуьхьхара кху Нана-Дегластанахь, мила ву те...

Воккха стаг, Элдарха, шен говр саца а сецна, иза длачовхо аьлла хьалахьаьжча кхийтира ша ца кхаьчна хиларх: говр кьевлинчу кевна хьалхачь лаьтгара.

Воккхачу стагана шен керг гира, шен ца, цу цийнан тхов а.

Воккха стаг глехьа вуьйхира, шен йол Иаламат а, цуьнан бер а шена гург хилар дагадеьча. Цундела ца дийзира воккхачу стагана ша иштта сиха ца кхачар, хлара цено гар, ша йолах ен ойла а.

Воккхачу стеган хумма а дацара йоле ала, дерриг а шена диснера, бахам а, хьал а, хлара «воккхавер» а цхьаьна.

Говр цхьа ехха длахийцира Элдархас, гломат а, архаш а – массо а хума нисьеш, шен-шен метга хьалаулуш.

Юха, кхин чу ца воьдуш, говр хитла эцна вахара.

Хитлара чувеьча, цунна хлоь а луш, тле куьг хьокхуш, сийн-сийначуьра йол кьестош, хан ялийтира дуккха а.

Тлаккха а цхьацца лобхуш, кетлахь хьевелча, йоккха стаг кхайкхира:

– Ламазан хан йобду хьан, чу ца воьгу хьо, ва кьонах! – аьлла.

Чувахара.

Иаламат ца гира. Иаламат сийсара дуьйна а ца гинера кхунна.

Йол кьехкара дех, да – йолах а.

Жимма юучух а кхетта, ламазан кхачо ян хлоьгтира.

Ламаз дахдира чоьла, маьждигехь моллас санна, дина а, дерзийна а, мел белла а ца волуш.

Юха оцу сохьта длавижира, наб кхетча санна длатуьйш, ша метгах ца вакхийта.

Шина-кхаа сохьтехь Иллира, маьрклаже сатуьйсуш, пенехьа дла а вирзина.

Йоккха стаг еара чу, чепалгаш а, жимчу кедахь маша даьттий, шура тоьхна чай а дохьуш.

Охьахира дланехьуо. Глехьа Гийра хьекхалуш.

– Бляьсте хала ян мега, шинар духкуш ву боху Изновр а, – геннара долиьра, гондла а хьобжуш, – хьо ма хьевели...

Воккха стаг вист ца хилира, я ца хеза сурт дира, чайнах боккха кьурд а беш.

– Кху йоблан марда вара веьна, хьо чохь а ца хилла, хлара йол дла а ца йобдуш...

– Тайбат! – воккха стаг длахьаьжира.

– ...Эцца веьна а волуш, накьосташца йохье а ваьлла, дошдоцурш ду бохура, – сихха дагардира, кхиа глерташ.

– Тайбат, хун ду ахь дуьйцург, хьайн доцу кьамелаш хунда текхачо ахь! Со ца вевза хьуна!

– Вевза, кьонах, хьо а вевза, суо а евза, хлара дуьне а девза! Кхин дан хума ма дац, хун дан глерта хьо, Мадин Жаммирза ван-м ца глерта хьо нахах? – йоккха стаг хьалагеттира, голаш тле ши куьг а гюртош.

– Ца глерта, Тайбат, ца глерта... Делаца мах шозза ца бо цхьана боьршачу хуманца, цхьа зуда шозза ца йобду цхьана куйнан бакьоне... Сан йол кхачьпа дац, цунна мерка ца оьшу, буса ца лобьлуш, Гуьйранна длакуьйлуш, хьийзо. Сан йол...

– Хей? – кхайкхира цхъаь сени чохь, «гарт-гирт» деш, ло д'адаккха когаш охъа а тоьхна.

– Чувола, чувола. Нах беха хъуна кху чохь! – мохь туьйхира Элдархас, шен юьхъан бос хуьйцуш, воккха велавелла, хъешана дуьхъал а воьдуш.

Хъаша Гилани хиллера, кхуьнан йоб'ан марда, аьлча а хилларг.

Хъал-де а хьаьттина, шашь охъахиъча, Элдархас ч'епалгаш хастийра: «Д'аэцал, даал, Гилани, кхин карор бац хъуна х'ара тайпа кхача», – аьлла, текх хъешана хъалха а тоттуш.

– Тайбатан даар дика хуьлчух тера ду, – цхъаь-м ала г'оьртира Гилани а, воккхачу стеган «сакъерадаларх» ца кхета-аш гонд'а а хъаьжна.

Гилани кхьарга х'инца шозлаг'а бен ца веьнера, воккхачу стагана гуш. Хъалха захало хилча веьнера, х'инца (хетарехъ) йо'ана т'аьхъа а.

Цхъаь-м дагадеъча санна: «Х'ума ялахъ, со х'инца чувог'у хъуна, говре а хъаьжна», – олуш, сихха аравелира воккха стаг, шеца (уьшар йина) Тайбат а эцна.

Юха халла, доцчу денца, урс хъаькхна болу уьстаг'и сени чу а беьна, т'ера ц'ока яккха х'оьттира, Тайбате д'а а лоцуьйтуш. Нийсса ах уьстаг'и оьллира д'а, важа ах циггахъ, сени чохь, кхза а буьтуш.

– Даьхни дика долчух тера ду хъан, Элдарха, ялтех х'ума юй? – хьаьтира Гиланис, х'ара чуван хъе а велла, кхунна т'аьхъа араволуш, тилон хъалаоьллина уьстаг'и а гина.

– Ялта а ду, вон дац даьхни-м, – жоп делира Элдархас, хъешан къамелах кхеташ а, ца кхеташ а.

Хъаша кхин вист а ца хилира.

Пхьуьйра ламазаш а дина, вирд даьккхича, Гилани иштта цхъа бен а доцуш, цхъамна салам луш юкбадаьккхина къамел санна, дийца х'оьттира ша деьнарг, т'аьхъа ян езаш машен а ю, хъе а ло ша аьлла.

– Жижигах ца кхеташ ваха йиш яц, йоккхачу стага галнаш а йийр ю вайшинна, – вистхилира Элдарха, юха а хъешах кхеташ а, ца кхеташ а, ша кхунна аьлла бийна уьстаг'и а хилча, кхуо х'ун дуьйцу юккъехула, олуш шен дагахъ.

– Дала д'аваккхаро, оцу к'анта и цхъа г'овг'а а йина схъавеьнера со, Таламат д'а а йига... Юха хъо чохъ а ца хилла, зударшна цхъацца ма хетий, цхъа доккха х'ума, дуй. Берийн кхин хъекъал а ма ца хуьлу, шайна дагадеьнарг бен... Маларан т'адамах а кхетта: «Ас йити хъо», – аьлла цо, х'ара яьлла схъаеьна, цо дуьйцуьрг цхъа дош а хетта. Дош ма дац иза, зуда юьту иштта! Хъо кхетар ву-кх аьлла, кхин стаг а ца валош, схъавеа-кх... Во-о, Тайбат, и йо'и схъакечъел, машен схъакхачале, – кхайкхира Гилани, – кхин х'ума дуй кхузахъ, Элдарха? – олуш, воккхачу стаге схъа а хъаьжна.

Воккхачу стагана ца хаьара, ша кхуьнца х'ун дуьйцуьр ду я х'ун эр ду а.

Воккхачу стагана хаьара, оьздачу стага зуда иштта ца юьгий, цхъа эхъ-иман а, доьналлех цхъа зирх а шен дег'лаца болчу боьршачу стага-м х'етте а. Йо'и оцу хъолахъ чуьра ара а якккхина (улохъ ваша а, я шича а, къона да-наний а доцу), къаналла т'аьхъьара шо долчу дена хъалха йоуьйтуш волу къонах зудчух вахка мегар дуй а хаьара воккхачу стагана. Уьш дукха ма бара, зударех бахка хъакъболу боьрша нах, зударшкахъ марехъ хила безаш, церан х'умнаш а юьттуш, юург а кечъеш, маха-х'ума а йоккхуш царна.

Къонах – къонах хила ма везара, ткъа зуда – зуда.

Кхуьнан дешичас, Сулаймана, зуда йитича, етт-эсий эцна вахийтира х'ара цкъа, жима бер долуш. Бер хуьлуш яцара иза. Т'аккха, Сулаймана зуда ялийча, мел дехарх ца лаш д'аяхара, шен ц'е а тасийтина.

Цунна хиллачу бохамна дигийтира и етт-эсий а. Сулаймана-м дукха баккхал а хъийтира цунна т'аьхъа, шашь цхъаьна якккхинчу ханна вовшах мел тоьхнарг. Оцу зудчо юха а яйитира а х'умнаш, хъо шеца ца хилча, ша х'ун дан йоллу кхарах аьлла, хабар а тухуш.

Дика зуда ю олура цунах наха.

Синкъераме стаг яра иза, елар а дара цуьнан хаза.

Цул тІаьхьа цхьаьнга-шинга а яхна, массанхьара а цІа а еьна, цхьаь бен воцу ваша а велла (вешин воІ ца хиллера), ша цхьаь йисча, Сулаймане хабар даийтина бохура цо, ша елча шен тезетан да хІоталахь аьлла.

Воккхачу стеган дуккха а дара дийца, амма дош-м дацара цхьа а, дийчича а, я ца дийчича а. Текхета хІума дацара, мелхуо а хьо эшар бен. ХІума дийца а, чІагІдан а, юьхьдуйхьал дІаала а хьайца нийсса стаг оьшура, хьан дашна дуйхьал даккха дош а, чІагІонна дуйхьал чІагІо а, хьан доьналлица кьовса доьналла а долуш, хьан некъаш девзаш волу стаг.

Ткъа кхузахь хьаьнца хІун дуйцур дара, мила виьр вара бехке, мичахь вара кьонахийн бустамаш бевзаш волу кьонах?

Цхьана шацца астагІ а йолуш яра Пхьарин йоІ ХІайкал. Дукха нах лаьтгара Пхьарин хІусамехь, ерриг Нохчийчуьра а цхьаьна, и йоІ йобхуш.

ЙоІ реза хиллачунна реза ву ша, бакъду, юьгучуьнгара шийтта етт урдона-м боккху ша, шен йоІ астагІ ю бохуш, яйн ца ларийта, аьллера Пхьарас.

Цхьана мартанхочо, Ахьмада, дІа а йигира ХІайкал, шийтта етт а лаьллина, ламчу, Пхьара вехачу юьрта дІа а вахна.

«Вайн десар, Элдарха, и ХІайкал цхьана хІуманна сихьелла дІахьаьдча, цхьацца метар астагІ ма лелха хьуна иза!» – олура Ахьмада, вела а лой.

Пхьарин йоІ хаза йолуш ца кьуйсура наха, я иза ца хилча ца мегаш а, цуьнан ден Пхьарин дуйхьа кьуйсура, иза кьонах хиларна, цуьнца гергарло, агІо, цуьнан чІагІо езаш.

– Хьо кхин вист а ма ца хили, Элдарха. Зуда юьтуш а, ялош а хуьлу, дуй, стаг гІалат а волу. Зударий бац-кхи берриш а дика а...

– Оцу вайн йоІера хІун даьллера-те, Гилани, тІейисина бежана санна, уллохь стаг а воцуш, буса чуьра ара а яьккхина, лайлахула схьаьккхо? Оцу цхьана хаттарна кхоччуш жоп лохьа суна, со теша а веш, – меллаша вистхилира Элдарха, Гиланин юьхь тІера бІаьрг а ца боккхуш. – Зуд-маккхал динера-те цо, дена-нанна аьллера, шун цІа ца лардинера, боьха хиллера чохь? Цуьнгара даьллачун цІе яьккхяхь, Гилани, нохчийн маттахь цІе йолуш и хІума делахь.

– Вай-й, хьанна хаьа, дуй, хІун ду! Масане хуьлу кегийчеран лер-аларш, жимчу стага кьаьркъа молуш а хуьлу, мелча вехаш а хуьлу... Зуда шега аьлларг а деш хила еза-кх, цо молу кьаьркъа а ца дуйцуш... Накьостий а ма хуьлу цхьаьна. Со суо вара чІогІа кьаьркъа молуш а, узуш а... Зударийн оццул чІогІа кьелла а ма яц вайна, хьалха санна, дуй. Суна-м ца хаьа, бахьнаш дукха ма хуьлу, даккхий а, кегий а...

– Гилани, – юха а юкьахьаьккхира воккхачу стага хьаша, – деллахь, Гилани, ца хаьа суна-м, айса мича юьххьера долон деза, я мича масалшца дийца деза а. И вайн доьзалхо шуьгахь хила ца везаран бахьна-м дуйцур дара ас хьуна шийтта, юха, шайгахь иза нисвелла хилча, хьан кІанта цу тайпана иза схьаьккхон ца везаран бахьна ткъе берхІийтта а дуйцур дара. Сан дийца дуйла а, со хьенан мила ву а хьуна а, оцу тІерачу Далла а хаа а хаьа.

Цхьа некъахо, говрара охьа а ца волуш, шена уллохула тІехволуш гича, малхехь даьІахкаш йохьеш Іачу Мурдалан Асхьаба аьлла бохура: «Воккхачу стагана тІекхачьча говрара охьа ца валар лайн гІиллакх ду хьуна, кІант, иза диц ма делахь», – аьлла.

«Ша лай ву ала-м ца гІерта хьо?!» – олуш, некъахочо шена яппарш йича: «Хьо лай хиларан ворхІ бахьна хаьара шена, тахана бархІалгІа дерг тІе а кхийти. Царах уггар а дай долчу кхааннан цІе а йоккхур ю-кх ша хьуна, – аьлла, кхо бахьна дагардинера, Гилани, Мурдалан Асхьаба. – Царах цхьаь дара хьуна, кІант, – аьллера цо, – хьан цІартІехь йолу зуда, хьуна уллора хьала а гІеттина, буса яьлла маре яхар. ШозлагІа дерг дара хьуна, айхьа лачкъа а бина, биьначу коьмана ахь биьна болу кьера дуй. КхозлагІа дерг – хьайн маре яхна зуда юхаядон а гІоьртина, ахь хьайна тІера яькхийтина хеча. Уьш гІийлачех дара хьуна, диснарш ша хьуна дагардан а ца оьшуш, хьуна хьайна а ма хаьий», – аьлла.

Дукха ваха, Гилани, хьо, дийца доцуш-м вай а дацара, хьуна ма хаьара, делахь а

дош дац-кх, хІуъа дийдича а. Хьо а, хъан цІа а ца девзаш ма ца Гийнера со и йоІ цига еъча, сайн зама дІаяларна, суо къена а хетта, лерг таІийна дІасецир-кх: «Хъенехан гергарло царца тасаделлий-ц», – бохуш, суо нахала валар а ца дезна. Махкара доцчу эро цхьогал ца лаьцна, олуш кица ду вайн дайн, Гилани. Бехк хъан а, я хъан кІентан а бац. Сан бу бехк, сан, дерриг а хуъушехъ (дІалечкъича къайлаволю а моьгтина), и сайн доьзалхо хІаллаквинчу.

– Ахъ дуйцуруш хІун ду хууш вац со, цхьаъ доцуш цхьа а вац... Уьш дІадевлла дукха хан ю... Вайна кхин зама ю хІинца, нах парггІат бехаш... Сан кІант зуда йоцуш а вуьсур вац, зударий шорта а бу, со-м иштта схъавеънера... Јодика йойла, хъан йоІ а гІоза ехийла, – олуш, Гилани кхохкийча, Элдарха дохковелира ша сарралц гулдина собар (дистинчу хіэ хьо тІай санна) цІеххъана шен хецадаларна, – Тайбат, хъан а Јодика йойла.

Воккха стаг ша Іаччохъ висира, кхин цкъа а дохко а ваьлла. Кхуо хІумма а ала дезаш ма ца хиллера цуьнга: «ДІавала, дІагІуо, йитина зуда йитина хила еза, къахъегна ахъ», – алар бен. ШайтІа туьйли-кх, гаур, шайтІа.

– Ва къонах, хьо эгІийна я тилийна, ахъ хІун леладо! – чохъа йоллушехъ тІейирзира Тайбат. – Тахана мича кхача гІерта хьо, тахана...

– Хъайн со лолда хъан, Тайбат, виталахъ со, хье а ца веш. Сан ерриг а меже даш санна ю хъуна, корта эккха боллу хъуна сан, де дац хъуна цхьа а дийца а... Тховса сацалахъ, хъайн да ваха, сацалахъ тховса, – воккхачу стага куьг ластийра, бІаьрнегІарш тІе а дохкуш.

Йоккха стаг гІеххъа лаьттира, цергашца балда а лаьцна, ега а еш, Элдархина тІе а йогІаелла.

– Дехъа чу ялахъ, Тайбат, витахъ со тховса, – дийхира воккхачу стага кхин цкъа а, цхьа геннара гІийлла вистхуьлуш.

Йоккхачу стага букъ берзийра. ДІайолаелира. ДІаяхара. Йилхира, дехъа чу а яьлла, «ухІ-ухІ» деш, паднара йисте дІа а тасаелла.

Элдарха меллаша аравелира, цхъана вонах генавала санна.

Говр терсира, цІийнан неІ тухуш а хезна.

Говро «хур-р» дира, хІара божал чу ваьлча, корта схъа а берзош...

Воккхачу стеган дог тохаделира тІаккха, говран тарсар хезча, адам шега дистхилча санна.

Дагна цхьаъ хиллера, доьхнера я дуткъделлера чІогІа.

Алан, Іаьнараран хьожанехъ гІеххъа лаьтгича, божлан цхьа бІаьрг болу кор гира, хъацаро жимма кхолийна, беттан серлоно эзар дакъа еш, аьгта.

Тевахара кора улло. Кетаран пхьош хъаькхира.

ДІахъаьжира ара. Јоха стигла.

Седарчий цІенна къегара, масийтта кІохцал долу баІ санна. Баттана гуонах кІайн-можа серло яра, иза шелонах ларбан хъаьвзина.

Дуккха а лаьттира, ойланийн юьхъ а тильелла, шена хІун хилла я хІара хІун ду а ца хууш.

Јоха цІеххъана эхъ хийтира цу буьйсанах, дуьненах, оцу Делан сибтех.

Дерриг а Делан дара: хІара дуьне а, буйса а, ло а, шело а.

Хи делира бІаьргех.

БІаьргаш тІунделира.

«ХІай АллахІ цІе ерг, массо а хиламан а, хІоттаман а Да, тхан Везахинволу Дела! – куьйгаш хъалауьйхъира, – къинтІера валалахъ, бІаьрхи даллал бахъна доцуш (кхул даккхий дерш а лайна), Хъайна хъалхахъ тахана юьхъІаьржа хІоттарна, гІийбаташ доцуш ван гІерта-кх Хъуна дуьхъал. Ахъ делларг деза ду-кх, цхьа зІе йоцуш, цхьа некъ боцуш, ша-шах делла цахиларна. Ахъ айхъа а аьлла боху-кх: «Де а,гІора а эшийна, къоналла карара а йоккхуш, хан ца кхачарна зама такха айса къанбинчу баккхийчу нахах бехк хета суна цу лаьттахъ», – аьлла. Цунах бехк ма беллахъ, Дела, тахана а, Хъайн кхел жимма лалонга яьлла, дуткъделла дог къардаларна», – дийхира воккхачу стага, бІаьргех дайн куьйгаш хъаькхна, божлин неІ йоьллуш уьйтІе ваьлла, шен хІу хаьддачу цІенгахъа меллаша дІа а волалуш.

Сахуьлуш (дарц тий-кх моттаделлачу хенахь) цѣххьана лецира воккха стаг шен некхах бѳо хиллачу кьеначу даго.

Дог кхин ца Гийра.

Дог тохаделира кхечу Іаьршашка, кхечу маршоне, я ша хьегначу лакхене кхача.

Дог юккьехула декьаделира, иккхира (кьаналлий, марзой цхьаьна ца еьча, тѳулгах кхета ле аьрзу санна), дегІан чарх гур боцийла хайта цкьа лобмах дІасакхоссаделла, хІордах керчина, пийлигах хьовзийна воккха стаг тІаьххьар а неІаран сагІи тІе гор-бертал а вохуйтуш.

Делкьал тІаьхьа, больницехь, Элдархина тІейитина Тайбат, букьтухучу гІанта бѳорша стаг санна охьахира, настаран голаш тІе пхьаьрсаш а гІорттийна, генна схьа чу а кагьелла, вала са уьйзучу шен цІийндега йокьа хІобьттинчу бІаьргашца геннара (шовзткьа я шовзткье итт шарера), дукха генара схьа а хьобжуш.

Элдархин багахь хьала цхьа чІижаргІа йоллура, буьххьехь резинкин тІѳьрмиг а болуш.

Тѳьрмиг цкьа худалуш, юха шорлуш, тІаккха цѣххьана соцуш, хи доцу чІара санна бетталора, тІаьхь-тІаьхьа туьйш, гІеллуш, наггахь юха тоха а луш.

Шендаршна юккьера дІа кхин цхьа аса а йѳьдура воккхачу стеган, цІенкьахь лаьтгачу банки чу цІийца Гийдалуш.

Маьнгин гІевлех дІабихкинчу пхьаьрсан пхена чу а шершара цхьацца цІийн тІадам, лакхуо чІагІдинчу шишан чуьра охьадогІучу кІайчу цІузамах.

Уллохь, аьгту агІор, лохачу гІанта а хиьна, наггахь воккхачу стеган берзинчу когах куьг а Іуттуш, юккье ваьлла Йасин доьшуш больницера цхьа дархо а Іара, сих-сиха Тайбатехьа (иза ларьян) схьа а хьожий, тІаккха юха а воккхачу стеган ког а лохуш.

Йасин доьшург Тайбатах кхоьрура, цуьнан мохь-цІогІанах. Тийналлех ца тешара йасин доьшург, йоккхачу стеган иманах.

Йоккха стаг-м ткьа ю-яц а ца хаьара, ша охьа ма хаьара (буххІанал жимьелла), бІаьрнегІар а ца тухуш, кьаьрззина цхьанхьа-м дІахьобжуш Іара, елхар хІун ду а, я иза кхузахь стенна оьшу а дицделла.

Йоккхачу стагана лекха-сийна ламанаш гуора, церан малхехь кьега кІайн баххьаш, наггахь цхьащанхьара гучудолу тІам шуьйра аьрзу, цо цхьанаэшшара туьйсу даккхий гонаш.

Цхьа аьрха терса дой гуора йоккхачу стагана, царна тІехь белшаш дІасакхуйсу нохчийн ѳзда кІентий, юха ша а кхиа гІѳьртина, цІестачу кІудалца хьостанан коьрте хІуьтту, кегийчу нехан кура-сонта забарш, царна юккьехь Элдарха, горгачу белшаш тІехь кІудал а лѳьцуш шен охьайолялар: «Ког тасалурий хьан, йѳІ, ларлолахь!» – церан тІаьхьа кхайкхар, кьона деттало дог, цхьа ша-шах дайн болар, тІома гІуьтту са...

Дахар иза ма дара, ткьа хІара – гІан. ГІенах хилла-кх мел лайнарг а, гинарг а. Цхьа а вон хІума хила а ма ца хилла: кІентий а ца белла, дІа а ца дохийна, я гІелонаш а ца лайна... Иштта цхьа гІан хилла-кх, бІешарал дахделла, цкьа чекх а ца долуш, дахарх цхьа чІогІа, чІогІа тера а хеташ.

Дахар-м ца хилла, дера ца хилла, дахар хІинца хир ма ду, хІинца дІадолалур ду-кх дуьненан юьххьера, анайистах гІоттуш, бІаьстенца хазделла, сийна-сийначу лаьмнашца, аьрха дой а терсаш, кІентий а буьйлуш, тІулга тІера тІулга тІе шовданан тулгІеш а уьдуш, цхьа хаза, цхьа мерза дахар дай баьхначу махкахь, дай леллачу некьашкахь, дай сецначу уьйрашца... цхьа кьона, цхьа ховха дахар, Элдарха, хьобьца, вайшинна цхьаьна. ХІаь, цхьаьна...

1992 ш.

Вахид Итаев**Судьба и воин**

Рассказ

Ича был знаменит в горах. Он прошел славный путь жизни. В молодые годы служил в Петербурге, был в конвое царя Николая Второго. Когда началась русско-японская война, попросился на фронт. Геройски, с наградами и ранами, прошел войну и вернулся в горы. Его назначили приставом.

Повидав на тропе своей судьбы многое и зная, что жизнь человеческая в молодости хоть и бунтарка, но, в сущности, вещь хрупкая и невероятная, Ича был прост, доступен, к нуждам людей относился как к своим. Вот за эту простоту, еще за мужскую статью и всегда яркие голубые глаза и любил народ Ичу.

Но годы шли, мир менялся. Отрекся от трона своих предков царь Николай Второй. Сын, решив повторить путь своего отца, отправился в Петербург и сложил голову на алтарь революции. Дочь жила в соседнем селе. Жена, Курбика, которая каждое утро снаряжала мужа, как на царский парад, умерла. И остался старый воин один у своего очага. Друзья были, навещали, но, посидев какое-то время у него, возвращались в свои дома. Чаще всех навещал Ичу его друг Алдам. Однажды, когда соседка развела в очаге огонь, попрощалась и ушла, Алдам сказал:

– Ича, не век же соседке растапливать твой очаг, тебе надо жениться.

Ича долго молчал, потом ответил, улыбнувшись в усы:

– Этого не потерпит Курбика.

– Женись на некрасивой, и Курбика стерпит. Женщины не терпят соперниц-красавиц, – пошутил Алдам.

Ича промолчал, и Алдам не продолжил тему в этот вечер. Но через день два, когда соседка развела огонь в очаге, попрощалась и ушла, Ича вздохнул и сказал:

– Да, видно, становлюсь я обузой для соседей и друзей. Надо что-то предпринять.

Алдам ухватился за мысль и стал перечислять старых вдов, старых дев, которых и Ича, как и он, знал хорошо. Но Ича молчал, ни одно имя не подхватил. Хорошо зная своего друга, Алдам чувствовал, что у того есть своя мечта, но не стал настаивать, чтобы тот раскрыл ее.

Дня через два, поздним вечером, глядя на тлеющие угли в очаге и улыбаясь в усы, Ича молвил:

– А не попробовать ли нам, Алдам, полонить сердце красавицы Тамары?

Алдам был не просто удивлен, а удивлен как громом в ясный день. И не словами, нет, а тоном, который говорил о серьезном намерении Ичи. Красавица Тамара – совсем молодая вдова, год назад снежная лавина унесла ее мужа. И всем было известно и Иче тоже, что уже десятки молодых молодцев предлагали ей и руку, и сердце, и копыта своих скакунов. Но все получили от ворот поворот.

Алдам был недоволен Ичой, он долго молчал, на слова друга не ответил. Потом нашел незначительный предлог, попрощался и ушел.

– Знаю, о чем ты думаешь, – крикнул ему вдогон Ича.

Алдам не ответил.

Всю ночь Алдам думал над мечтой Ичи. Иногда смеялся над ним, иногда ругал его: «Хочет поставить себя в смешное положение, глупому юноше хочет

уподобиться». Ругал Ичу Алдам, но знал одно, твердо знал, что путь к сердцу красавицы тот испробует, если не с ним, то с другим своим другом. Но ведь те другие не были красноречивы и могли все испортить. А он был красноречив. Народ говорил про него – и это он знал, – что когда говорит Алдам, ветер останавливается и слушает его. «Нет, Ичу надо спасти от позора или насмешек. Но как?» – спрашивал себя Алдам.

Утром он сказал жене, Яхе, про мечту Ичи. Та онемела и стояла, не веря своим ушам. Алдам не дал ей что-либо сказать и в приказном тоне объявил:

– Отправляйся немедленно к Тамаре и издалека, из-за дальних хребтов, прощупай ее сердце. В этом мире много случалось чудес, а вдруг...

Ослушаться не было никакой возможности, и Яха направила свои стопы к красавице. Тамара почтительно приняла старушку. Яха долго говорила о новостях родного села и соседних сел, а потом, как бы между прочим, заговорила об Иче.

– На старости лет остался Ича в теснине одиночества, – сказала Яха.

Тамара быстро ответила, как будто давно была озабочена судьбой Ичи:

– Его надо женить. Вот моя тетя Арубика, чем не жена Иче?! Она, кажется, сверстница его, но расторопная, энергичная.

– А он хотел бы жениться на тебе, – сказала Яха. Тамара как будто и не слышала ее слов, все расписывала достоинства своей тети Арубика. (А Арубика была сухонькая старушка, менее аппетитная, чем двухнедельный чурек).

– Разве ты не слышала моих слов? – остановила Тамару Яха. – Ича хотел бы жениться на тебе.

Тамара долго и серьезно глядела в глаза Яхе и, поняв, что та не шутит, сначала удивилась, потом возмутилась, потом начала хохотать, и вдруг, прервав хохот, задумалась и сказала:

– Хорошо, пусть приезжает свататься сам.

Красавица была большая насмешница, и ей захотелось проучить старого воина.

Яха вернулась домой. Передала согласие красавицы принять сватов, но скрыла ее хохот и тетю Арубика, которую та хотела затолкать под кров Ичи. Алдам отправился к Иче и передал ему согласие красавицы принять их. Само собой, свидание было назначено у соседки. Откладывать не стали, собрались и ближе к вечеру поехали.

Соседка красавицы приняла гостей, провела в гостиную или, по-горски говоря, в кунацкую. Немного спустя вошла Тамара, поздоровалась, села на низкую тахту, приняв скромную позу. После незначительных фраз о разных незначительных случаях приступили к главному, к тому, к чему был направлен путь.

Алдам начал издалека, очень издалека. Почему-то он начал с персидского шаха Аббаса. Говорил о нем как о великом воине и добавил, что главные свои успешные походы против соседей тот совершил, когда, будучи уже в летах, женился на молодой красавице. От шаха Аббаса Алдам перешел к хромому Тамерлану, грозному воителю, выигравшему много сражений. Но о женах его не сказал ни слова, как будто у него их вообще и не было. Но когда заговорил о Чингисхане, поведал, что у того было семьсот жен и почти все юные. Цифра семьсот удивила красавицу, у нее подлетели брови, но свое удивление она никак не озвучила, только подумала: эту орду женщин он мог только объехать верхом на коне, но вряд ли мог каждой из них подарить любовную лихорадку. Дальше Алдам говорил о Пророке Сулеймане, то есть о царе Соломоне, будто тот в шестьдесят лет женился на юной красавице, после этого прожил еще много-много лет, творя великие государственные дела. Из родной истории

упомянул героя Эшти, который жил в далекие языческие времена и однажды, в столетнем возрасте, вышел биться за красавицу Малх-Азни против молодого Турпала. Но Малх-Азни не допустила битвы, подбежала к Эшти, схватила его коня под уздцы и вместе с ним отправилась в его дом. После этого масштабного экскурса в протекшие века заговорил непосредственно об Иче. О его службе в Петербурге, о любви к нему царя Николая Второго, о войне с народом япону, живущем на краю земли, где восходит солнце, и об участии в этой войне Ичи. И рассказал загадочный случай: однажды рядом с Ичой разорвался снаряд большой пушки и взрывной волной бросило Ичу вместе с конем в болото, и они тонули в трясине. Но вдруг, откуда ни возьмись, появился большой болотный змей, протянул Иче хвост и вытащил его на берег. Конечно, змей совершил такое дело по воле Аллаха, – добавил он. «Напрасно он вплел в речь змея, змей может все испортить, – подумал Ича. – Да и не было никакого змея. Просто товарищи нагнули деревце, стоявшее на сухом, я ухватился за него, и оно, выпрямилось, выкинуло меня на берег». Еще долго странствовал по пространству своего воображения Алдам, но, наконец, остановился и сказал, обращаясь к красавице:

– А теперь мы хотели бы выслушать твой ответ, уважаемая Тамара.

Красавица не стала ломаться, прибавляя себе цену, ответила просто и ясно:

– Спасибо вам, что вы ради меня сегодня проделали этот путь. Будь я в возрасте моей тети Арубики, я бы с первых ваших слов, Алдам, дала бы согласие стать женой уважаемого Ичи. Но я молода, а Ича не молод. Да, у Ичи славное прошлое. Но ведь прошлое, что протекшая вода, как говорит народ. Что это была бы у нас за жизнь – мое сердце жило бы, мечтая о будущем, а сердце Ичи, вспоминая прошлое. Это была бы незавидная жизнь. Ича найдет себе жену с богатым прошлым – с богатыми воспоминаниями, – ответила красавица. А потом улыбнулась и добавила: – Есть поговорка у нашего народа: «Старый бык, отлученный от борозды, не мечтает снова вернуться в борозду».

Некоторое время Ича сидел ошеломленный. Отказа в такой форме он не ждал. Он простил красавице старушку Арубику, но старого быка, отлученного, по немощи его, от борозды – нет, старого быка не простил. Потому что в этом образе подразумевалась не только старость, но и глупость. Он должен был что-то ответить на отказ красавицы, этого требовал и этикет. Но он сидел пустой и холодный. Да и сердце убежало за хребет и сидело там под кустом, обливаясь стыдом. Того черта, который искушал его этой красавицей, если бы мог поймать, он покрошил бы шашкой на мелкие кусочки. Да ведь и не поехал бы, если бы две ночи подряд не видел во сне пляшущую во дворе молодую кобылицу. Теперь ясно: этот сон рисовал вечный насмешник и искуситель Иблис. Он мысленно молил сердце вернуться на место, поднять его тело и спасти от последнего позора. И сердце вяло его мольбе, вернулось. Ича встал, и к своему удивлению, спокойно поблагодарил красавицу и обратился к Алдаму:

– Алдам, у женщин на вечерней заре много хлопот по дому. Не будем им дальше помехой.

Ича вышел во двор, подошел к коню. Но не сразу поймал стремя, и не с первого подскока поднялся в седло, да и сел как-то комом, и второе стремя нащупал ногой не сразу. Вообще, все движения получились не молодецкими. Оглянувшись назад, он увидел, что красавица наблюдает в окно. В буйной обиде вскипело сердце Ичи. Он воздел руку в небо и выкрикнул в его глубины:

– О Аллах! Почему Ты не состарил мое сердце, как тело, или же не оставил тело молодым, как сердце?!

Выкрикнув эти слова, Ича яростно огрел плетью коня. Добрый конь, никогда не знавший жаркой плети, вскинулся на дыбы, протестуя, заржал и заметался по двору. Ича проигнорировал открытые ворота и направил коня на каменную ограду. Конь птицей перелетел и помчался по кремнистой дороге.

Алдама восхитили слова Ичи. Он подошел к ограде и следил за ним, пока тот не выскакал на противоположную гору. И только потом двинулся к своему коню. Но красавица, уже вышедшая во двор, окликнула его и сказала:

– Алдам, вернись во вторые сумерки и проводи меня в дом Ичи. Осень, ночи прохладные. Надо как можно раньше развести огонь в очаге, – сказала она.

Алдам не промолвил в ответ ни слова. Да и не было слов. Грудь наполнилась необъятным ликованием. Наверное, Алдам не коснулся и стремени. В одно мгновение он очутился в седле. Как и Ича, он проигнорировал открытые ворота, перелетел через ограду и помчался. Сердце его стало крылатым, ведь он нес радостную весть своему другу. И конь, чувствуя состояние хозяина, не берег своих копыт на кремнистой горной дороге.

Когда Алдам подскакал к ограде дома, Ича стоял во дворе, держа отстегнутый пояс с кинжалом и шашкой в опущенной руке, и смотрел в небо: на лице его была суровая печаль.

– Ты рано отстегнул пояс, Ича, – крикнул Алдам. – Она велела мне вернуться во вторые сумерки и проводить ее в дом твой.

Ича торопливо опоясался и снова стал смотреть в небо. Но теперь на его лице было иное выражение: под усами робко сияла виноватая улыбка. Он понял, что Бог простил ему его дерзкие слова.

Алдам, как и повелела красавица, вернулся во вторые сумерки. Он сошел у ворот с коня. Красавица вышла к нему. Он взял ее руку в свою руку и повел ее и коня. Подходя к дому Ичи, Алдам удивленно остановился: Ича стоял у ворот в полном параде и с шашкой наголо. Алдам не понял позу Ичи, ему даже стало неловко перед Тамарой. Но зато Тамара отлично поняла символическую воинственную позу Ичи. Она потупила глаза, опустила голову и, покорная, прошла в калитку.

В поздние годы, в свой день, в свой час умер Ича, благородный воин, оставив народу много примеров добрых дел и праведной жизни.

Марьям Хадысова**Песнь**

Затемно, до часа волчьего
 Уходил из дома отчего,
 Уносил с собой за пазухой
 Злого рока камни тяжкие.
 Чу! То смерть крикливым лабухом
 Песни вслед поет протяжные.

Кони, кони! Кони вороные
 Тенью мчатся по моим следам!
 Кони в небе, ох, не пристяжные!!!
 Вам – что время, кони, что вода!

Не искал я злата хладного,
 Не чурался дела ратного,
 Да, не глядя себе под ноги,
 Перешел дорогу всаднику.
 И теперь за мной – охотники...
 Ох, беде быть али празднику!

Кони, кони! Кони вороные
 Тенью мчатся по моим следам!
 Кони в небе, ох, не пристяжные!!!
 Вам – что время, кони, что вода!

Ночи длинные, ночи синие,
 Звезды яркие прямо под ноги.
 Ветры буйные, ветры сильные,
 Дальних гроз-дождей
 слышны отзвуки.

Реки быстрые, реки горные
 К морю пьяному мчатся весело.
 Псы по воздуху – псы дозорные.
 Небо тучами путь завесило.

Сабли острые, сабли резкие.
 Кони пламенем гор подкованы.
 Страхи жуткие, страхи детские.
 Льдами севера сердце скованно.

Где бы мне сыскать чудо-зеркало,
 Чтоб смотреть в него –
 видеть каждого
 Как он есть, и чтоб знало-ведало
 Похороненных в себе заживо.

Дракону нельзя быть рядом.
 Дракону нельзя быть слабым.
 Дракону – огонь и небо,
 Сожженное им же самим.

Ему ненавидеть рассветы,
 Людское тепло и запреты,
 Но веровать в истину слепо,
 Дарить ее взорам чужим.

Дракон устает и плачет.
 Дракон ничего не прячет.
 Он словно другим и не был:
 Его не помнят другим.

Как будто дней не было прежних,
 Где он – ранимый и нежный –
 Не знает огня и неба,
 Не знает, что он – один.

Когда я выбирала путь,
 Казалось мне, все очень просто:
 Огонь и меч, луна и звезды,
 Стальные латы, волос пестрый
 Сумеют беды отпугнуть.

Но вышло все совсем не так.
 Все оказалось много гаже.
 Дорога пепла, руки в саже,
 Большая честь молчаньем вяжет...
 И я – мой самый главный враг.

Я хочу больше. Мне мало.
 Мне тесно. Мне низко. Мне – жжет.
 Я здесь ничего не сломала,
 А время сигнал подает.

Я хочу ярко и громко.
 Под утро. Всю ночь напролет.

Босым непослушным ребенком.
 Но время сигнал подает.

Мои легионы на взводе.
 И мой белый конь меня ждет.
 Я скоро предамся свободе,
 Ведь время сигнал подает.

Это письмо, скажи, ведь не мне адресовано?
 Оно разбудило меня. Пришлось прочитать.
 И, знаешь, теперь во мне что-то разорвано.
 Наверное, просто мне нужно точно знать,
 Что это письмо...
 Письмо ведь не мне адресовано?..

На закате – неважно чего – жизнь другая совсем. Хмельная.
 На закате, когда видишь дно, не бросаешь камни, сбивая
 Пальцы рук, пальцы ног, горло в кровь не срываешь. Пустая
 Трага времени, сил. Это все, что ты точно знаешь
 На закате – неважно чего – когда жизнь другая.

По моим венам совсем уже и не кровь.
 По моим мыслям – теряться, летать и выть.
 Без вариантов. Только в глаз, а не в бровь.
 Я не имею права остаться и быть.

По моим пальцам можешь прочесть ответ:
 Что тебе светит, и где тебя точно ждут.
 Грубо, конечно, но вот тебе мой совет:
 Не спрашивай добрых. Добрые чаще лгут.

По моим меркам, снятым в тысячный раз,
 Можешь попробовать сшить себе черную рясу.
 В ней ты точно не будешь радовать глаз,
 Но потеряешь за это ненужностей массу.

По моим тропам нельзя ходить в полшажка.
 Если потащишься следом – готовься исчезнуть.
 Имя забыть свое. Свою кровь. И в тисках
 Мысли и чувства сжимать до колючего треска.

По моим звездам можно лишь в ночь и ад.
 Такая свобода, что только могилы и рыть.
 Ты все еще хочешь, как я, пить не воду, а яд?
 Ты все еще можешь остаться и просто быть.

Ахмет Асхабов**Карагез**

Рассказ

Карагез в дословном переводе с казахского означает – Черный Глаз. Такую кличку дал кто-то еще жеребенком мерину, который перешел к Хамзату от предыдущего чабана. Видно, и в самом деле был он в молодости красавцем – горячим, статным конем с черными, жгучими глазами и стройными, в белых чулках, длинными, сухими ногами. Но, по неизвестной Хамзату причине, Карагез был признан «негодным к строевой в мирное время» и отдан для черной работы чабанам.

Однообразная размеренная жизнь лишила его стати и прыти. Малоподвижный, он стал грузнеть и к тому времени, когда перешел к Хамзату, напоминал водовозную цистерну на толстых подставках. Только грива и хвост выдавали, что эта самоходная цистерна сродни лошади. Правда, зимой, таская по глубоким снегам сено овцам, он, сжигая лишний жир, постепенно обретал схожесть с конем. Но кончалась зима, и Карагез снова нагонял жирок.

Хамзат в первый год тоже всю зиму возил на нем сено, а весной не пустил его, как прежний чабан, на волю. Согнав с Карагеца семь потов, он сделал из него приличную верховую лошадь. Халимат же, приучив его есть сладости, души в нем не чаяла. Да и Карагез привязался к ней не меньше, чем к Хамзату. Бывало даже, забалуется иногда Карагез – не дается в руки Хамзату, и тут приходит на помощь Халимат. К ней Карагез сам подбегает, и тычется мягкими, теплыми губами в протянутую ладонь: просит сахарку, сластена. Словно безобидный ягненок ходил за ней.

С весны до зимы пользовался Карагезом Хамзат, не давая ему застояться. И когда стал на очередную зимовку, первое время, как и прежние чабаны, возил овцам сено на Карагеце, пока не обучил молодых бычков. Когда бычки поднаторели в этом деле, Карагеца больше не беспокоили, и он, быстро набирая вес, стоял на привязи, лишь на время водопоя покидая баз. К концу зимы Карагез стал как самаркандская дыня – чуть ли не сочился жиром.

В последние дни Хамзат стал замечать, что с Карагезом творится что-то неладное: когда его выводили на водопой или заводили с водопоя, он, наступая на дощатый настил, стал пугаться стука собственных копыт. А потом дошло до того, что начал шархаться, пугаясь и собственной тени. Пару раз в испуге чуть не задавил Хамзата, и ему приходилось всегда быть настороже, выводя коня на водопой. Хамзат недоумевал, не понимая, что с ним происходит. Вызвать ветврача он не мог: раций в то время на зимовках не было. Бросить же все и поехать за ним за двадцать пять километров среди зимы – тоже не выход. Поэтому из почты соседнего села он дал «срочную» телеграмму в свою контору. Но, пока телеграмма дошла и приехали завфермой с врачом, Карагез приказал долго жить.

В одну из ночей, зайдя на баз, чтобы посмотреть Карагеца, Хамзат подоспел очень кстати. Конь бился на привязи, стараясь порвать плетенную уздечку, а коровы, напуганные им, оторвались от привязи и, сгрудившись, напирали на перегородку так, что она угрожающе трещала. Хамзат едва успел отвязать перегородку, как Карагез, вырвав уздечку, с расширенными зрачками и пеной у рта кинулся на коров, но Хамзат, ударом держака от лопаты отогнав его,

перегнал коров за перегородку. В помутненном сознании Карагеца на какой-то миг мелькнул и погас луч просветления. Выпучив глаза, он смотрел на Хамзата и, фыркая, бил копытом об землю. Хамзат с вытянутой вперед рукой начал потихоньку продвигаться к коню, ласково окликаая его. Но Карагец, обнажив крупные желтые зубы, кинулся на него, и Хамзат, едва увернувшись, успел спрятаться за столб. Потом, перебегая от столба к столбу, он перескочил перегородку, оставив в зубах Карагеца клочок штанины. Стоя за перегородкой, он лихорадочно соображал: что же теперь делать с лошадьё? Один он ничего не сможет сделать, а помощи ждать неоткуда.

Пока он так стоял, пришла Халимат, обеспокоенная его долгим отсутствием. Узнав, в чем дело, она заявила, что Карагец ее послушается, и, несмотря на уговоры Хамзата, перешла на ту сторону и, подзывая коня, смело двинулась к нему. Карагец, вроде бы узнав ее голос, осмысленным взглядом посмотрел на нее и, тихонько заржав, пошел навстречу, но уже в метрах двух от Халимат резко встал на дыбы и замолотил воздух передними копытами. Страховавший жену Хамзат, отшвырнув ее в сторону, сам едва не угодил под конские копыта.

Теперь уже не было сомнений, что Карагец взбесился и к нему лучше не приближаться. Они хорошо укрепили перегородку, перегнали скот из тепляка и ушли домой. Наутро, когда Хамзат снова зашел к Карагецу, он уже лежал мертвым посреди тепляка. А где-то к обеду того же дня со стороны колхоза послышался гул К-700-го. Это ехало начальство по телеграмме Хамзата. Когда «Кировец» подъехал и с него сошли завфермой с ветврачом, Хамзат показал им коня и пояснил, как он себя вел. Врач начал наугад ставить различные диагнозы: то отравление, то простуда, то уже совсем ставящая врача в глупое положение болезнь – алиментарная дистрофия. Хамзат еле сдерживал себя, чтобы не послать молодого специалиста подальше. Но немало поработавший в животноводстве завфермой Байбос не стал слушать продолжения его глубоких познаний в ветеринарии. Он бесцеремонно и грубо перебил врача:

– Что за ерунду ты плетешь? У тебя у самого, наверно, алиментарная дистрофия. Где ты видишь, что лошадь истощенная? Это ты как сушеная вобла, а у нее – кость не нащупаешь! Скорее, она от безделья чересчур зажириела и потому взбесилась. Такое бывает. Это – рабочая лошадь, ее хоть иногда надо было запрягать, а она – застоялась. Бешенство от ожирения – вот и весь диагноз. Умничаешь мне тут не по делу, профессор!

Хамзат насмешливо посмотрел на врача. И тот сконфуженно отвернулся.

– Чему же тебя за пять лет выучили, средства государственные тратили? Акты писать. Так это и я умею, без всяких институтов! Надо уметь в болезнях разбираться, лечить, если ты врач. А может, баран вместо тебя учился – диплом тебе добывал? – все-таки не выдержав, добавил Хамзат к сказанному Байбосом.

Потом, зацепив за «Кировец», коня оттянули подальше за сеновал и решили там спалить. На этом настоял завфермой, сказав, что если лошадь действительно взбесилась, опасно так оставлять труп. Если собаки поедят ее мяса, то могут тоже взбеситься. Лучше будет пока их привязать. Облив соляркой, слитой из «Кировца», труп лошади запалили со всех сторон. Огнем занялись хвост и грива, сгорел волосяной покров шкуры, и огонь потух. Снова облили и подожгли: солярка сгорела, а труп – не горит, только жир шипит и плавится. Тогда пробили ломом живот. Глянув на отверстие в животе, Байбос подозвал врача и показал ему:

– Смотри, какой слой жира на животе! Аж в три пальца! А ты говоришь – не кормил, дистрофия. Что скажешь теперь?

Врач, огрызаясь, что-то пробурчал в ответ. Залив в живот ведро солярки, снова подожгли. Но результат тот же: солярка сгорает и огонь тухнет. Труп

лишь немного обуглился. Провозившись почти битый час и спалив немало солярки, они бросили наконец это бесполезное занятие и уехали домой. Хамзат же, возвратившись к себе, сразу посадил собак на цепь.

Вечером, когда солнце еще висело над горизонтом, пожаловали незваные гости. Далеко разносящийся по степи запах горелого мяса привлек внимание волков, рыскающих по степи в поисках добычи. Обладающие отменным нюхом хищники быстро учуяли, где можно поживиться. Сперва из-за гребня холма появился один зверь и, остановившись, стал пристально оглядывать окрестность зимовки. Через пару минут, как будто из-под земли, рядом с ним появились еще двое хищников. На заснеженном гребне, на фоне заходящего солнца, темные, четкие силуэты хищников смотрелись как на картине великого мастера. Но, конечно, у Хамзата эта «картина» не вызывала восхищения.

Чуть постояв на гребне, звери гуськом зарысили к труп Карагеца, но, не доходя до него, снова остановились, как будто опасаясь подвоха. Потом двое остались ожидать, а вожак осторожно подошел к трупу. И только тогда, убедившись, что им ничто не угрожает, подбежали и те двое. Похоже, что вожак был очень опытным, бывалым волком. Хотя для Хамзата, пока не кончится конина, они угрозу не представляли, но все же их соседство лишало его спокойствия. Ведь нечем отпугнуть их в случае чего! Взяв из дома бинокль, Хамзат неприязненно следил за ними в окуляры. Помимо воли в нем зарождалось чувство восхищения ими. Жадно утолив первые приступы голода, звери, нехотя докончив пиршество, не ушли восвояси, а, отойдя чуть в сторону, расположились на отдых. Сгущающиеся сумерки постепенно скрыли их от глаз Хамзата. Обеспокоенные их соседством, обычно поздно загоняющие на базу овец, Хамзат и Халимат на сей раз загнали их, как только ночь укрыла землю.

Утром, чуть свет выйдя из дому, Хамзат обратил свой взор в сторону холма. Волков не было. Не выдержав, сходил посмотреть. На белом, истоптанном, в пятнах крови снегу лежал черный, обугленный, растерзанный труп Карагеца. Трудно было Хамзату, полюбившему коня, свыкнуться с мыслью, что Карагеца больше нет, но куда труднее было Халимат, которая кормила его постоянно сладостями со своих рук. Ни один день она вновь и вновь плакала по нему, как по близкому человеку.

Днем, опасаясь, что съевшие мясо большой лошади волки могут взбеситься и натворить дел, Хамзат поехал в поселок к чабановавшему здесь до него старику Лаю, чтобы попросить у него на время двустволку, хотя уже однажды и обращался к нему безрезультатно. И теперь, так и не достав ружье, Хамзат вернулся домой.

Вечером, почти в то же время, как и вчера, волки собрались на тризну. Признаков неадекватного поведения за ними Хамзат не заметил. На этот раз, они, насытившись, ушли, не задерживаясь. Днем вместо них пировали лисы да стервятники, а вечером снова являлись «постояльцы» Хамзата. Так продолжалось до тех пор, пока от лошади не остались чисто обглоданные кости, разбросанные по округности. Даже от шкуры ничего не осталось.

Потом на пару дней волки исчезли, но голод заставил, видать, их вновь появиться на зимовке. Придя на привычное место и ничего не найдя, они, усевшись в ряд, стали наблюдать за тем, что делается на зимовке. Успокоившийся было с исчезновением волков, Хамзат вновь потерял безмятежность. Поставив Халимат с биноклем в руках следить за волками, он торопливо управился на базу и, не дожидаясь темноты, быстро загнал овец под крышу.

Волки, как будто дожидаясь подношения, долго глядели на снующих туда-сюда людей. Потом один из них задрал морду к небу и так заунывно, тоскливо и длинно завыл, что у Хамзата по спине мурашки поползли. Двое других с

некоторым запозданием подхватили вой. Кончив дела, Хамзат и Халимат, не задерживаясь, зашли домой, чтобы не слышать режущую слух волчью симфонию.

Ночью с фонариком и вилами в руках Хамзат несколько раз ходил к базу, опасаясь, что перепугавшись волков, овцы могут передавить друг друга. Но признаков присутствия волков не обнаружил. День тоже прошел спокойно, но на всякий случай Хамзат к обеду привязал собаку к груженным саням, стоящим на полдороге к скирдам сена, надеясь, что она лаем поднимет тревогу, если вдруг он не заметит появления зверей.

Вечером, очищая водопойное корыто от намерзшего льда, чтобы напоить овец, он услышал повизгивание собаки и повернувшись в ту сторону, увидел взобравшихся на самый верх скирды волков. Их было только двое. Немного посидев, они легли, и исчезли из виду.

Почистив корыто и накачав в него воды для овец, Хамзат пошел отвязать собаку. Подойдя к саням, он позвал ее, но она не отозвалась. Думая, что она лежит за санями, он обогнул сани и увидел валяющуюся на снегу цепь с пустым ошейником. Почувствовав раньше, чем увидел, опасность, Хамзат, оторвав взгляд от ошейника, посмотрел на дорогу. В метрах двух от него, как вкопанный, стоял волк. Он шел по накатанной от скирд дороге прямо к отаре. Какое-то мгновение они, как в столбняке, смотрели друг на друга, потом разом кинулись в разные стороны: Хамзат к вилам, воткнутым в сено, а волк – наутек.

На следующий день, подогнав груженные сани поближе к дому, он снова привязал к ним собаку, хорошо затянув ошейник. Целый день работал в беспокойном ожидании вечера. Но на этот раз волки не явились в обычное время. Радуюсь этому, он, пока Халимат доила коров, напоил овец и уже хотел их загнать на баз, но подумал: «Ладно, сперва пойду, отвяжу собаку – пусть еще постоят, может какая не пила еще воды». И только направился к саням, как увидел, что собака сама идет к нему. «Вот зараза, все равно скинула ошейник! И что за голова у нее, никакой ошейник не удержит!» – проговорил он возмущенно, поворачиваясь обратно. Но не успел он подойти к отаре, как, опережая его, «собака» метнулась к овцам. Овцы, давя друг друга, бросились в разные стороны. Мигом сообразив, что к чему, Хамзат бросился вдогонку, на бегу схватив воткнутые в снежный сугроб сломанные трехрожковые вилы. Но второпях поскользнулся и, уже падая, метнул вилы в успевшего вцепиться в крайнюю овцу волка. Вилы воткнулись, кажется, в бок и заднюю ногу, и волк, перерезавший артерию на шее овцы, бросив свою жертву, кинулся бежать, волоча вилы по снегу.

Хамзат, вскочив на ноги, растерянно смотрел вслед хищнику. Волк с волочащимися вилами, неестественно подпрыгивая, бежал в сторону скирды. Выбежавшая на шум из базы Халимат не стала ничего спрашивать (все было и так ясно), и бросилась сгонять напуганных овец. Хамзат же быстро прирезал овцу. Когда снова посмотрел в сторону скирды, волк, все так же хромя, но уже без вил (они где-то отцепились), миновав скирду, бежал дальше в степь, но уже не один. словно страхуя его, сзади бежал еще один его сородич. Так они без оглядки скрылись за гребнем холма.

Это было тринадцатого марта, а четырнадцатого, по приметам казахов, суслики, проснувшись от спячки, выходят из нор, и волкам уже есть чем утолить голод. Как бы там ни было, но больше в эту зиму и весну волки Хамзата не беспокоили.

Евгений Виноградов

Евгений Виноградов (1912 – 2000) родился в Кисловодске. В 1938 году окончил литературный факультет Северо-Кавказского пединститута в городе Владикавказ. Многие годы работал учителем. Е. Виноградов участвовал в литературной жизни региона, публиковался в периодической печати. В 1992 году в московском издательстве «Интер-Весы» вышла книга стихов Е. Виноградова «Правда о войне».

Лезгинка

Быль

О необыкновенном случае, который произошел на Пулковских высотах – под Ленинградом – в 1943 году, рассказал мне писатель Зияудин Абдулаев. А произошло вот что: командир орудийного расчета сержант Масуд Апаев нашел на окраине Ленинграда, в одном из полуразрушенных домов, патефон. Среди пластинок оказалась запись лезгинки чеченского композитора Умара Димаева. Звуки лезгинки напомнили Масуду родные горы, районный Дом культуры, где он получил премию за исполнение народного горского танца. Он прихватил патефон. В минуты затишья весь расчет слушал музыку кавказских гор.

...Орудие сержанта Апаева было тщательно замаскировано на танкоопасном направлении. В блиндаже не разрешалось не только громко разговаривать, но даже курить. Батареи артдивизиона вели огонь по противнику, а орудие Апаева ожидало своего часа.

Вдруг связист при расчете снял наушники, лицо его сияло... Он сообщил: «Наши войска на Северном Кавказе одержали крупную победу: фашистские войска отступают... Освобожден Ростов!!! Кавказ свободен!!!»

Масуд не выдержал, закричал: «Уррра!!!» Завел патефон... Над позицией раздались звуки лезгинки.

Масуд выскочил из блиндажа, затем оказался на бруствере... во весь голос закричал: «Асса!» – и пустился в бешеной пляске утаптывать снег над бруствером. В это мгновение, рискуя жизнью, презирая смерть, которая могла его настигнуть в любую секунду, он торжествовал, бросая вызов врагам Родины, презирая их...

– Кавказ освобожден! – кричал он.

– Мерзавец!!! Сумасшедший!!! Сволочь!!! – кричал командир батареи. – Обнаружил пушку! Арестовать! Под трибунал!

Противник почему-то молчал. И вдруг из глубины немецкой обороны заговорил мощный репродуктор:

– Ахтунг! Ахтунг! Внимание! Внимание!.. У русских не выдерживают нервы... Русские сходят с ума! – так фашистская пропаганда комментировала поступок смельчака, бросившего врагам вызов.

Сержанта арестовали и, под конвоем, привели к командиру артиллерийского полка. Выслушав доклад командира дивизиона о произошедшем ЧП, вопреки ожиданиям, командир полка подошел к Масуду Апаеву, обнял его, расцеловал и сказал:

– Молодец, герой! Хорошо танцуешь!.. Я все видел... Смерть презираешь... фашистов презираешь... Пусть знают: плевали мы на них! Скоро конец им будет!.. – и, обратившись к адъютанту, заметил: – Заполните на сержанта Апаева наградной лист: «За мужество и беспримерную храбрость представить к ордену Красной Звезды.

– А вот и сам герой, – закончил рассказ писатель, – скромничает, сидит на диване, и вроде это его не касается...

Сидящий на диване пожилой ветеран, с колодками на пиджаке, услышав, сказал:

– Молодой был, дурной... от радости, что мою Родину освободили, чуть под трибунал не попал. А лезгинку я до сих пор люблю танцевать, особенно на свадьбах.

Не спеши

Не спеши убивать свою душу,
Отстрани бесовскую напасть.
Потеряв же духовную нишу,
Не найдешь ты ее даже часть!..

Крутит бес: «От тебя я, не скрою,
Без ума. За тебя постою.
В избытии стол я накрою,
В твои руки себя отдам!..»

В доме все для тебя, даю слово.
Дверь крепка будет, крепок засов.
Повторять будешь снова и снова:
«Благодарна за хлеб и за кров!..»

Но в священном писании Бога:
«Будет день – будет хлеб,
будет кров!»

Милость жди там,
где к Богу дорога...
Нам нельзя забывать Его слов!..

Потерявший себя, будь в ответе:
Заплутал ты в бесовской глуши...
Ничего нет дорожке на свете
Богом данной навеки души!..

Не спеши убивать свою душу...
Не спеши... Не спеши... Не спеши...

Золото слова

Очарован нежданно я снова.
Чувства зреют, излиться спешат.
Переплавившись в золото слова,
В светлом образе ярко горят!..

Майрбек Лулуев

Окрыленное чувство, как прежде...
И волнуется сердце в груди...
К жизни вдох выдыхаю, в надежде:
Счастья миг, не спеши уходить!..

Стать жизни

Чувства в вечность стекают убого,
Хоть дышу в тебя, сердца печаль.
Не старайся со мною быть строгой,
Чтоб уйти в непонятную даль...

У тебя ж на уме: окна, двери...
То ли просто – мужское плечо...
Нету времени в чувства поверить:
Благо дня в свое лоно влечет!..

Все просчитано четко и верно.
Нету места, душе б где пристать.
Это «верно», наверное, скверно:
Стать у жизни в расчете искать!..

Перекатится день в затемненье,
И захочется душу понять.
Но бедняжка разбита, в смятеньи...
И захочет ли тело принять?!

Доброта

Что красота спасет мир, я не верю:
Она холодной может быть порой...
Я доброте открою настежь двери
И в честь нее устрою пир горой!..

Ведь доброта не может...
чтоб без сердца.
В ней прелесть жизни и ее тепло.
И потому хотелось бы с ней спеться:
Из мыслей бы ненужное ушло...

Душа стремится к доброму началу,
Чтоб в светлой сути
истинность найти,
Чтоб в алчном мире
жизнь не одичала,
Чтоб, как с любимой,
с истиной сойтись!..

И к слову слово –
нужное стремление,
Чтоб шаг за шагом
светлость подтверждать,

Судьба такая свята, без сомненья:
Ведь жизнь в добре.
И нечего нам ждать!..

И доброта переполняет мысли.
И звон души – до неба высоты.
Дай Бог всегда стремленья
к звездной выси,
Где б в светлом поле были я и ты!..

Лучезарная синева небес

В тени ресниц твоих
забудутся печали,
В добрый голос твой
подскажет верный путь.
От света же очей откроются те дали,
Где жизни я найду
божественную суть!..

Душа моя в плену приятного обмана.
И хочется теперь наверняка пропасть.
Купить обман такой –
не набивал кармана:
Искал себе судьбы
счастливую напасть!..

Мольбы мои дошли до Бога порога.
И вот сражен... Лежу...
Настал мой звездный час.
Надеюсь, что меня ты
не осудишь строго,
Ведь жизнь нам для всего
дается только раз!..

Воспоминаний горькая печаль

Ты в медсанбате всем сестрой была,
Победу, как могла, стране ковала,
Беда же стороною не прошла,
И счастья нить внезапно оборвалась.

Я и сегодня слышу голос твой.
Мне в жизни лучше не было награды!
Мой добрый ангел, путь твой золотой –
На части вмиг осколками гранаты...

Воспоминаний горькая печаль:
В бой поднимают воинов комбаты!
И хоть героев этих очень жаль,
С войны вернутся уж
не все солдаты...

Об этом помнит жженая трава...
Об этом помнят рваные рассветы...
Жизнь на земле всегда,
всегда права!..
За мир солдаты Родины в ответе...

На перепутье огненных дорог
Пусть нежно распускаются тюльпаны.
Войны навек усвоили урок...
Растают пусть лихой беды туманы.

Воспоминаний горькая печаль:
В бой поднимают воинов комбаты!..
И хоть героев этих очень жаль,
С войны вернутся уж
не все солдаты...

Души золотая отрада

Небесных не ведая знаний,
Но Богом всечасно храним,
Без радужных чувств и мечтаний
Не мог быть собою самим...

Незнание закончилось кстати,
И чувства проснулись в душе.
Такою доволен утратой:
Собою владею уже...

И радуга всеми цветами
Раскинулась в небе не зря.
Подхвачен я сердца мечтами,
Тебя не хочу потерять...

И эта цветная награда
Тебе. Это – Бога печать...
«Души золотая отрада!» –
Мне хочется миру кричать!..

Жизнь

Солнечный шар скрыл горизонт –
Зарево лишь полыхает.
И облаков розовый зонт
Золотом ярко сияет...

Солнце уйдет – ночь упадет,
Землю собой обнимая.
Время пройдет – светлость взойдет,
Сердца печаль разметая!..

Сердца примета

Сердца стук соберется в звучанье
И божественной музыкой
в небо уйдет.
Звезд начнется живое мерцанье.
Нежность неба тихонечко
в душу сойдет...

Перелив звуков звездного света
Переполнит Вселенной
бездонный предел.

Алвади Шайхиев

Этот горький огненный шар

(Из цикла «Рассказы о писателях»)

Однажды, вызвав к себе в кабинет, главный редактор Чечено-Ингушского книжного издательства Ваха Дыхаев сказал мне:

– Вот рукопись. Ознакомься с ней и сделай свое заключение: можно ли ее включить в тематический план или нет.

Он протянул мне толстую папку, на которой значилось: «Х. Ошаев. «Брест – орешек огненный».

От волнения меня всего обдало жаром. И в Союзе писателей, и от сторонних людей мне доводилось слышать про нее уже много раз. Да и сам Халид Ошаев рассказывал мне, что, будучи законченной давно, его книга из-за всяческих препон, чинимых вышестоящим начальством, никак не может выйти из рукописной стадии и увидеть свет. Но не это обстоятельство вызвало у меня такое волнение, а то, что мне, молодому редактору, доверили книгу знаменитого писателя, которая приобрела столь широкую популярность еще задолго до выхода в свет. Возникло сомнение: как это воспримет автор? Дело в том, что у меня только-только начинали налаживаться отношения с писателями, когда меня призвали на службу в армию. И на должность рядового редактора я пришел в издательство после демобилизации, меньше года назад. Поэтому я счел своим долгом заметить:

– Я не против того, чтобы работать над ней, но как сам Халид Ошаев воспримет то, что вы поручаете ее еще не оперившемуся редактору? Может, сначала посоветуетесь с автором?

– Мне интересно узнать твое мнение о ней. Если годится в печать, думаю, Халид не будет против чьего-то редакторства. Вы все равно, так или иначе, вынуждены будете обмениваться мнениями в ходе работы...

Позже я узнал, что главный редактор Ваха Дыхаев неоднократно включал эту рукопись в тематический план издательства. Однако, всякий раз находился кто-то из сотрудников, который тут же призывал на «помощь» кэзгбешников. Те, в свою очередь, сообщали в обком партии. А обкомовцы незамедлительно давали указание вычеркнуть из плана издательства рукопись Халида Ошаева «Брест – орешек огненный». Плюс ко всему, оказывается, и сам Ваха Дыхаев у высшего начальства был в списках «неблагонадежных». Этого я тогда, разумеется, не знал.

Высокому начальству очень не хотелось, чтобы кто-то поведал миру, как представители чеченского народа, депортированного с отчей земли с ярлыком «враги народа», в первое же утро, когда фашистская Германия напала на Советский Союз, проявляли чудеса мужества и героизма, отдавая свои жизни за правое дело, не отступая ни на шаг. По этой же причине и Сергей Смирнов не называет в своем романе «Брестская крепость» ни одного чеченца. А Халид Ошаев отыскал среди тех, кто в этой крепости принял на себя удар, более двухсот сорока вайнахских фамилий. (А по последним данным более четырехсот фамилий чеченцев и ингушей).

Отыскать-то он их отыскал, но, так как некоторые числились без вести пропавшими, КГБ и обком партии имели повод оклеветать их, утверждая, что они, мол, могли сдать в плен и служить немцам.

Как ни сильно было у меня желание поговорить с Халидом Ошаевым, я все же решил сначала внимательно ознакомиться с его рукописью. Тем более, что давно лелеял мечту прочитать ее, и она осуществилась столь неожиданным образом.

На третий день утром я постучался к Халиду Ошаеву.

Дверь открыл он сам и сразу же сказал, улыбаясь:

– Входи, входи! Как хорошо, что ты пришел! А я вот скучал один.

В квартире у него я и до службы в армии бывал, и не раз. Поэтому не чувствовал себя здесь посторонним.

«Рабочий кабинет» Халида располагался сразу же за входной дверью, направо, и был удобен тем, что можно было входить и выходить, не доставляя хлопот хозяйке.

– Халид, – первым обратился я к нему, когда мы уселись, – редактуру твоей книги издательство поручило мне...

– Серьезно? – неожиданно для меня просветлел он лицом. – Это очень даже хорошо! Ну и как, по-твоему, удастся издать?

Этот мужественный человек, не склонявший голову ни перед кем, глядел на меня с такой мольбой, будто теперь все, связанное с изданием его книги, полностью зависело только от меня. И я понял, что книга эта хоть и не имела в художественном отношении особого значения для его творчества, для его жизни содержала в себе огромный смысл. Иначе вряд ли в свои годы, не блистая к тому же здоровьем, дважды ездил бы в Брест и встречался с тысячами людей, собирая материал.

– По-моему, – сказал я, – это очень нужная и достойная быть изданной книга. Но...

Я замолчал, подыскивая нужные слова для перехода к конкретному разговору.

– Ты не стесняйся, если где сомневаешься – говори. Я ведь ко всему привык. И буду работать над рукописью, сколько потребуется. Лишь бы было на пользу... Лишь бы она вышла...

– Причины не издавать ее я не вижу, Халид. То, что я хочу сказать, совсем другое.

– Что же? – живо поинтересовался он. – Я на все готов. Хоть телом я и стар, но сил у меня еще достаточно.

– Видишь ли, Халид, у меня еще мало редакторского опыта. Я могу написать редакторское заключение, если потребуется. А редактора автор вправе выбирать себе сам. Ты бы...

– Ты что, советуешь мне выбрать другого редактора? Зачем? Ты же одобряешь рукопись, так зачем мне другой редактор? – возмутился Халид. – Работай над ней так, как считаешь нужным, без стеснения и смело. В отношениях редактора и автора не должно быть понятия: старый – молодой. Если они оба сумеют стать ровесниками, тогда и сотрудничество у них будет творческим. Да и для меня очень заманчиво хотя бы на короткое время почувствовать себя твоим ровесником.

Так началась наша с ним общая работа, которая длилась около двух месяцев. Мы встречались и в издательстве, и у него на квартире. Не меняли ни единого слова, предварительно не посоветовавшись друг с другом. Некоторые места, хотя и с большим сожалением, приходилось сокращать, так как цензура их все равно не пропустила бы.

В таких случаях Халид говорил мне:

– Все-таки неблагоприятная у редакторов работа. Иные авторы пишут так, как хотят, бравуруя собственной смелостью. И когда редакторы вот так сокращают их тексты, они потом хвалятся перед друзьями и знакомыми: «Я же, мол, написал так и этак, да вот редактор побоялся пропустить». Такие вот «писаки» нередко становятся в глазах товарищей чуть ли не самыми популярными героями. Редактор же предстает перед несведущими людьми неисправимым трусом, ибо им неизвестно, что над ним стоит дремлющее и всевидящее око «литы», или, попросту говоря, цензура. Они не знают, что пропусти редактор всю эту писанину таких авторов, его неминуемо призовут к ответу.

Халид Ошаев был в этом прав. И потому мы с ним сократили такие места, за которые мог бы зацепиться зоркий глаз цензора, но делали это таким образом, чтобы сокращения такого рода не были в ущерб общему содержанию.

Это касалось, прежде всего, той части материала, которая рассматривала поведение Сталина и его окружения с точки зрения их отношения к войне. Халид оценивал события тех лет совершенно по-своему. Ну, а упоминание имени Сталина в те годы было под запретом.

Настал день, когда редаKTура закончилась. Оставалось дать на перепечатку последние десять страниц, вложить их в общий текст и пустить рукопись в производство.

Халид Ошаев в тот день был веселей обычного. Мне и сейчас помнится его просветленное лицо. Не скрою: я сам был в восторге от сознания того, что мне удалось доставить эту радость ему.

Помню, была пятница – последний день рабочей недели.

Вдруг зазвонил мой телефон. Это директор вызывал меня. И я поднялся на второй этаж.

После коротких расспросов о ходе работы над рукописью Халида Ошаева Джунид Чапанов сказал:

– В понедельник в Тбилиси начинается зональное совещание редакторов по проблемам современности. Решили от издательства командировать тебя.

– И когда выезжать?

– Завтра вечером. Встретишься с остальными редакторами газет, телевидения, радио на вокзале. У них будет и твой билет. А сейчас, пока не закончился рабочий день, зайди в бухгалтерию и оформляй командировку. У них все должно быть готово.

Когда я вернулся в свой кабинет, там никого не было: рабочий день закончился.

Положив рукопись Ошаева в ящик стола и закрыв его на ключ, я ушел домой, чувствуя некоторое сожаление, что приходится отложить ее сдачу в производство еще на одну неделю.

В Тбилиси нас разместили в гостинице «Иверия».

Совещание проходило под эгидой ЦК Компартии Грузии.

Когда мы проходили регистрацию, я узнал, что моей фамилии в списках приглашенных нет. Совещание было предназначено, оказывается, для редакторов средств массовой информации.

Регистраторша мне сказала:

– Раз вы приехали, можете остаться. У нас интересная программа: и лекции, и экскурсии. Вот посмотрите, – она протянула мне буклет. – Выберите сами нужную лекцию. По-своему усмотрению будете слушать лекции...

Мы провели в Тбилиси ровно неделю и в следующее воскресенье вечером возвратились домой.

Когда в понедельник утром я явился на работу, старший редактор нашей редакции Филиппенок сообщила мне, что директор и главный редактор ждут не дождутся моего приезда.

– Хорошо, что ты вернулся. Видишь, тут такое дело... – начал главный редактор, ни словом не обмолвившись о моей командировке. – Обком партии требует срочно дать справку о рукописи Халида Ошаева. А поскольку работал над ней ты, то писать ее придется тебе.

– А зачем она им понадобилась?

– Не знаю. Но всю эту неделю нам с директором они не давали покоя телефонными звонками.

– Хорошо. Сейчас напишу.

Я написал требуемую справку. Мое резюме: рукопись должна быть изданной.

Так и вышло. В запланированное издательством время «Брест – орешек огненный» увидел свет.

Дебют**Муслим Lostlam**

Муслим Назаев (поэтический псевдоним Lostlam) родился в 1978 году в городе Грозный. Работает в сфере строительства в г. Москва. Интересы: путешествия, спорт, литература, поэзия. Нравится творчество Ш. Арсанукаева, Ш. Окуева, А. Бисултанова, М. Лермонтова, Е. Евтушенко, Х.Л. Борхеса, В. Шекспира, других авторов, а также испанская поэзия эпохи Возрождения. В журнале публикуется впервые.

Мостик над бездной...

Раскинув руки,
Закрыв глаза,
Охвачен дымом
Край навсегда.

Здесь тлеет сердце
Сакральных дюн,
И веет ветром
С померкших рун.

Нет больше смысла
Ни здесь, ни там,
Город повержен,
На смех врагам.

Из-под обломков
Протяжный стон,
Мысль опустела,
Сгинула вон.

Но если есть
На свете свет,
Не сгинет блеск
Прошлых побед.

На этом все,
Пусть сдует пепел
Тот, кто смеется,
Тот, кто весел.

Гавань моих желаний оскудела,
И перестало солнце жечь лучом,
Я на краю, бескрайнего сандала
Удар держу поношенным веслом.

Мой компас потерял тот горизонт,
Что открывал сознания просторы.
Лишь бред, закованный
в чугунное кольцо,
Меня подводит под его законы.

А я так ждал открытых, острых граней,
И рвался на вершины бытия.
Но был повержен, и земные раны
Мне окропит соленая вода.

Блаженства не познав, и под кручиной
Я вознесусь, над мыслью не спеша,
И боль, что вгрызлась
в тело мне отныне,
Станет примером кратким для меня.

Свеча судьбы мерцала в полумраке,
И тень ласкала кожу нежных рук,
Но связь бывшая как-то перестала
Вязать узлы и превращаться в звук.

Ключ к разуму потерян (навсегда ли?)
Или все это – бред закрытых штор?
Сорвать былую маску мне пристало
И выложить на лист весь этот сор.

Ты видишь, стих мой
не имеет рифмы.
И нет тут глубины и хвастовства,
Здесь просто голова моя поникла,
Не разобрал, законы естества.

Разбитый, но не побежденный,
Азотом вместо воздуха дышал.
Забыв себя и миром утомленный,
Аккорд судьбы, по-своему держал.
Мой друг, в тебе есть сила поколений,
Бросаешь гордо вызов ты судьбе.
Еще не раз, откинув груз сомнений,
Кровь забурлит зажженная в тебе!

Апрельским снегом берег замело,
И нет весенних птиц знакомой трели.

Челнок мой деревянный занесло,
На сторону бушующей метели.

Подняв повыше воротник шинели,
Закрыв лицо, собрав себя в кулак,
Прижал к груди последние шрапнели,
Что разодрали душу в пух и прах.

И не стараясь залечить все раны,
Я куски (плоти) мяса ею заменил.
Во мне теперь холодный
звук металла,
Он мне покой сегодня подарил.

Я видел кровь в разодранной ладони,
Как капли падают
на плиты мостовой.
Напрасно ждал неимоверной боли,
Забыв, что на ногах, едва живой.

Глотал я жадно воздух и молился,
О том, что грех мой есть – всего один.
И хоть в сей мысли ясно возгордился,
Проснулся мой забытый исполин.

Мой грех – что выбираю я дорогу,
Что время компас мой, и я иду,
И, пропустив душевную тревогу,
Господь мой, пред тобой
склоню главу.

Прости мне мои давние скитанья,
Прости, что я покинул край родной –
Я раб твой, растерявший все деянья,
И я молю, верни меня домой!

Ночь разрывала океан внутри,
И шторм о скалы бил остатки сердца.
Мой призрак ощущал маяк вдали,
И слышал, как скрипит
на петлях дверца.

Я столько раз молился, ожидал,
Что загорится свет, блеснет надежда.
Рванет меня на призрачный причал,
Что криком изойду я весь, невежда.

Но в этот раз, преодолев весь мрак,
Навстречу из неведомой долины,
Явилась ты, даря мне свет в словах,
И заключая, что мы все из глины.

Что каждый есть частица одного,
И делать должен то, что сердце скажет.

И даже если как мое оно,
То все равно, нельзя никак иначе.

Как часто в гуле вязких городов
Уходят вглубь забытые моменты...
Но раскрывая тайну серых снов,
Прносятся оранжевые ленты.

Они шумят весенним утром ранним,
Завязанные мной на ветках слов,
И побуждают к жизни безучастной,
Освобождая от ее оков.

И эта лента – парус мой надежный,
Среди бушующего лика бытия.
Закрыв глаза, я слышу шум прибора
И легкий бриз, качающий меня.

Ночь опустилась вместе с облаками
И, сделав вдох, мне воздух
ребра рвет.
Придавленной ушедшими часами.
Бетонной глыбой, тень одна идет.

Закованная меж границ пространства
Оптическим явлением возникшим,
Я ощущал всегда в ней постоянство
И силу света в глубину проникшим.

Но мысль одна,
что есть всегда надежда,
Приходит вместе с мраком из-за круч –
И чтоб узреть ее, необходимо
На темном небе видеть столько туч.

Мостик над бездной
моей отчужденности
Хрупко с ветрами играл, а
Солнце надежд

надо мною сплетенных
Ввысь непроглядную звало.
Я же, забыв о капризах природы,
Ветра попутного ждал.
И, обивая чужие пороги,
Счастья людского искал.

Словно не ведал ум утомленный
Истину старых знамен –
Не отражают сердца отчужденные
Блеск королевских корон.

Халикова Асет**Ас или даьккхина**

Ас илли даьккхина,
и яздан хьакъ юй ца хоттуш,
Ас илли даьккхина,
дIадахнарг хиндолчух хуттуш.
Аз сайниг делира,
ламанийн дохк егош даьлларг,
И тIома ца далахь,
кьинтера ер яц со аьлла.

Сан иллин маьIна ду -
дахаре сан мерза безам,
Ларбинарг сан ирсах,
диканах лаьттина тешам.
Ас илли даьккхина,
кьонахчо доккху дерг санна.
Цо цкъа а хадор бац
нийса некъ адамех цхьаннен...

Уьи дерриш дицдича,
сан иллин жовхIар ду башха –
Кхочу и Шара а,
ЧIебарла, Варанда, Нашха...
Дог сема долучу
адамийн ойлане даьлла,
Цо хийла дегнашкахь
дика цIе латийна яьлла.

Ткъа йовхо? Оццул и мичара
яьлла ахь хьаттича суна,
Сан нанас бераллехь эшаршца
елла ю цунна...

Дахар – сан кьийсам

Уггаре хьомсара хетарг,
Хьан дагах даима кхетарг –
ЖовхIар, ирс, деши я безам,
И бахьнехь хьуна хьуо везарг,
Лачкьийча, кхачало собар.
Дохадо тIаккха ахь тоба.
СагIина хьобгара дехнехь,
Лург хилча, доккха дог доьлуш,
Хьанала некъаш ахь кхехьнехь,
Хьан деган тIемаш ца гIеллуш...
Кхачалой, кхачадо гIора,
Ца ваха дуьненна гора,
Кхоллалуш хир бу и кьийсам –
Дикане деган сатийсам.
Кьийсам бу-кх адамийн дахар,
Диканах тешаш догдахар.
Дуьненца, адмашца, шеца
Кьийсама ахь дог дIахецар.

Хьан сино кхийна серло
Дагца ахь даима лелор –
Диканиг лакхене кхехьар,
Кьинхетам вежаршна бехар –
Иза ду-кха адамийн дахар,
ХIораннан бакъо ю ваха...
Кьийса сан хIума ца дисахь,
Дуьне а со елла диса.

Яздаза или

Яздинчул хала ду яздаза илли,
Ю иза хIинца а ястаза гIайгIа.
Ца хаьа лобхуш со и цкъа а хиллий,
Амма и доьлху сан синбешахь лайха.
Яздинчул мерза ду яздаза илли,
Суначул лазар дац иза кхин цхьанна.
Цундела бIешеран кхера шех хилла,
Дуьту ас даха и даима сайца.
Яздинчул хаза ду яздаза илли,
ХIинца а ца девзаш и долу дела.
ТIулг санна,
даима даг тIехь а Iуьллий,
Хуьлу и дахарехь сан деган эла.
Яздинчул дукхаха дехар ду илли,
Кехат тIе Iаназа дуьнен тIехь лелларг.
Яздина мел долу сан деган илли
Декьалдеш,
шерашца дахарехь лелларг.

Зама кхин дола ца йолий,
ЙогIу со цул хьалха йолий.
Сан синан маршонан илли,
Нохчийчоь, хьан цIарах хили.

Доллучу дуьнене безам
Белларг ду хьан бай тIехь зезаг.
Ирсана елла хьо Дала,
Лайнехь а ахь бежа бала.

Дуьненан муьлххачу кхерчахь
Яхалург хила со мега.
Амма дог даим хьох хьерча,
Хьобца ю марзо а деган.

Хьан ирсан йозанан кьайле
Хьан шерийн IиндагIехь йоьшу.
Стиглара сайн седа бале,
Хьан синна ас доIа доьшу...

Шишханова Зулпаъ**Лаьмнаш**

Ма ч1ог1а баланаш лайра,
Чехадеш луьрачу т1амо.
Амма шу лаьтгара майра,
Аш йира махкана само.

Шу маца гур ду-те бохуш,
Хийла сатийсира шуьга.
Сан б1аьргаш ирсаха догу,
Йиш йолуш тахана шу ган.

Шун баххьаш, шун юькъя хьяьннаш,
Мацах цкъа дай баьхна б1аьвнаш.
Шу кура латгалаш лаьмнаш,
Цецдохуш массо а къаьмнаш.

Парг1аго, маршо а вайна
Хуьлийла, кхуьийла беш.
Лаьттийла шу, лаьмнаш тайна,
Т1амо кхин чеа ца деш.

Бералла

Ц1еххьана яьгна д1аели
Бералла, сан хаза денош.
Тахана со юа кхечи,
Сайн юьрта, б1аьрхиш а 1енош.

Кхузахь со 1емира яздан
Хьанашкахь, лаьмнашкахь лелаш,
Васташца йозанаш хаздан,
Байт1ера зезагаш лехьош.

Йохийна, 1овжийна, т1амо
Хийцина сан хьоме юрт.
Атта дац дайн кхерч сьхакаро,
Кобллаша хьулди ден чурт.

Ткъа х1ун бехк бара те хьаннийн,
Кегдинчу, аьтгачу довзийн.
Герзаша дохийнчу ханнийн?
И хаттарш жоп доцуш дов-кха.

Б1аьрг бетгаш лела со юьртахь,
Хьяам беш догучу сина.
Кхиьна уьш кху б1аьста шорта,
1енийнчу ц1ийх кхиьча санна.

Ахь х1унда лечкъадо
Б1аьргаш хьайн тийна?

Суна го царна чохь
Стигланаш сийна.

Денош мел д1аьхарх,
Хьо тешна хилалахь,
Хан-зама д1аяхарх,
Вицлур хьо ца хиларх.

Со хьоьжу стиглане,
Боккхачу безамца –
Хьан б1аьргийн бос лепаш.
Сийна и хиларна...

Ца хаьа-те хьуна?
Я тергал ца дина –
Хьан б1аьргаш чохь суна,
Сайн амат гуш хилар.

Хала дара...

Суна хала дара,
Хьох къаьстина яха,
Сан дай баьхна латга,
Хьомсара сан Даймохк.

Суна ца хаьара
Со муха ехар ю.
Хьох яьлла хан-зама
Ас муха ларийир ю.

Хала дара суна
Кхечу махка яхна,
Доттаг1ех, яьлла сайн,
Нехан махкахь яха.

Х1инца-м хийцаделла,
Дерриг: мохк хазбелла.
Сеньелла хьун, ирзош...
Со хьоьстуш ю ирсо!

Седарчий

Д1о стиглахь седарчий сийна,
Ц1хьа ч1ог1а хьоьжура соьга.
Йовзарца сан деган г1айг1а,
Хаарца со хьоьжий хьоьга.

Со хьоьжу сийначу стигла,
Седанехь хьан амат лобхуш.
Хьо сайна мел гена хиларх.
Ехар ю со, хьоьга хьоьжуш.

Керла иле**Тимбулатов Мовсар**

Тимбулатов Мовсар Маулаевич вина 1998-чу шарахь, Шуьйта Кюштахь йолчу Бена юртахь.

Шен ялх шо долуш Асламбек Шериповн цIарах йолчу шиколе хьалхарчу классе деша вахна Мовсар. Иза стихаиш язъян волавелла ша пховалгIачу классехь доьшуш волуш. «Дуьххьарлера хьехархо» цIе йолуш яра Мовсара дуьххьара язъийна байт.ЦхьайтталгIачу классе хьалаволуш, цхьа а диг доцуш тIехдика доьшуш, схьавоглуш ву Мовсар.

Бералла

Мичахь ю бералла?
 Мичахь ю жима хан?
 Кхуьуш вац тIаьхьа со
 Заманна, мел идарх.
 Яха-те Iинах чу,
 Буьрканца кхоьссина?
 Стигала ели-те,
 ГIожаца кхоьссина?
 ДIадай сан шийтга шо,
 Соя саца ца луш ша.
 Ткъа хIинца лаьтга со,
 Сецадеш кхойтга шо.
 Архаш ас ийзарх,
 И соьга сацалац.
 Иза а дIадовр ду
 БIаьстенан зазанца.
 Буьйсанна тийналлехь
 Сахьте ладоьгIу ас.
 Йобду хан, йорт эцна,
 Даима санна дIа.
 Цу сахьтан цхьамзано,
 Юх-юха го бахарх,
 Йиш яц-кха дахаран
 Юха го баккха шен.
 Собарде, сих ма ло,
 ХIай сахьтан цхьамза!
 ХIинца а кхиьна вац
 Массанхьа ловза,
 Кхиьна вац хIинца а
 Бералла йовза!

Аьхкенан Iуьйре

Лаьмнел лакхахь гучуболу,
 Бовха, сирла, дашо малх,
 Iаламе цо маршал хотту,
 Хьалабаьлча нийсса ах.
 Бешахь декаш олхазарш ду,
 Тайна «шабар-шибарш» деш.

Уллохула татол догIу,
 Меллаша шен «шур-шур» деш.
 Хилла бовлуш лаьтга стоьмаш,
 ЦIен цIазамаш – бацалахь.
 Меда комарш лаьтга оьгу,
 Чомехь ю уьш, яалахь!
 Iуьйренца кху стоьмийн бешахь
 Малхехь къега бецан тхи... –
 Уьш стиглара охьаэцна,
 Дуй-те, лепаш, седарчий?

Баяпган сий

Хьацаран хIорд лаьтга Iенош,
 Охуш, оруш баьхна дай.
 Дагальоьцуш ихна денош,
 Баяпган сий деш, дахий вай?
 Сибрех, хало гинчу наха,
 ХIинца а до баяпган сий,
 И гIело ца гиначара,
 Пусар ца деш, дойу и.
 «Бепиг – массо хIуман корта»,
 Бепиг лара деза вай.
 Бепиг цIа чохь хилча шорта,
 ГIайгIане ца баьхна дай!

Гурахь деьна ло

Стиглахула хьийзаш,
 ДогIу шийла ло.
 ЖIаьло арахь цIийзаш,
 ГIийла узам бо.
 Дитташ тIехь бу стоьмаш,
 Охьаэгаза,
 ЦIечу басца боьлуш,
 Генех къастаза.
 Лайлахь Iохку можа ялташ,
 Лайлахь Iохку шира ярташ,
 Инзардаьлла доцуш доза,
 Орца дохуш, хьийза хьоза.
 Лайлахь деррриш цхьана ийна.
 Iалам набарна дIатийна.
 Ло догIуш ду сумукьне,
 Стиглахь хьийзош кIуркIмани.

Николай Бусленко
Ростов-на-Дону

Николай Бусленко родился в 1938 г. в Курской области. Ученый, писатель, журналист. Окончил (1965) Калининградский госпединститут. Доктор политических наук, кандидат филологических наук, кандидат юридических наук, профессор Южного федерального университета, профессор Чеченского госуниверситета. Член Союза писателей РФ, Союза журналистов РФ. Автор более 300 научных и художественных произведений, статей.

Гуси, гуси! Га-га-га...

Рассказ

Мама, уходя утром в поле, как обычно, дала мне наряд.

– Почини, сынок, тын, – сказала она. – Погляди только, на что он похож.

Тыном называют в нашем селе хворостяной забор, а если у кого забор настоящий, из досок, так он и назывался по-настоящему – забор. У нас был тын, и он уже изрядно обветшал, требовал серьезной починки.

– Почини, сынка, а то уйдешь в армию, а тын упадет. При первом же ветре и упадет, – повторила мама уже во дворе, когда искала в сарае лопату – убрали колхозную картошку.

Стоял сентябрь, его первая, лучшая, потому что солнечная и теплая, половина. Это был первый в моей жизни сентябрь, когда не надо было идти в школу. Оно как будто бы и в радость, а на душе почему-то грустно...

Школу я окончил в прошлом году. Хотел поступить в летное училище и документы подал – через военкомат, конечно. В августе поехал в Харьков сдавать экзамены. И неплохо сдал, но во время медицинской комиссии вышла у меня серьезная осечка: врачи, обстоятельно послушав, обстукав с ног до головы, посоветовавшись, решили – не годен. Так и записали: «К летной службе не пригоден».

Когда мне это объявили, я чуть не расплакался. Глядя на мою расквасившуюся физию, хирург, молодая и красивая, но строгая-престрогая женщина в белом, в тугую обтяжку, халате, пожалев, видно, несчастного кандидата в курсанты, сказала так:

– Нельзя вам, Сережкин, выше трех тысяч метров в небо подыматься... А потолок высоты у современных самолетов знаете какой?

– А зачем мне под самый потолок летать, трех тысяч разве недостаточно? – говорю я, срываясь голосом. – Мне хоть бы на три тысячи. Обещаю – ни метром выше залетать не буду. Не бракуйте меня...

Хирург снисходительно, одними краешками губ, улыбнулась на мои обещания и, не раздумывая ни минуты, подписала заключение – «не годен».

– Одевайтесь, Сережкин... – сказала она, уходя из кабинета в боковую дверь.

Через час я получил конверт, весь в сургучных нашлапках и с грифом «Секретно» – мои документы. Канцелярист, еще молодой офицер, вручавший мне пакет под расписку, рассудительно толковал:

– Вот если бы ты экзамен завалил, тут что-то можно бы предпринять, а медицинская комиссия – это все, брат, это приговор. Даже не обсуждается. Я, знаешь, как летал? А теперь с бумагами вот вожусь. Счастье летчиков – решето дырявое. Ты вот что – когда вернешься, сразу в военкомат. Пакет сдашь из рук в руки... Понял? Не вздумай открывать...

– Понял, – говорю я понуро.

– «Слушаюсь» надо отвечать, – поправляет меня начальственно бывший летчик.

– Слушаюсь, – поправляюсь я.

– Вот так... – удовлетворенно замечает канцелярист, потирая руки.

Как он сказал, так я и сделал. Прямо с поезда поехал попуткой в Мирополье – наш райцентр. В военкомате капитан Табота так и сяк покрутил в руках засургученный конверт и говорит:

– Давай, Сережкин, я верну тебе аттестат, может успеешь еще куда-нибудь подать документы, в институт какой...

– Спасибо, товарищ капитан, – говорю ему.

– Да какое там спасибо, – с досадой говорит капитан. – План набора синим огнем горит.

Он взял ножницы и, надрезав боковую сторону пакета, извлек из него бумаги – справки, характеристики... Я смотрю на них, а они как будто не мои... Наконец, капитан достал аттестат, смотрит на него, раскрыв глаза.

– Невезучий же ты парень, Сережкин, несчастливый, – говорит капитан. – Документы не твои прислали. Перепутали... Гляди, аттестат какого-то Соколова, троечника, кстати.

И я вспомнил канцеляриста, дай ему Бог здоровья. И подумал, что не видать высокого неба ни ему, ни мне. Вспомнил и ничего не сказал – всякому свое счастье, а по делам его – память.

– Теперь, Сережкин, придется ждать, пока мы отошлем им эти документы, пока они твои нам вернут. Так что ты погуляй пока – мы тебя вызовем.

– Товарищ капитан, я служить хочу, – говорю я Таботе. – Заберите меня в армию...

– Нет, Сережкин, не твой год призывается. Подожди. В следующем году мы тебя на флот пошлем, хочешь на флот?

– Хочу, – оживаю я.

– Вот и пойдешь в моряки. Я тебе обещаю. Только медкомиссию ты одолей...

Мне нравится капитан Табота. Он давно служит в нашем райвоенкомате. С тех самых пор, как освободили нас от немцев. Офицер он самый настоящий, боевой, это по ранению его в военкомате оставили. И навидался он тут всего, но особенно вдовьих слез – похоронки, похоронки, похоронки... Мама тоже помнит Таботу – капитан за моего погибшего отца пенсию на меня помогал ей оформить. У нас есть подписанная им справка.

Мама как-то спокойно отнеслась к моей неудаче в летном училище – не хотелось ей оставаться одной.

– Побудь дома, сынок, – сказала она. – Успеешь и наслужиться, и заработать.

Мало-помалу я пришел в себя. Убрали мы с мамой огород, а там и зима накатила. Зимой я читал книжки из колхозной библиотеки. На лыжах катался, случалось, на вечерки заглядывал.

И весну я относительно спокойно пережил.

Летом, в погожие, солнечные дни, я выходил в наш огород и подолгу стоял, наблюдая за цветением огородины всякой, которая схватилась дружным, обещающим цветением. Интересно! Картошка вот зацвела... Белые, расфуфыренные, словно невесты в подвенечных платьях, бабочки-поденки выются над сиреневыми цветами. Как-то они неожиданно и неизвестно откуда появляются – то взлетают вверх, то опускаются вниз. От одного их присутствия весь огород сразу оживает, волной зеленой идет, светом переливается. Глядишь и уже как бы по-другому дышишь – вот каким на самом деле Господь задумал мир! А эти бабочки, встретившись вдруг в полете, мелькая, завьются по спирали, полетят вверх, сверкая, словно искорки в росе... Иногда не выдержишь и, сам не зная зачем, погонишься за какой, да только куда там – взвоется в самую синеву, а ты стоишь и глядишь вслед, ждешь, пока она белой точкой не растает в летнем небе. Лето – какое все же хорошее время!

В один из таких дней на дороге-старице, бегущей среди зреющих хлебов – по этому проселку я любил гулять в полдневные часы, – меня догнал на персональной двуколке Бортник – председатель нашего колхоза.

Я вежливо посторонился, уступил ему дорогу, а он, поравнявшись, остановил коня.

– Садись, Федор, подвезу... – говорит, удерживая вожжами жеребца, тянущегося губами к зеленым колосьям.

– Спасибо, Яков Ефимович, я никуда не тороплюсь, – отказываюсь от предложения преда.

– А ты ж куда идешь? – спрашивает с интересом Бортник.

– Никуда... Я просто гуляю.

– Эх, Федор, Федор... – журит меня Бортник. – Когда товарищи колхозники, выбиваясь из сил, выполняют и перевыполняют планы и обязательства, ты позволяешь себе просто гулять.

– Но я же не давал никому никаких обязательств! А гуляю я по родным полям, запоминаю, напитываясь патриотическим чувством любви к малой родине... И большой тоже, между прочим. Я же в армию уходить собираюсь.

– Эх, демагог какой... Что-то рано ты, Сережкин, в армию засобирался. До осени еще – ого-го-го. А родину совсем не так запоминают... Попотел бы на колхозных полях, и запомнились бы они тебе еще как, а ты по огородам за бабочками гоняешься. Вот я с матерью твоей поговорю.

– Не-е, потеть на колхозных полях не хочу. Хочу прогуляться, будущую жизнь спокойно обдумать...

– Это ж почему, позволь спросить, ты не хочешь работать?..

– А потому что не колхозник я, – отвечаю.

– Как это не колхозник? А кто ж ты тогда... Самый и есть настоящий колхозник.

– Извините, Яков Ефимович... Заявление о вступлении в колхоз я не писал, и на собрании колхозников меня не принимали, а без этого, сами понимаете, нельзя – нарушение Конституции. Так что не колхозник я, а иждивенец.

– Грамотей чертов, умник, понимаешь. А кто ж, по-твоему, в колхозе будет работать?

– Уж и не знаю. Не мое дело, Яков Ефимович, но плохо, когда людей в колхозы загоняют...

– Ишь, куда ты гнешь. А еще комсомолец, наверное. Надо бы сказать, где следует. Ладно, Федор, не буду портить тебе биографию, хоть и есть за что... Язык у тебя без костей. Попридержал бы ты его, иждивенец! Давай так... Поедем завтра в лес. Поможешь древесину вывезти. Совершенно некого направить... – уже в примирительном тоне заговорил вдруг председатель.

– Помочь, конечно, можно. Почему ж не помочь, – соглашаюсь я.

Бортник хлобыстнул вожжами лошадь и умчался. А я стоял на дороге, поросшей спорышом. Кузнечики туда-сюда прыгали у моих ног, перепела вокруг перекликались. Стой, думаю, а откуда он про бабочек узнал, за которыми я гоняюсь? Вот оно, недреманное око соседей, земляков моих... Пожалуй, надо бросить это занятие, забаву детскую, а то что подумают люди...

На второй день, с утра, мы на колхозной полуторке поехали в лес, что отстоит от нас километров за тридцать. Бортник, конечно, в кабине, рядом с водителем, а остальные в кузове. Остальных – четверо, и я среди них. Мы, стуча зубами, тряслись, сидя на скамейке, в ногах у меня оказался какой-то мешок, который ползал от тряски, а в нем что-то звякало и звенело. «С инструментом, наверное», – подумал я. Мужики, просыпая табак, постоянно крутили сигарки, дымя ужасным самосадам. Курили и молчали. Как немые. Скучные были мужики. Или от природы такие или не выспавшиеся. Лица у всех небритые, кадыки острые, затылки нестриженные.

В лесу косые лучи солнца, как мечи богатырские, ярко пробивались сквозь ветки деревьев. Но солнце не стояло на месте, оно поднималось и поднималось, пока мы, расположившись станом, ждали лесника, да пока тот показал нам, отметив мелом, те деревья, которые можно срубить на нужды нашего колхоза. Солнце уже было высоко, когда мы приступили к работе – в две пилы, в два топора.

К полудню завалили три сосны и от сучьев очистили. И уже изрядно подустали, потому что пилить дерево у самого корня, в согнутом состоянии, оказывается, делом утомительным.

Бортник, ругнувшись, объявил перерыв и заодно обед.

Мужики заметно оживились, тут же начали разводить костерок на поляне, зажатой со всех сторон корабельным лесом, поросшей высокой, никем не тронутой травой с кустами желтеющих медвежьих ушек.

В мешке, который лежал в моих ногах, оказались не только инструменты, но и картошка, лук, крупа, соль, завернутая в газетку. Кому-то пришла идея поискать в лесу грибы. Я взял, было, для этого ведро, но Бортник меня остановил:

– Ведро оставь, сумку возьми... И ближе к опушке держись!

И я, захватив полотняную сумку, ушел в лес, охотно принявший меня прохладой, сумеречной тишиной, птичьим щебетанием... Боже, какая благодать! Первый раз нахожусь в настоящем лесу. Я как захмелел от всего этого, и голова моя пошла кругом, когда я посмотрел вверх, где деревья, смыкаясь вершинами, слегка покачивались от легкого ветра и небо сочилось синевой в узкие прогалыны между основными ветками. В лесу, там, где я остановился, еще не опала роса с веток орешника и брызгала в лицо, когда зацепишь вдруг ветку. Под ногами мягкая подушка из слежавшихся иголок, и ощущение такое, что вот-вот оторвешься от земли и взлетишь.

И так, глядя ввысь и слушая птичье пенье, я и сам запел, сначала тихо, чтоб наши не услышали, так, в четверть голоса, лишь обозначая песню, потом вполголоса, а потом – была не была – в полный голос. «Не шуми ты, мати, зеленая дубравушка...»

И умолкли птицы лесные, слушают уважительно пение неведомого певца, как и я их слушал. И только когда последний звук голоса моего унесся, затихая, куда-то ввысь, стали они тенькать между собой, одобряя и восхищаясь – никогда в здешнем лесу такого еще не слышали...

Тут я вспомнил про грибы и, следуя наставлению Бортника, пошел ближе к опушке и скоро, действительно, вышел на многолетнее семейство белых грибов. Я достал из кармана складень с полуисточенным лезвием и зеленой рукояткой, с которым никогда не расставался, ибо это память отцовская, и скоро нарезал почти полсумки замечательных, без единого червячка, грибов.

В нашем маленьком лагере меня уже ждали, горел жаркий костер, кипела в подвешенном над ним ведре вода, рядом, на листьях конского щавеля, лежали приготовленные к закладке картошка и лук.

– Без грибов, конечно, вернулся, наш певец лесной... – язвительно и со значением сказал Бортник, и я, вместо ответа, подошел к костру и демонстративно, чтобы все видели, потряс сумкой с грибами.

– Белье, – говорю я. – Их там хоть косой коси.

– Да ну? А давайте домой наберем... Яков Ефимович, давайте грибов собираем, – предлагает один из мужиков.

– А мы зачем приехали, Байбак? Грибочки собирать? Ну-ну, давай показывай, – это он мне. И я вытряхнул все, что было в сумке, на мятую траву. Бортник поглядел и сказал:

– Гляди ты, натурально, царские грибы. Сережкин, вали их в ведро – только помой сначала.

И не говорит мне никто, как я все-таки пел. Или не слышали? И я спрашиваю:

– Яков Ефимович, я что, так плохо пел?

– Да как тебе сказать... На бесптичье и лягушка – соловей.

И все дружно загоготали. Обсмеяли меня, выходит. Но я не обижаюсь. Что они понимают в таких песнях. А мне, между прочим, после того, как я выступил на районном фестивале за нашу школу, учитель пения сказал:

– Эх, Сережкин, поставить бы твой голос...

Но я и не поставленным голосом могу петь. Для себя ведь пою. И песня такая явилась. Хотя я и другие песни знаю. И морские тоже.

А тут и суп поспел. Мисок у нас, конечно, не было. Вся бригада высадилась с ложками прямо вокруг закопченного ведра. У меня ложки вообще не оказалось – не предупредили же, что ложку с собой надо брать. Поэтому я сидел, жуя сухой хлебушек, ждал, пока мне кто-нибудь свою ложку уступит, и откровенно завидовал Байбаку, у которого ложка так ложка – огромная, деревянная, не расписанная – сам значит, по аппетитам своим, ложку себе выстрогал. Я глядел на это пиршество, отщипывая от краюшки хлеба, которую мама мне с собой дала... Мне оставался только запах от царского блюда, и не было похоже, чтобы кто-то из этих лесорубов-грибоедов, насытившись, вдруг остановился.

– Анатолий, – говорю я Байбаку. – Твоя ложка тебе рот не дерет?

– Не дерет... – отвечает мне Байбак, уплетая суп так, что красные его уши ходуном ходят.

– И не печет суп-то? Не обжигает?

– Да отстань ты... Не печет.

Я хотел уйти куда-нибудь, но тут Бортник наскоро вытер свою ложку о траву и протянул мне.

– Спасибо, Яков Ефимыч, – говорю я благодарно и, как полноправный едок, подседаю в круг. Нет, правда, с ложкой в руке сразу чувствуется равенство, реальный коллективизм... Колхоз, одним словом.

А в ведре оставалось всего ничего, на самом доньшке, и все едоки, облизав сначала, стали по-солдатски прятать ложки за голенища сапог. Бывалые люди, что тут скажешь.

Суп я все же попробовал, суп действительно вышел царский. Ну и, как говорится, остатки сладки.

– Теперь поспать бы, – говорит Байбак, откатываясь по траве от кострища. – Председатель, давай мертвый час организуем.

– Ох, лентяй ты, я вижу, Байбак, – пристыдил его Бортник.

– А я, товарищ председатель, не лесоруб, я тракторист, мое место за рычагами. Это вы меня лес пилить заставили...

И тут у них пошла вялая перепалка. Мне это не интересно. Я уже хотел, воспользовавшись моментом, пойти шишки собирать, чтоб домой привезти, маме показать.

– Избу взметнуть бы себе из такого вот леса, – мечтательно сказал вдруг Фить, кивнув подбородком на поваленные нами деревья.

Но Бортник эти мужицкие, частнособственнические, мечты прервал на корню, в зародыше.

– Ох, куркуль ты, вижу, Фить. Размечтался, видишь ли. И в саманной избе своей проживешь.

И все промолчали, тихо стало у нашего костра, только головешки, потухая, громко потрескивали.

– А в сам деле, Яков Ефимыч... – спрашиваю я Бортника. – Что собираются строить из этого леса?

Бортник не торопится мне отвечать, видно, взвешивая, достоин ли вчерашний школяр, да еще и не член колхоза, его председательского ответа или нет. Наконец, буркнул, и почему-то опять недовольно.

– Свинарник...

– Вот так всегда в нашем колхозе, – отреагировал на его сообщение Грицун, еще один из наших мужиков. – Перво-наперво о свиньях... А когда же о людях?

И опять стало тихо, все глядят на Бортника, ждут, что он на это скажет. А ничего не сказал, промолчал председатель. Он в сердцах велел всем вставать и снова браться за топоры да пилы.

Мы с шумом и треском повалили еще три дерева, очистили их от сучков. И тут водитель наш, Шамрай, объявил председателю, что его полуторка больше не увезет. Бортник только посмотрел на него, но ничего не сказал, работу приостановил, достал из кармана пиджака рулетку, тетрадку и огрызок карандаша, стал замерять

кубатуру добытой нами древесины. Он постоянно сбивался в расчетах, расстроил, видно, его Байбак, а может и водитель, а потом, и тоже с издевкой, говорит мне:

– Ты у нас грамотей, Федор... А вот сейчас проверим, чему тебя учили десять лет. Обсчитай, сколько леса мы сейчас заготовили.

Он подает мне, ехидно улыбаясь, рулетку и тетрадку, заложенную карандашом.

– Небось, троечником просиживал штаны, – добавляет председатель.

Это был первый в моей жизни практический урок геометрии. Я даже растерялся сначала, но вспомнил строгий лик Галины Ивановны Скорины, нашей учительницы математики, собрался с мыслями и важно, по-учительски, выдаю:

– Яков Ефимыч, спиленное дерево представляет собой усеченную пирамиду. Чтобы вычислить ее объем, надо размер большого диаметра сложить с размером малым, разделить на два и результат умножить на высоту пирамиды, то есть длину бревна.

– Гляди ты, какой! Ну, давай, давай... Считай...

Я обмерил лежащие, один в один, деревья, записал результаты столбиками в председательскую тетрадь – шесть стволов и шесть столбиков. Сначала умножил, потом сложил и, получив общий результат, объявил его председателю.

Бортник не похвалил мою работу, нет, а только сказал:

– Не помешало бы еще одно спилить...

И молча отобрал у меня рулетку, тетрадку и карандаш.

Шамрай подогнал свой ГАЗ, и началась погрузка. Мы раскрыли борта, установили наклонно два бревна и с гиками и криками, под председательское «Взяли!», покатали вверх первое дерево.

Бортник, подавая нам всем пример, встал у самого комля, я рядом с ним. Остальные подальше, подальше, к тонкому концу потянулись. Байбак у самого хвоста. Нет, мужики наши не рвались в ударники – то ли свои пупы берегли, то ли безразличны они были к успехам родного колхоза, к благосостоянию колхозному...

И мы с Бортником, в три руки, одолевали изо всех сил неподатливый комель, так и норовивший скатиться вниз и подмять нас.

– И-и раз, и-и два!.. – бодрил нас Бортник, крича и тужась.

Я не сдержался и расхохотался во весь свой непоставленный голос. И Бортник неодобрительно так посмотрел на меня... И тогда я только спохватился.

– Анекдот смешной вспомнил, – говорю, оправдываясь.

Да, я не сказал, а почему мы с Бортником в три, а не в четыре руки упирались в комель. Дело в том, что у Бортника левой руки совсем, по самое плечо, нет – на фронте потерял. Поэтому мои две и его одна – три получается. Он, правда, плечом еще бревно подпирал.

Где-то к вечеру, солнце еще висело над вершинами леса, погрузили мы бревна, толстой проволокой скрутили их, чтоб не раскатились, и боковые борта еле закрыли, и чертыхался, матерился Шамрай, водитель наш, что перегрузили машину, мотор может не справиться. Мы подталкивали, как могли, пыхтящий грузовичок, помогали ему, пока он на большак не выполз. И только тогда расселись все по местам; Бортник, понятное дело, полез в кабину, а мы на бревнах разместились.

– Слышь, Федор, а какой анекдот ты вспомнил, когда мы бревна грузили? – спрашивает меня Фить. Я и фамилию его точно не знаю – Фить и Фить. Кличка такая. Уличное прозвище. В нашем селе у всех есть прозвища, помимо фамилий, конечно. Фить этот уже в четвертом или даже пятом поколении. Предок его, прадед вроде, ходил по огороду, сгонял скворцов с просяных покосов, приговаривая: «Фить на Москву!», «Фить на Москву!» Вот и Фить с тех пор...

– Да так себе анекдот, а вспомнил, и смех почему-то разобрал, – отвечаю я на его вопрос.

– Расскажи...

И мне на ходу пришлось анекдот выдумывать. Я рассказал, что в голову взбрело. Говорю, а голос мой вибрирует и зубы стучат – так нас трясет на грунтовке.

– Хорошо, послушай. Приходит домой тракторист с поля, а у жены его

сменщик. «Ты что тут делаешь?» – строго спрашивает тракторист. «У меня вторая смена», – отвечает второй тракторист. «А-а, тогда другое дело», – говорит первый тракторист.

– И все?

– Все.

– Не смешно... – говорит Фить.

– Так я и говорю, что не смешно... – соглашаюсь я.

Но я вижу, как заерзал на своем бревне Байбак – видно, подумал, что под него я рассказал этот анекдот. И другие так подумали... Все знают, что ревнует Байбак свою Лидку, не доверяет ей, случается, что и поколачивает.

– Постой, постой... Говоришь, вторая смена? – Фить громко, по-лошадиному, заржал, дошло до человека. И еще один, кто был с нами, по прозвищу Грицун, смешком зашелся.

– Сопляк, я тебе этот анекдот припомню! – говорит мне Байбак на ухо, чтоб никто не услышал.

Вот что за мужики живут в нашей Заяровке – слова нельзя сказать, такие обидчивые.

В село мы вернулись уже затемно и машину разгрузили на колхозном дворе. Бревна, когда мы раскрыли борта и раскрутили проволоку, все же раскатились, Грицун при этом отскочить не успел, и ему досталось по ногам, но я уже не стал слушать, как он визжит и матерится – домой пошел, так кушать хотелось. 1

Да, а на самом деле я очень ждал осени – на флот, на флот...

И чем ближе было время призыва, тем больше копилась в моем сердце тревога – призовут или не призовут, и грусть, тихая и светлая, стала посещать меня, то за спиной встанет, дыша мне в затылок легкой прохладой, то в лицо заглядывает серыми, как осеннее небо, глазами... Тогда-то я и узнал, что у юной грусти серые глаза, и взгляд у нее хоть и короткий, да глубокий, до самого сердца достает и надолго запоминается... Осень пришла, наступила.

Вот сегодня мама распорядилась забор поправить, вернее, тын. Я взял в сарае топор и пошел на болота, нарубил хвороста и, конечно, полюбовался минутную другую ранней осенью.

Молодая ольха кустилась на болотах зелено и густо. А трава уже порьжелела и слегка полегла, и бабочки-поденки над ней уже не летают, и голубых стрекоз не видно. В траве попадаются опустевшие, растрепавшиеся мокрые гнезда серых птичек – пастушков. Улетели... Вода в речке просматривается до самого дна, и течет она тихо-тихо, кое-где завиваясь, закручиваясь и вихрясь, шевеля слегка ветки плакучих ив, которые опустили ветви до самой воды, шевелит она стебли камыша. Вот тут как раз летом, у камышей, неподвижно, будто и не живые вовсе, а вырезанные из бумаги, стояли цапли. А над крутым берегом вились, щебеча, ласточки. Берег у речки Снагости белоглиный, земля клейкая, очень подходящая ласточкам для гнезд. Под стрехой нашей избы тоже было ласточкино гнездо. Птенцы в нем выросли – семеро, сидели рядышком на сухой ветке старой вишни в ожидании корма, попискивали, а их родители, он и она, так уж старались, так уж старались... Выкормили всех. А после Спаса яблочного всем семейством улетели в теплые края. Вот прилетят они на будущее лето, а меня нет. Жалко. Да и сейчас грустно без ласточкиного щебетанья. Разве ж пень петуха, нашего Атамана, заменит голоса молодых ласточек? Не заменит... Хотя заутренний крик его, будящий, бодрящий, тоже такой привычный, такой родной.

И вот, стоя на берегу нашей Снагости, что происходит из тайного слияния родников, бьющих живой хрустальной водой среди дремучих болот, я услышал с высоты, из глубины самого неба падающие птичьи голоса и, само собой, подняв голову, увидел, как движется надо мной огромная вереница диких гусей; вытянувшись дугой, не ломая строя, и время от времени подавая голоса, будто звали они нас, бескрыло живущих на земле, за собой, туда, где вечное солнце и тепло. И я, не отрываясь, глядел, как гуси медленно и размеренно взмахивают

широкими крыльями, и крики их, прощальные, грустные, как церковное пение, и крик жоака, оседают на самое сердце.

И не сдержался я и закричал первыми же словами, оказавшимися в тот миг на языке:

«Гуси, гуси!» – «Га-га-га...» –
«Есть хотите?» – «Да-да-да!» –
«Ну, летите-е-е!»

И полетели мои гуси за поля, за моря... Долго я глядел им вслед, не отрывая глаз, пока они не растворились в полдневном небе. А потом поднял на плечи вязанку хвороста, взял топор в свободную руку и вернулся на двор.

Сначала я снял с покосившегося забора и отнес в дом глиняные, нагретые солнцем горшки, крынки, которые мама сушила на колышках плетня, отодвинул обвивавшие тын высохшие плети тыкв, и работа началась. Я разобрал плетень полностью, потом укрепил или заменил подгнившие стойки, а уж тогда начал заплетать лозу, забывая образующиеся полости соломой.

Работа ладилась, спорилась. И мне от этого было весело, хорошо. Проходили мимо люди, здоровались – нельзя ведь не уважать человека, занятого делом, И я тем же отвечал. Собралась рядом стайка ребятишек, глядели, шмыгая носами, на мое ремесло. Рыжий пес наш, Пират, глядит из конуры желтыми глазами. Он тоже мною доволен – небезразличен ему забор, как и двор, как и дом, которые он охраняет, бережет.

За работой я и не заметал, что день пошел на спад, что солнце уже покатилося за рощу. И тени стали длинными, косыми, ломкими... Я зашел с улицы полюбоваться новым забором. «Маме должно понравиться», – еще подумал.

В этот момент и послышался за спиной велосипедный звонок. Дзинь-дзинь... Я обернулся. А это Тонька Чубова, наш почтальон, подъехала тихо, будто крадучись, на стареньком велосипеде. Пустая уже кирзовая сумка легко болтается у нее через плечо, значит, все село объехала, домой возвращается.

– Повестку ждешь? – спрашивает Тонька, улыбаясь.

– Жду, – отвечаю.

– Так вот она... Пришла, – Тонька, поддразнивая, машет серой бумажкой перед моими глазами.

– Давай быстрее... – нетерпеливо ловлю ее руку.

– Э-э, нет, сначала распишишь...

И подает она мне тетрадку и карандаш химический. Я, не глядя, расписался и тут же стал читать, а Тонька умчалась, лишь колеса зашуршали. Даже не попрощалась.

А в повестке значилось, что завтра, не позже как в 12.00, я обязан явиться в военкомат. И понял я, что Тонька, чертова девка, задержалась с вручением мне повестки, потому и сбежала так шустро – виновата. Но о Тоньке я и забыл тут же. Что Тонька... Повестка, наконец, пришла! И я читаю и раз, и второй. Вот: «... иметь при себе документы, удостоверяющие личность, ложку и кружку!» Значит забирают меня. На флот! И сухой паек... Наверное тот и не мужчина, кто ни разу в жизни не получал таких повесток. Батя, это уж точно, на фронт уходил по такой повестке. И подпись: капитан Табота. Спасибо тебе, капитан... Буду я завтра в военкомате в точно назначенное время. Мама! Мама же еще не знает! Я, как стоял, побежал со двора, и Пират, скуля, рванул было за мной, чутьем собачьим чуя нашу скорую разлуку. Я побежал со двора, в поле, туда, где женщины убирали картошку.

Я издали увидел стоящий трактор на дороге и людей возле него, и маму среди них в белом платочке и, приближаясь, размахивал над головой повесткой.

– Мама! – кричу. – Повестка! В армию забирают. На флот!..

Я подхожу к маме и даю ей прочитать дорогую мне бумажку. А у мамы слезы на глазах, и как бы не рада она за меня. И у остальных – лица насупленные,

Бортник в том числе, молча все смотрят на меня и ничего не говорят. И Байбак, не поворачиваясь, возится со своим трактором.

– А вот и помощничек. Сам прибежал, – говорит, наконец, председатель. – Прицепщиком пойдешь... В ночную смену.

– Какой помощничек? Какая смена? Я в армию иду. Завтра на сборный пункт в двенадцать... – говорю я и повесткой продолжаю всюду размахивать.

– Ничего, ночь поработаешь, а утром ко мне зайди – мы тебя подводой на сборный пункт доставим. Мария, поговори ты со своим иждивенцем.

Я смотрю на маму, а мама отозвала меня в сторону и говорит:

– Соглашайся, сынок... Ты уйдешь, а мне тут жить. Они же меня съедят заживо...

Мне жалко стало маму. И себя жалко.

– Мам, – говорю я робко, – а проводы?

– Да какие там проводы, сынок?! Вечер на дворе, а я еще в поле.

– Мам, я не обедал, я есть хочу...

Мама из-под фартука – там у нее карман пришит – достала яблоко.

– Возьми вот, с собой брала, да не съела.

Я взял яблоко и отдал ей повестку, и спрятала она ее бережно в тот же карман.

– Мама, – говорю я ей, – ты же к утру мне котомочку собери... и чтоб ложку и кружку... В повестке сказано – ложку и кружку.

– Хорошо, сынок, приготовлю. Поезжай.

Я знаю, о чем мама думала – как отца на фронт провожала, ложку и кружку ему тогда положила и сухой паек на трое суток... И еще о том, что все в жизни повторяется, и что не в воле счастье, а в доле – где нет доли, так там и счастье невелико. Так она всегда мне говорила.

А с ночной пахотой дело обстояло так. Бортнику завтра надо подавать в район сводку о вспашках под зябь. Он и рад стараться... Посылает Байбака пахать в ночь, чтоб статистику подправить. А Байбак, как всегда, заартачился – один не поеду в ночь, мне прицепщик полагается, давайте прицепщика. А тут и я как раз с повесткой подвернулся.

– Где я сейчас прицепщика тебе возьму? – злится Бортник.

– А где хотите. В ночь обязательно прицепщик полагается.

И глаз председательский пал на призывника.

Байбак завел трактор, и мы поехали сначала на мехдвор, там оставили прицеп с картошкой и нацепили плуг и опять поехали через все село. У своего двора Байбак остановился и заглушил двигатель.

– Ты посиди, а я поужинаю, – говорит он мне.

Тут я и вспомнил про мамино яблоко. Прежде чем съесть, долго рассматривал я это яблоко. Краснобокое, большое, оно зрело на моих глазах. Я помню, на какой яблоно оно росло, на какой ветке висело. Все лето я из сада почти не выходил. Я поднес яблоко к носу и глубоко втянул в себя воздух – пахло оно солнцем и туманом, детством моим пахло. Мне и яблока было жалко, но я очень хотел есть...

Съел я яблоко и сижу, жду тракториста. Стадо мимо прошло, в окнах домов свет начал зажигаться. Песню девки наши затянули. Потом и гармошка голос подала – под гармошку частушки стали играть.

А я знаю, где они собрались. На лавочке под окнами у Семеновых. Вернее, под вязами у семеновского дома – там обычно собирается заяровская молодежь. По голосам я узнаю их всех, кто вышел сегодня на вечеринку. И Верки Семеновой голос узнаю...

И такая грусть-тоска мнет меня и давит, что тесно от нее мне стало в кабине, где я сижу. Я, было, подумал, а не слизнуть мне отсюда прямо на гулянку. Все равно завтра в армию ухожу. Но тут же и одумался, и про маму вспомнил – подведу ведь.

Тут и Байбак за ворота вышел – сытый, довольный, фуфаечку с собой прихватил. И мы поехали...

– Сегодня у меня грамотный прицепщик, – ехидно хихикая, заметил Байбак.

Я промолчал.

За околицей мы свернули в поле, в темень, в ночь. И скоро нашли тот самый клин, который надо было вспахать. Байбак, проехав к середине поля, развернул резко трактор на девяносто градусов, приостановился и кричит мне в ухо:

– Теперь прыгай и садись на плуг. Дело твое простое – вовремя опускать и поднимать лемеха. Там, под правую руку, рычаг есть, за него и дергай. Понял?

– Понял! – кричу ему тоже в ухо.

Я выпрыгнул из кабины и побежал на плуг, а Байбак заднюю фару включил, чтоб я мимо железного, уже покрывшегося крупной росой, сиденья не сел. «Вот бы фуфаечку подстелить...» – подумал я.

– Анатолий! – кричу я, голосом своим пересиливая гул трактора. – Дай фуфаечку подстелить!

– Не дам! – отвечает Байбак. – Самому нужна.

«Вот жлоб», – подумал я. Тут мы и повели первую борозду. Потом вторую – в обратную сторону. Где-то посреди поля Байбак остановил трактор, выскочил из кабины и, пригибаясь, в свете фар стал метаться кругами. «На бесноватого похож», – подумал я с некоторым страхом. Ан нет. Он зайчонка ловит. Зверек, хоть и маленький еще, а шустро уходит от преследователя, сбрасывая петли, меняя направление. И все же попал в руки Байбака.

– Гляди! – держа за уши зайчонка, дергающегося задними лапами, кричит мне Байбак и, ступив на гусеницу, скрывается в кабине.

Мы работали, не останавливаясь. Скоро я обвыкся на своем рабочем месте, успевая не только дергать рычаг, но и на небо взглянуть, где звезд высыпало видимо-невидимо, мириады звезд... Кстати, мириады – это число такое или просто слово, обозначающее великое множество, саму бесконечность, я и сам не знал. Вот бы спросить кого-нибудь. Я сидел и слушал, как от лемехов, отполированных до блеска, шуршит, переворачивается земля, и каждый раз, когда я их поднимаю, в зеркальной стали отражаются звезды и желтый свет от фар. Я слышал ровный шепот земли с характерным потрескиванием перерезаемых корней, а главное, что я слышал и чувствовал, это такой здоровый, хмельной запах нашего знаменитого на весь мир чернозема.

Но вот, перед очередным загоном, Байбак остановил трактор и вышел из кабины с мотком какой-то проволоки. Один конец ее он прикрепил к моему рычагу, а другой завел в кабину.

– Что, грамотей, задубел? – спрашивает он. – Привыкай. В армии, знаешь, пригодится, там такие тяготы службы бывают, что я тебе дам... Кстати, таких как ты, там не любят, поэтому с «губы», с гауптвахты значит, ты вылезать не будешь.

– За что же там таких не любят? – спрашиваю.

– А за то, что неудобные вы. Языкатые, что вам не скажи, а у вас уже ответ есть. Много слишком из себя воображаете. А там приказы, команды... Их исполняют без обсуждений.

– Да ладно, уж как-нибудь, – говорю я. – Как-нибудь выполним и приказы, и команды.

– Как-нибудь приказы не выполняются. Приказы надо выполнять в точности. Полезай в кабину, умник, попробуешь управлять этим железом.

Теперь мне следовало в начале и конце каждого загона поворачиваться и дергать за проволоку – поднимать и опускать таким образом лемеха. Я это и делал, пока Байбак не стал дремать, время от времени роняя голову на грудь; один раз его повело так, что даже картуз с головы свалился. После этого он встряхнулся и предложил:

– Садись, Федор, за рычаги, а я посплю чуток, сморило меня.

– А справлюсь? – спрашиваю я, а сам уже сажусь на его место.

– Гляди, все просто: влево надо – левый рычаг потяни на себя, только не резко, вправо – правый потяни... А вот тебе скорости, вот тебе тормоз, лемеха подымай да опускай, дергая за проволоку... За бороздой гляди – огрехов не наделай. Левая гусеница – по кромочке, по кромочке...

– Ну, раз доверяешь...

– Доверяю, доверяю, Федор. Тут наука простая, – сказал Байбак, а сам сдернул фуфайку с ведра, в которое зайчонка посадил, прикрылся ею и тут же захрапел.

Я и повел пахоту. Трактор слушался. И борозда у меня шла ровная. Только на звезды уже не поглядишь: все внимание – работе. Все бы хорошо... А каково зайчонку, сидящему в ведре из-под соляры?! Угорит же бедное животное, точно угорит. В сердцах я открыл дверь кабины, взял зайчонка, не за уши, нет, взял его, царапающегося, под грудку, чувствуя ладонью, как быстро-быстро бьется сердце заячье, и на ходу бросил оживившегося зайчика прямо в ночное поле. Гуляй!

Я взял большой ключ, лежавший прямо под ногами, и тут же уронил его на стальной пол. От такого звука Байбак встрепенулся как ошпаренный.

– Что случилось? – спрашивает.

– Ничего не случилось. Ключ упал.

– Останови трактор! Да, а где мой зайчонок? – спохватился вдруг Байбак.

– Убежал, – говорю. – Когда я открыл дверцу, чтоб кабину проветрить, он, как угорелый, метнулся через мои колени.

Байбак на это ничего не сказал – то ли поверил, то ли не стал связываться. И я тоже не стал развивать тему заячьего побега.

Похоже, Байбак на меня опять обиделся, он снова попросил остановить трактор. Я остановил. Он открыл дверцу справа, прыгнул на землю, отошел на пару шагов, сказал:

– Слышь, Федор, ты попаши без меня, а я домой схожу... Добро?

– Добро, Анатолий, попашу.

– Все путем у тебя получается, – похвалил как бы меня тракторист. Может задобрить таким образом хотел.

– Спасибо, – говорю.

И Байбак, как привидение, исчез в ночи. «Лидку пошел проверять», – грешным делом подумал я. А мне что, не мое это дело. Пусть сходит. А Лидка – красавица. Старшая сестра Жорика, моего бывшего одноклассника...

Отлучка тракториста затянулась до самого рассвета. Я сам завершал работу – закрайки опахал, когда уже совсем рассвело. На востоке затеплилась заря, небо зарозовело, обозначив новый день. Откуда-то спозаранку налетели грачи, рассредоточились по свежей пахоте. Я поднял лемеха, доехал до края поля, и трудяга НАТИ вдруг заглох. Тут и Байбак нарисовался на дороге, шел он как-то невесело, и я подумал, что Лидке, жене его, не понравилось, наверное, что ее по ночам проверяют... Но ни о чем таком спрашивать его не стал, говорю же, не мое дело. А когда он совсем уже подошел, ему и доложил:

– Почему-то двигатель заглох...

Байбак оценивающим взором окинул вспаханное поле и промолчал, ничего не сказал. Потом залез в кабину, посмотрел на приборы и, не доверяя им, в бак заглянул.

– Да ты же всю солярку сжег! До капли. Теперь на базу с ведром шлепать...

– Ты же не предупредил, – говорю я ему. А о топливе я действительно и не подумал.

Байбак опять посмотрел на мою работу и спрашивает:

– А после службы чем хочешь заняться?

– Не знаю еще. Скорее всего, пойду учиться, в институт буду поступать.

– Жаль, хороший бы механизатор получился.

Я тоже посмотрел на вспаханное поле. Оно было похоже на черное руно. Будто проходил здесь странствующий великан в черной бараньей шубе, захотел отдохнуть и шубу бросил на землю – овчиной вверх. Утром встал и ушел, а про шубу забыл. Иссиня черные отвалы растревоженной земли так и просили свежих зерен, нового посева. И от одного этого мне стало хорошо, и в эту минуту я не жалел, что последнюю ночь своей гражданской жизни провел в поле, под

осенними звездами такого знакомого, родного неба, в тесной кабине НАТИ – этого труженика колхозных полей, если сказать высоким слогом.

– Ладно, Анатолий. Солнце уже всходит... Бывай! Меня там мама ждет и котомку мне собрала.

Байбак подошел ко мне и протянул руку. И я пожал его мозолистую, натруженную ладонь пахаря. На том и расстались.

Теперь мне предстояло пройти из края в край нашу Заяровку. Она жила уже новым днем: над избами клубился печной дым, устремляясь в безветренное небо; петухи по дворам кричали побудные марши; собаки лаяли; коровы мычали и овцы блеяли... Хозяйки с подойниками выходили прямо за ворота – утренний удой несли на приемный пункт.

Вижу, как вышел, прихрамывая, со двора Грицун. С той нашей поездки в лес он еще не отошел – болит ушибленная нога. Всерьез его бревном достало. Грицун гусей со двора выгоняет.

– Здравсьте вам! – кричу ему. – А я сегодня в армию ухожу.

Гуси его мне ответили дружным гоготаньем, а сам Грицун промолчал почему-то и на приветствие не ответил, лишь хворостиной, которая была у него в руках, махнул вдоль улицы – иди, мол...

Я пошел. За забором следующего двора, слышу, звуки топора – тюк да тюк... Я заглянул через забор и вижу – хозяин дома, Стефан Кречет, дрова колет, свежие поленья вокруг валяются.

– Дядь Стефан, – говорю ему, – а я сейчас в армию ухожу...

Стефан, распрямившись во весь рост, воткнул с размаха топор в стоящий на траве чурбан, рукой мне знак подает – зайди. А сам молча в избу отправился.

Я зашел и стою среди двора. Навозом и свежими дровами пахнет. Кречетовская собака, после ночных бдений, мирно, свернувшись калачиком, лежит перед конурой, свинья спростонья в хлеву похрюкивает.

Выходит из сеней Стефан и выносит бутылку с самогонкой, два стакана, коврижку хлеба, два соленых огурца... И все это в одной руке, потому что второй руки, левой, у него нет, пустой рукав, заправленный в карман пиджака, и я подумал, как похоже, будто вор какой вагонный залез в карман и держит там, не вынимает, воровскую руку.

Стефан ставит и кладет это все на чурбан, зубами выдергивает из бутылки кукурузный початок и поровну разливает по стаканам самогонку.

– Давай, служи на милость... – говорит он, крепко чокается со мной своим стаканом и тут же опрокидывает самогонку в рот, а я, проводив взглядом его руку со стаканом, все не решаюсь – не привычен я к выпивке, тем более вот так, пофронтному.

Стефан, закусывая хрустящим огурцом, бодрит меня, новобранца:

– Не робей! Выпей до дна, сегодня сам Бог велит тебе напитокся.

– Эх, что будет, то будет... – сказал я вслух и выпил. И за огурец взялся, и от горбушки отломил.

– Мы ведь, Федя, с батей твоим, царство ему вечное, небесное, на фронт одним разом уходили. На одной телеге сидели, только спина к спине. Батя твой на коленях котомочку держал, а ты, босой, бесштаный, вырвался из материной руки и за телегой до самого ветряка бежал... А батя, на что был мужик крепкий, глядя на тебя, беззвучные слезы на дорожную пыль ронял. Вот... Мал ты очень был – не помнишь.

– Не помню, – подтверждаю я, а самому так грустно от этого рассказа.

– Сегодня твоя очередь наступила по тракту отправляться. Тебя хоть повезет кто?

– Бортник обещал, что выделит подводу, а там не знаю. Сейчас в контору зайду...

– Давай еще по глотку, – он плеснул по стаканам. И мы снова выпили.

– А от меня баба ушла, – сообщает вдруг Стефан.

– Почему? – спрашиваю, хоть понимаю, что не мое это дело, а Стефан будто и рад моему вопросу, ему высказаться перед кем-то надо.

– А черт ее поймет. Все супротив да супротив. Я, говорит, кремень, а не баба, ты меня не заламаешь... А мне что, ножи об нее точить? Мне смиренная, добрая жена нужна. А она: ах, значит, я тебе, такой-сякой, не нужна? Вернулся вчера с огорода, а она вещички свои в узлы вяжет. Я не перечу – перебесится. Ан нет. Ушла со двора, калиткой хлопнула. Уж потом люди передали, что ушла моя жена – знаешь к кому?

– Нет, не знаю, – отвечаю я.

– К Бортнику. От безрукого ушла к однорукому. Ну как понять эту бабу, скажи?

– Может, вернется еще...

– Ты так думаешь?

– Все может быть, – отвечаю я неопределенно.

Мы выпили по последней и попрощались.

Я вышел за ворота и услышал такой знакомый звон. Звонили в било, кусок рельса, подвешенного на сучке ясеня, стоящего у конторы. Звали колхозников – на наряд.

Улица в Зарювке широкая, гусям здесь – раздолье, Напротив каждого двора свой выводок пасется, а то и два. Гусята уже подросли, оперились. Осень!

– Здорово, Кузя! – кричу я.

Кузя – кузьмичевский гусь. Это я его Кузей прозвал, за что хозяин, Кузьмичев, пасечник колхозный, шибко обижается на меня. Свирепый мужик наш пасечник. Летом, когда мед на пасеке качают, нас, пацанов, не то чтобы медком попотчевать, так даже к забору, посмотреть, не подпускает, за хворостину хватается. Убегаем, конечно...

И гусь его такой же – злая птица, свирепая, не раз, шипя по-змеиному, красным клювом в мои штаны вцеплялся. И крыльями только так по ногам бьет. Бывало, в школу иду, а он издали меня узнает и тут же – драться.

Верка Семенова по тропочке идет навстречу – легкая, фигуристая... В голубом платочке. Белые волосы из-под этого платочка и по плечам, и по груди плещутся.

– Говорят, ты в армию идешь? – спрашивает.

– Кто говорит?

– Тонька-почтальонша на вечеринке вчера была.

– Сегодня в двенадцать ноль-ноль в военкомат должен явиться.

– А почему без проводов?

– Не обижайся... Так вышло, – отвечаю я ей.

– Да чего там... Счастливой тебе службы, – сказала и убежала. У Верки дроля есть, в армии служит, а она ждет, ни с кем не встречается. Я посмотрел ей вслед, да так и простоял, пока она за калиткой своего двора не скрылась.

У конторы толпился народ, бригадир наряды раздавал – кому копать картошку, кому сухие подсолнухи резать, кому сахарную свеклу возить... Я вошел в помещение, где было изрядно накурено, и Бортник за столом председательским будто плавает в табачном дыму.

– Вспахали поле? – спрашивает он меня, а я и порог еще не переступил.

– Вспахали, – отвечаю.

– Пелагея! – кричит он учетчице в другую комнату. – Внеси в сводку эту площадь. И давай мне новые данные, в райком сейчас звонить буду.

– Яков Ефимович, мне в военкомат пора, – говорю я от порога.

– Ну так что? – спрашивает он так, как будто не понимает, о чем речь, как будто не было у нас вчера с ним никакого разговора.

– Подвода нужна... – напоминаю я.

– Какая подвода?! Все лошади в наряде.

– А обещали... Обещали ведь?

– Обещал, не обещал... Не заслужил ты подводу, Сережкин. В колхозе не работал, в общественной жизни участия не принимал.

Я хотел ему напомнить, как мы бревна в лесу катали, но не стал этого делать.

– Значит, нет? – переспрашиваю, надеясь, что председатель передумает, в конце концов мама же моя работает в колхозе вон уже сколько лет и отец до войны работал.

– Нет, – твердо, по-большевистски, отвечает председатель.

– Тогда извините, – говорю я ему. – Тороплюсь...

Вышел я из конторы. Спешу домой...

Проходя мимо двора Скворцовых, вижу как в окне мелькнула рыжая, веснушчатая мордаха. Это младшая сестра Ленки, дружка моего, который в прошлом году в армию ушел. Феня. А Феня, увидев меня, выскочила за ворота, улыбается и молчит, смотрит на меня и молчит, покраснела вся... Смешно, осень на дворе, а у девочки веснушки рядятся на носу.

– Феня, – говорю, – я в армию ухожу.

– А я знаю. Вот подожди здесь, – и скрылась во дворе, будто бабочка порхнула. И тут же снова появилась. – Вот тебе от меня на память.

И подает мне Феня платочек с зеленой каемочкой, вчетверо сложенный и проутюженный.

– Да ты что, Фенечка... Зачем?

– А ты сам догадайся, – говорит Феня и краснеет еще больше, ну просто аврора, заря утренняя.

Я развернул платочек, от которого духами пахнет, а на нем в уголке надпись вышита: «Ф. от Ф.» Ну, Фенька, ну, соплюха...

– Сама вышила? – спрашиваю.

Феня не ответила. Я положил платочек в карман.

– Спасибо, Феня, вспоминать буду.

– Федь, я тебя ждать буду... Можно?

Я даже испугался от ее слов, так это все неожиданно, так странно.

– Да ты что... Я на флот иду. Там же по пять лет служат, вернусь, когда ты состаришься, – пошутил я.

У Фени от такой шутки слезы на глазах.

– А вот и буду, а вот и буду, – говорит, по-детски капризничая, Феня.

– Ты вот что, когда Ленке письмо писать будешь, не забудь привет от меня передать, скажи, что на флот служить ушел, не забудешь?

– Не забуду...

– И матушке вашей поклон от меня низкий... Хорошо?

– Хорошо, – послушно отвечает Феня и как-то по-взрослому кладет мне руки на плечи, а в глазах – слезы. Плачет.

– Не надо, Феня, – говорю я ей, – а то я сам заплачу, а люди все это увидят, что ты тогда будешь делать?

– Пусть видят – не страшно. Напиши мне, хорошо?

– Хорошо, напишу.

– Обещаешь? – спрашивает она.

– Обещаю, Феня. Обязательно напишу тебе длинное письмо о море. Ты ведь не видела еще моря? А сейчас прости, пойду я, мама ждет.

И я неумело поцеловал Фенечку в голову, пахнущую ночными фиалками, и пошел, а Феня осталась стоять на протоптанной тропочке.

Когда я подошел к своему двору, мама уже стояла за воротами, держала в руках собранную для меня котомку.

– Мама, не дал Бортник мне коня, пехом придется идти. Давай тут прощаться, – говорю я ей и гляжу на небо, в котором рыжее солнце, быстро, как белка по сосне, бежало вверх да вверх...

– Не спамши, не емши... – говорит мама. – Видано ли?

Мама передает мне из рук в руки котомочку.

– Ложку и кружку положила? – спрашиваю и закидываю котомку за спину.

– Положила, – отвечает тихо мама.

И звякнули в котомке ложка с кружкой, будто удостоверить меня хотели – тут мы, тут.

Мама повестку мне вернула, ляпочки на плечах поправляет.

– Зашел бы на прощанье в хату, сынок. Хоть на минутку.

– Не, мама. Опоздаю. Письма тебе буду писать. Каждый день.

Я вижу, как в бездонных, как небо, маминых глазах, в которые я смотрел всегда и благодарно, и исповедально, наворачиваются большие слезы и губы дрожат – вот-вот расплачется.

– Обними меня, мама, – говорю я ей.

И мама обняла меня за шею. Мама, всегда строгая и сильная, теперь была такая маленькая, беззащитная, такая потерянная. Я наклонился, и мы поцеловались. Мне ее очень жаль. И хочется мне утешить ее как-то, и я говорю первое же, что пришло на ум:

– Не горюй, мама, я отслужу и заберу тебя в город. Ты тут не более только. Берегись. Хорошо?

– С богом, сынок... Иди, – пересилив себя, сказала мама.

Я пошел к новому забору. Пират на цепи ринулся мне навстречу, встал на дыбы.

– Не скучай, Пират, – говорю я собаке. – Стереги тут наш дом. Пока!

Пес в ответ мне жалобно заскулил.

– Провожу тебя до околицы, – говорит мне мама и пошла со мной рядом.

За околицей мама остановилась, и мы еще раз наскоро обнялись.

А дальше я один пошел, с дороги оглянулся – мама стояла на том же месте, где мы расстались, и правая рука ее была занесена для знамения – крестила она меня вслед. Я помахал ей рукой...

Мне до тракта нужно дойти, а там или попутная машина, или телега какая может подхватить. Я торопился, все время поглядывая на солнце, очень не хотелось мне подводить капитана Таботу. И себя, и маму тоже...

И только выйдя на тракт, я оглянулся на родное село. От Заяровки были видны только вершины кленов, не успевших еще как следует пожелтеть, еще не тронутых осенним ненастьем.

Тракт был пуст – тянулась передо мной дальняя, пыльная дорога, по обочинам серебрилась полынь, а посреди, между колеями, стелился спорыш. По нему я и шпарил, что есть духу. И солнце, незлобное и доброе, было впереди меня. И я соревновался с самим солнцем: оно стремилось к зениту, а я – в районный центр. Кто первый?

Прошло около часа, как я услышал позади себя топот копыт и бряцанье сбруи. Оглянулся – меня догоняет подвода, запряженная парой тощих коняг.

– Не подвезете? Очень тороплюсь... – прошу я возницу.

Еще не старый, улыбчивый человек, в белом картузе, в брезентовом дорожном плаще и сапогах, придержал коней, и я запрыгнул на телегу и уместился на ней, свесив ноги.

– Сними котомочку – удобней будет, – посоветовал мне возница. – Тебя как зовут?

– Федор, – отвечаю, снимая с плеч котомку.

– И куда же, Федор, ты так чешешь, что даже пыль за тобой клубится?

– В Мирополье, к двенадцати в военкомате надо быть...

– Осенний призыв, значит, начался, – осведомленно заявляет возница, он неторопливо достал из кармана часы, открыл крышку, поглядел на циферблат и, эффектно щелкнув крышечкой, вернул часы на место.

– Успеет... – говорит. – Не переживай.

И я успокоился. Все же еду, кони не ленивые, топают себе и топают, косясь друг на друга.

– И что у вас за поклажа? – спрашиваю, глядя на покрытые брезентом, такие знакомые по очертаниям предметы.

– Кинопередвижка... Вчера в Басовке фильм демонстрировал, киномеханик я, Федор. А ты наверное из Заяровки?

– Из нее.

– Бывал, бывал... Приходилось как-то. Меня зовут Иван Карпович. Может, слышал?

– Слышал, – говорю. – Это вы к нам «Чапаева» привозили?

– А то как же. Просто у меня маршрут теперь другой.

Мы ехали вдоль широкого поля, оканчивающегося вдали перед густым и зеленым еще перелеском. Над жнивьем, золотящимся под солнцем, с криками кружились чибисы.

– Федор, так есть хочу. Не завтракал... В твоей котомке ничего пожевать не найдется? – спрашивает меня Иван Карпович.

– Не знаю, что там мама положила, сейчас посмотрим.

И тут я вспомнил, что и сам не завтракал, если не считать Стефанова угощения. И почувствовал такой голод, что тут же, зубами развязав узел, достал из котомочки сверток, оказавшийся сваренной и еще теплой курицей, и хлеб, и огурцы, и яблоки, и слипшиеся конфеты-подушечки, которые я любил, завернутые в тетрадные листочки, вырванные из моей же тетради по математике. Мама мне угодить хотела.

– Чудной ты призывник, Федор, – говорит Иван Карпович.

– Почему?

– Голодный, трезвый, и не знаешь, что у тебя в котомке.

– Так получилось, мама без меня котомку собирала.

Я снова запустил руку и нашупал бутылку, достал – засургученная, значит настоящая, фабричная водка. Ну, мама... Когда только она в магазин успела сходить? А может из своих потайных запасов достала.

При виде всего этого лицо Ивана Карповича востыгло, расплылось. И кружка тут же пригодилась. А у киномеханика своя нашлась.

Я поломал курицу. Мы выпили и набросились на закуску, выпили по второй и выпили по третьей... И захмелел Иван Карпович, на песни его потянуло – все же он работник искусства. А меня сегодня никакой хмель не берет.

Здесь под небом чужим

Я как гость нежеланный... – пел Иван Карпович, забыв про своих коней. И пел он, между прочим, совсем недурно. Только песня грустная. Про журавлей. И тут я снова услышал родные голоса пролетающей над нами гусиной станицы, широкая вереница птиц летела, обгоняя нас, против солнца – на юг... Мне не хотелось отставать от перелетных птиц. Я взял вожжи у грустившего о чем-то своем работнике искусства, встал на телегу во весь рост и погнал лошадей. Лошади, встрепенувшись, перешли на галоп и скоро мы догнали птичью стаю. И тогда, глядя ввысь, от избытка чувств, от предстоящей в жизни моей новизны, я, как тогда, на речке, закричал:

– Гуси, гуси! Га-га-га...

2010, август-сентябрь

Хава Гагаева**Анна**

*Под впечатлением образа
главной героини Анны
из к/ф «Беспокойная Анна»*

Анна сидит на мосту,
Анна смотрит на воду.
Вплетая колосья в тугую косу,
Анна глядит в пустоту.

Ветер не знает забот,
Ветер прозрачен, бесцелен.
Но кто сможет ветер взять в оборот?
Никто не сможет, ведь ветер не целен.

Анна писала отцу,
Как доверилась ветру,
Как приручила козу и лису,
Как собирала росу...

Мать белых хлопьев, Зима,
Любовалась на Анну.
Не торопилась с приходом Зима,
Светом напоена.

Так что, Анна, не стой у окна.
Будь светла и как ветер прозрачна.
Тогда никакая беда-суета
Никогда не коснется тебя!

Дни падают в бездну,
все ускоряясь.
Мы падаем вслед,
Оставаясь на месте
и смотрим назад,
не меняясь.

Мы думаем,
и оттого-то мы
не замечаем
вхождения в силу
все новых печалей.

Смотри, как катится бутылка!
Так дико, в этой суете
мне хочется свистеть,
повиснуть на трубе...
Да так, чтоб головою вниз.

Собачий лай вдали, карниз,
гирлянды целлофановых пакетов.
Твоя внимательность
и невнимательность моя...
ирония разводит нас,
оберегая от секретов,
ненужности пустых обетов.
Как будто старость говорит во мне
трухлявая, и обрывает фразу и порыв,
скептисомнением окатив.

На автомате вяжут в косы руки ерунду –
так красивей и непонятней, потому...

Мне кажется, я знаю,
как это происходит:
люди просто берут и уходят,
переполнены эгом,
утешение в нем же находят.
Так и я ухожу, вслед за ними,
мечтая тропами кривыми,
напрасно вникая в словесный узор.
Чаще лицам кидая
поверхностный взор,
глаз-экранов души
рыбу мне не ловить,
но затылок щекочущи –
пальцы отбить.

Я свободу твою представляю такой, –
что в нее погрузиться легко с головой.

Слова и люди

Кто охраняет свою скорость, прикрывшись суетой-травой,
тот в курсе красоты улиточных неспешных песен.

слова и люди исчезают, возвращаясь вновь...

слова и люди.

И, заплетая в свою косу невидимые струи ветра,
распустит к вам обиды старый свитер –

«слова и люди тянут вас ко дну...»

слова и люди.

что-то услышав на рассвете, что-то успев понять во сне,

насколько люмен станешь светел –

можно судить по темноте.

(пустует стремя)

Порой для неприятных наблюдений
наступает время:

тогда ты обречен терпеть и проникать.

Чтобы узнать, запомнить, распознать
в траве замаскированные грабли.

Ты ощущаешь, будто нечто наступает с левой стороны,
нечто из тех, что не дает взаймы.

И опрокинутый на спину, забыться сном пытаешься,
во тьме затравленным белком мерцаю.

Предположения ума, наслаиваясь друг на друга,
неспособны вывести на истину, которая вовне
(часто в молчанье-тишине).

Расшевели свои протесты, наконец,
и размуруй заветное

оконце в неизвестное.

Не по пути, совсем не по пути, ни с кем
не по пути, несовместимости путей твоих
и тех людей, к которым рад бы привязаться.

Но лишь тебе идти, тебе – туда, куда идти
и одному и налегке, без груза отягчающего
и последствий. Минимализм приветствий,
быстрый взгляд. Никто не рад тебе, не рад.

Ты сам себе и дверь, и книга, и опора, и печать.

Молчать о том, о сем молчать, прикидываться
камнем и сохранять энергию, чтобы прорваться
в один прекрасный день. Разбиться насмерть,
но в живых остаться. Только бы не сдаться
ни на милость, ни на смерть. Надежна лишь
земная твердь, она и сохранит твоих следов
печаль. Не жаль тебя, совсем не жаль.

(жалость – дыра, в которую стекает сила)

А может нам с тобой действительно уехать?
И раствориться в глубинах чужих культур?
Подальше от несоответствий, множества помех
звучанию естественности, приторных микстур.

Туда, собой где максимально оставаясь,
расширится возможность прорасти...
Под архаизм просроченный не прогибаясь,
все подлинней и искренней звучать?..

Но как нам, отыскав лазейку и свалив,
не потерять себя в чрезмерностях свободы?
Даже закутавшись и голову покрыв,
ты направляешь сам теченья воли воды.

И потому, колеблясь на черте – уйти или остаться –
неодобрительные линии все продолжаю гнуть,
предсказывая нечто выше желанья усложняться
тупо, или в безвольности тонуть.

Выплываю города, памятники прошлого, сооружения.
Вокруг меня витают мамины слова, ее духи и отражения.
Так крепко обросла надеждами, свободу растеряв,
Что стала слишком старая для юношеских правд,
и слишком левая для недовольств – они теперь просрочены.
Глаза твои печальные, чем озабочены?..

Преувеличиваю боль, сгущаю краски.
Собрать бы все и, побросав, удрать в Небраску,
далекий мутный штат.
К тому, кто будет рад
гостю незваному с летучей мышью в голове.
С трудом преодолевая страх, сметаю пепел.
Мне помогает в том поднявшийся внезапно ветер
Злой и смотрение сквозь боль...
Ту самую, которую преувеличила.

Дебют**Седа Исмаилова**

Родилась в г. Урус-Мартан в 1992 году. Училась в средней школе в селе Паново, Омская область. В 2005 году семья вернулась на родину, в родовое село Гехи-Чу. В настоящее время учится на 4 курсе геолого-промышленного факультета ГГНТУ (Грозненского государственного нефтяного технического университета). Стихи пишет с детства. Является членом неформального городского клуба «Сборище поэтов и тех, кто не против» – литературной площадки для молодых поэтов и писателей нашей республики. На страницах журнала «Вайнах» публикуется впервые.

Остановите Землю, я сойду...

Как тяжело не доверять секреты,
Дрожа душой, отдушину искать.
Писать стихи и рисовать портреты,
Стараясь с мыслью кожу не содрать.
А может, мне попробовать сыграть,
Передавая новизну сюжета?
Или найти сторонников под стать,
Мыслителей от ночи до рассвета?
Чтобы ночные тени перестали
Со мною о безумствах говорить,
Мне надо бросить призрачные дали
И, может быть,

начать как люди жить?

А знаешь, я давно не верю мифам –
Былую сказочность, налеты старины
Оставили на растерзанье грифам,
А ветер не нарушил тишины.
Никто не слышал слабое дыханье –
Оно тонуло в голосах войны.
И крики боли, и умов молчанье –
Все где-то дремлет позади стены.

Вращайте Землю, дамы, господа!
Не позволяйте ей остановиться!
Сквозь годы вы несетесь в никуда,
подобно глупой и беспечной птице.
Вращайте Землю, избранные люди!

Тянитесь к небу из своих ботинок.
Морите мух и нечестивых судей,
И восхваляйте божества с картинок.
Вращайте Землю, гении науки!
И продолжайте бесконечный спор
О черных дырах и небесной скуке,
О том, как марсианам дать отпор.
Вращайте Землю, стадо ртов и ног!
Она устала падать на колени...
Но скоро возвестит Ей

неизбежный рок –

О гибели последних поколений...
Я с давних пор привыкла наблюдать,
Как мир скользит

по тоненькому льду...

Но более не смею вас стеснять,
Остановите Землю, я сойду...

Во мне дождем ненастье,
крик печали...
Накатывают волны, рассекая твердь.
Мы рано верили и поздно обещали...
И эта буря нам несет лишь смерть.

Вкус горечи прошедших испытаний,
нам открывает горизонты
новых дней...

Но что таят проклятия желаний?
И почему нас манит свет огней?

Огней, что неизвестностью пылают.
 Огней, что разгоняют мрак ночей...
 Зачем рыдать, когда тобой играют?
 Игра и жизнь –
 как двери без ключей...

Ночь и я. Мы смотрели друг на друга.
 Я и ночь. В который раз
 звезды, мысли – все по кругу,
 каждый день с закатом гас.
 Ты узнавала тот же свет
 наивных и небрежных грез,
 но находила ли ответ
 на свой бессмысленный вопрос?
 А я тянула свои руки
 к твоей уютной, тихой мгле –
 чтобы укрыться от разлуки –
 в твоём неистовом тепле.
 Но время шло, а мы молчали.
 Не находили нужных фраз.
 Мы ничего не забывали,
 А время не лечило нас.

Эти тягучие и зябкие мгновенья,
 Мерцания огней куда-то вдаль зовут.
 Эти навязчивые, мрачные сомненья
 Еще не раз с ума меня сведут...
 Когда ночами тени оживают,
 Я наблюдаю трепетную ложь –
 Как мысли, плоть и чувства обретают
 И мне вонзают в сердце
 мнимый нож...
 Когда слова теряются в чернилах,
 Я слышу голоса, насмешки тех,
 Кого я побороть уже не в силах...
 Но знаю также, их не ждет успех...
 Эти удобные, нарядные оковы,
 Блеск изумленных, глупых глаз,
 Улыбки без причин
 и слезы без основы –
 Простите дерзость, Я плюю на вас...

Я разбирала знаки на стене,
 Вязь отпечатков
 чьих-то мнимых чувств.
 Внезапно, мне послышались во тьме
 Слова из гулких и брезгливых уст:

«Венец природы – древо-человек!
 Идет по скользкой, вяжущей дороге.
 Я видел сам, как он движеньем век
 Лишал тех жизни, кто кричал о Боге.

Я наблюдал в нем с самого начала
 Завистливую немощность и блажь.
 Он улыбался с псевдопьедестала,
 Хранитель тайн
 и вечных знаний страж.

Я приходил к нему, забыв о страхе,
 И призывал закончить смрадный пир.
 Но голова, лежащая на плахе,
 Не делала мне чести от сатир.

Но не могло ничто меня убить,
 И время, как назло, меня забыло.
 И мысли, так мешавшие мне жить,
 Я постирал куском чужого мыла...»

Я думала, что это глупый сон.
 И древо человека я простила.
 И верила – среди колючих крон
 Есть хоть одна, но золотая жила.

Я вдруг забыла знаки на стене,
 В руке сжимая мел и киноварь,
 Стояла на обочине во тьме,
 Как старый и ржавеющий фонарь...

Стеклянная пустыня подсознаний,
 Скрывающих наигранность и страх.
 Мы узники бессмысленных желаний,
 Что держат нашу жизнь
 в своих руках...

Все та же жажда мыслей и сомнений
 Бросает нас в пучину суеты...
 Безумия фантомных рассуждений
 Отводят нас от сердца чистоты...
 Мы не сдираем корку безразличия,
 И, растворяясь, прячемся в толпе...
 Мы не стираем жалкие обличья
 И укрываем души в сонной мгле...

Наблюдаю я на берегу далеко,
 Как корабли с зарей уходят вдаль.
 Как океан бездонным синим оком
 Смывает с лиц оставшихся печаль.

Но к судьбам прикасается вдруг небо,
И шторм темнит

их взглядов горизонт...

Тот краткий миг –

и он кошмаром не был...

То был кровавый

и стихийный фронт...

Кому ушедших мысли остаются?

Кому воспоминанья дней утех?

И кем их песни мрачные споются?

А кто возьмет их самый тяжкий грех?..

Пусть кто-то плачет – океан смеется.

Пусть кто-то безнадежно вести ждет.

Пусть кто-то ищет, верит, не сдастся...

Но океан их к жизни не вернет...

Я снова здесь, на берегу далеком,

Детишки ищут среди песков янтарь...

Их мысли лишь о чистом и высоком...

А разум мой зовет, студит январь...

Как-то в ночь, по переулку

Чей-то голос проходил,

И о чем-то без умолку

Пьяным звездам говорил.

Дребезжали зданий спицы,

Вдоль по улице, рекой,

Плыли мраморные лица

И стекались к пивной.

Тотчас хмель гасил их мысли,

Редко приходивших в гости.

Мозги молочные прокисли,

И пропитались жиром кости.

От такой смурной картины

Вытекал мой левый глаз.

Я ругался без причины

И писал свой блеклый сказ.

Мостовая все жевала

Мерзких, приторных толстух,

А я стоял и ждал финала,

К чужим страданьям нем и глух.

Из переулка, как-то в ночь,

Мне хриплый голос доносился.

До странности похож – точь в точь –

На голос, что во мне таился.

Кто-то смотрит сны, не закрывая глаз.

Кто-то дымом застилает небо.

Не видно звезд, а я лечу на Марс,

Подальше от людского ширпотреба.

Кто-то глотки режет просто так.

Кто-то вьет веревки из ошибок.

Вокруг туман и полчища зевак,

Со ржавыми губами без улыбок.

Кто-то на игле сжигает кровь.

Кто-то утром гасит все светила.

Лечу на Марс,

чтоб выветрить любовь,

Которую Земля во мне взрастила.

Безмолвная пустыня ждет гостей,

Накинув алый бархат на худые плечи.

Я – человек из плоти и костей,

Больна мечтой, Земля меня не лечит.

По частям собираю мозаику мыслей,
и клянущих за ясность

сметаю с пути...

Переливы чужих

и раскиданных жизней,

ослепляя, мешают дорогу найти...

Я не верю идеям,

в которых нет жизни...

Лишь безумием дышащих

просто понять...

Пусть мечты холодны,

как осенние ливни,

в тех мечтах только

можем свободно летать...

Мудар Надиев

Два утра моего детства...

Это был конец 1943 года. Как-то утром к нам зашел работник сельского совета, капитан по званию. Он сообщил, что поживет у нас некоторое время, так как более удобного места ему не найти. Вооружение военных в каких-то ящиках находилось в нашем сарае и под навесом. Санчасть тоже в замаскированном виде была расположена в нашем небольшом саду.

Отец не стал возражать, хотя и сказал, что будет очень тесно. Нас детей было трое: мне было около пяти лет, две сестренки были еще младше. Домик наш состоял из маленьких сеней и одной комнаты, которая была и залом, и спальней, и кухней одновременно. В комнате через угол к печке у входа стоял г-образный топчан. Вот на этой площади нам предстояло всем жить.

Капитана звали Иваном. Я все время крутился возле взрослых. Поняв, что его зовут Иван, я произнес это имя. Капитан, обращая ко мне, присел на корточки и сказал, что так нельзя говорить, а надо называть его дядя Ваня. Это было первое русское слово, которое я слышал и произнес. Капитан заметил на моей голове ссадину, достал маленькую баночку с мазью и помазал мою болячку. Мы с ним подружились, я рассматривал португею, погоны, трогал кобуру с пистолетом. Утром капитан уходил, возвращался поздно. Стелили ему у окна, валетом с ним ложились я и отец, а мама с девочками спали головками к печке. Было тесно и неудобно. По-другому расположиться тоже было невозможно, разве что в окопе. Я не шучу. Окоп, действительно, был давно вырыт под деревом во дворе. Когда летали самолеты или шел обстрел, все бежали прятаться в окоп.

Село наше Лаха-Невре находится на правом берегу Терека, а напротив через Терек на левом берегу станица Наурская, там стояли немцы. Они постоянно тревожили наших солдат. Иногда летали немецкие самолеты, шли воздушные бои, падали самолеты. Немцы рвались к Грозному, но это им не удавалось: наши сбивали их, не давая далеко углубиться, не задетые улетали за Терек. Ночью приходили солдаты, спали в сенях, они уходили, приходили другие отдыхать. Капитан им разрешал спать в наших сенях, как-никак не на улице и не в окопах. Мама угощала их чуреком. Они говорили, что чурек сытнее солдатской каши. Отец иногда беседовал с капитаном. Хотя он плохо владел русским языком, но все же они понимали друг друга.. Папа был чабаном в колхозе, днем он выгонял овец пастись. Наши односельчане тоже трудились, в основном в колхозе, а вся молодежь была на фронте. Мой младший дядя тоже воевал. От него однажды пришло письмо из Киева, потом из Смоленска, на этом связь прервалась, больше о нем ничего не было известно, как и о других. Шел третий год войны.

Сколько у нас жил капитан, я не помню, но однажды утром я не увидел его вещей и спросил маму, где дядя Ваня. Мама ответила: он ушел воевать. Я не очень представлял, что значит воевать.

Когда капитан жил у нас, к нему приходил другой военный с планшетом, наверное, он был его посыльный. Из планшета он доставал пакет с сахаром или письмо. Они долго говорили и он уходил.

Дядя Ваня всегда расхваливал жижиг-галнаш, которые готовила мама. Кушая большой кусок баранины, он приговаривал, что, приехав домой, и свою

жену научит готовить это блюдо. Я помню, у капитана одно ухо было каким-то как бы скомканным, видимо, от пулевого ранения. Как-то мама спросила его:

– Наша земля больше у немцев или у нас?

Он объяснял, что земли больше у нас, но многие заводы и фабрики заняты фашистами. Мы, говорит, фашистов скоро погоним и дальше не пустим. Так и случилось.

Через некоторое время после ухода капитана и наших войск к нам зашел его адъютант.

Он рассказал, что в Наурском районе, когда наши перешли Терек, был бой. Немцы где-то сделали заграждения из колючей проволоки, а на одном месте оставили проход. Когда наши подошли (по всем данным, немцев там не должно было быть) к проходу, немцы открыли огонь. Наши залегли, открыли ответный огонь и уничтожили немцев. Но в этом бою многие погибли и капитан в том числе.

Имени адъютанта я не запомнил, он был из татар, очень доброжелательный молодой человек.

Прошло немного времени, пришли наблюдатели, которые установили на нашей крыше пост. Это были молодые девушки и их командиры. Они круглосуточно вели наблюдение, смотрели в бинокль на небо. И если появлялся вражеский самолет, открывали огонь по нему. Хотя фронт ушел далеко, небо надежно охраняли. О появлении в небе фашистского самолета по радиации докладывали дальше. Я до сих пор помню имена этих девушек – Клава и Лена. Красавица Клава была из Махачкалы. Когда наши сельчане устроили вечеринку (синкъярам), Клаву одели под чеченку и посадили среди девушек. Молодые ребята, не подозревая, что она не чеченка, послали к ней ведущего с предложением знакомства и дружбы. Она, помню, сидит молчком, не отвечает им ни «да», ни «нет». Начали возмущаться, что, мол, за гордячка, кто такая, откуда, чья, почему так невежлива, не отвечает на дружбу.

В общем, под конец кто-то намекнул, что она русская и чеченского языка не знает. Все смеялись, и сама она тоже, когда розыгрыш раскрылся. Потом говорили, что за самовольность командир отчитал ее.

Все эти наблюдатели находились во дворе моего дяди, его дом был самый крайний в селе, а через бабушкин дом был и наш дом.

Мы общались свободно и помогали, чем могли: молоко, творог...

Питанием солдатским они были обеспечены, а домашнее все ж лучше. К девушкам-наблюдателям все привязались и, когда они уезжали, многие женщины плакали, обещали ездить друг к другу в гости после войны. Повидаться с Клавой приезжала ее мама. Погостила и вечером уехала к себе домой. Очень благодарила нас за гостеприимство, обещала еще раз приехать к дочери...

Помнится мне и другое утро. 23 февраля 1944 года. На рассвете сильный стук в окно разбудили нас всех, открыла дверь мама, вошли трое военных. Отцу сказали быстро одеться и пойти с ними. Нужна, мол, помощь, подходят наши войска, дорогу нужно расчистить. Мобилизовано все мужское население. Впоследствии стало известно, что это был повод, никакая дорога не чистилась и никакие войска не подходили. После их ухода никто не ложился, убрали постель, готовились к завтраку. Вдруг снова постучались, вошел офицер – один из тех, кто приходил ранее. Приказал быстро собраться, сказал, что все чеченцы выселяются как враги народа на постоянное место жительства в другое место. На сборы отводится 30 минут. Еще он добавил, что отец встретит нас на станции, он уже там. Мама растерялась, после такого заявления, не знала, что делать, за что хвататься, как соседи, что с ними. Человеку без

знания русского языка трудно было понять, о чем шла речь, но было ясно одно – требуют собраться и выйти из дома. Мама сказала офицеру, что ушел мальчик, попросила разрешить ей сходить за ним, это был повод узнать, что делается у соседей. Соседи тоже собирались уходить – офицеры не шутили. Мама не верила, что такое возможно: выгнать из дома все население?! Она села возле печки на топчан и сказала, что никуда не уйдет. Тогда офицер вынул из кобуры наган и наставил на маму. Я и тетя, которая как раз гостила у нас, бросились к маме, тетя просила ее подчиниться. Даже взрослые не понимали происходящего, что уж говорить обо мне – ребенке. Но все же я чувствовал, что происходит нечто недоброе и вспомнил дядю Ваню. Мне подумалось в тот момент, что он бы точно нас защитил.

Мама набрала в трехлитровую банку творог, положила его в полевую сумку, взяла также кое-какие столовые предметы и направила меня к машине через бабушкин двор. Когда я вышел, к машине шел солдат. Привязанная на цепи овчарка возле овчарни залаяла, заметив чужака. Недолго думая, солдат снял с плеча винтовку, прицелился, выстрелом уложил ее, пошел дальше. Я ускорил шаг, испугался и все еще не соображал, зачем он застрелил собаку, она ведь никого не трогала. Рядом с машиной стояли трое солдат. Один снял с моего плеча сумку, а меня посадил в кузов, сумку он не вернул. Я долго смотрел на солдата (говорить я по-русски не умел) в надежде, что он вернет сумку. Постепенно начали подходить родственники, и в этой суматохе я забыл про сумку.

Офицер посоветовал маме зарезать гусей на дорогу. Мама ответила, что не хочет этого делать, ведь гуси оставлены на развод. Она не теряла надежду, что мы скоро вернемся. Позже над мамой уже в Казахстане мы шутили, где твои гуси, что на развод оставила.

Помню, как сейчас, когда машина, в которой сидели несчастные люди, в одночасье лишившиеся всего, а главное – родной земли, выехала за село в сторону Терека, хлопьями пошел первый в этом году снег.

Машины спустились в пойму реки Терек, все встревожились, куда это везут нас, ведь дальше был лес. Потом машины свернули направо, и люди увидели мост. Раньше там моста не было, оказывается, за ночь построили понтонный мост и по нему машины медленно переехали через Терек и приехали на железнодорожную станцию. Когда нас везли по станице, казаки, казачки, дети высыпали на улицу в недоумении, причем одни смеялись, а другие плакали. Многие узнавали друг друга, так как каждое воскресенье чеченцы и казаки встречались на базаре: продавали, покупали или обменивались товаром.

Машины подъехали прямо к вагонам, нас всех загнали в эти товарные скотские вагоны, без каких-либо удобств, справа и слева по центру вагона были устроены нары, чтоб поплотнее разместить людей. Также стояла буржуйка, но без топки. Не было даже места, чтобы справить нужду. Вагон холодный, люди мерзли. Одни говорили, что нас скоро вернут обратно, разберутся, другие боялись худшего. Какой-то чеченец, видимо, более-менее понимавший по-русски, объяснил, что наша нация объявлена врагами народа. За что? Этот вопрос читался у всех на лицах. Мы помогали Советской Армии, чем могли, наша молодежь воюет со всеми против общего врага, гибнет там, а нас, как скот, загрузили в вагоны и везут в неизвестность. Но ответа на этот вопрос не было.

Поезд тронулся ночью, его так потрянуло, что люди с верхней полки попадали вниз. И так каждый раз. Перегруженный состав не мог взять с места медленно и тихо. В вагоне было холодно, все укрылись, чем попало, тем, что успели

взять с собой. Были люди, которые вообще ничего не взяли, их просто вывели и погнали.

На следующий день поезд остановился, людям разрешили справить нужду. Молодые ребята достали из вагона уголь, но растопить его было нечем. Наконец кое-как растопили буржуйку, но тепла от нее было мало. Через сутки принесли какую-то баланду – сваренную в воде капусту, но никто не притронулся к ней. Пожевали свое – кто чурек, кто хлеб... На какие-то сутки приехали в Сталинград, смотрели в щели вагона и диву давились: столько металла лежало кругом: разбитые танки, машины, самолеты, пушки - чего там только не было! Поезд тронулся и повернул на восток, шел медленно, долго стоял на станциях, но выходить не разрешалось, только через сутки открывали двери. В вагонах стояла вонь, духота...

Когда состав однажды, как нам показалось, повернул, люди оживились, подумали, что поезд едет назад и нас возвращают домой... Многие были уверены, что Сталину об этом ничего не было известно, но вот разобрались и все станет на свое место...

И так изо дня в день, состав шел вперед, все меньше оставляя надежду на справедливость. Поезд все дальше уходил от дорогих сердцу мест, пошли сплошные снега пеленой, земля все больше отличалась от наших родных мест – степи, степи, без деревьев и кустарников. Проезжали большие станции, города, села. Никого на белом свете, сочувствующих народу, без вины вырванному с родных мест, не было. В дороге умирало много людей, на станциях проверяли и забирали трупы – куда, никто не знал.

И вот на 21-е сутки вечером поезд остановился на одной станции. Это была станция Осакаровка. С шумом открылась задняя дверь вагона. Появились солдаты и скомандовали всем выходить. Полураздетые люди выходили на тридцатиградусный мороз. Вещи, что мы успели захватить, выгрузили прямо на снег. Мама с детьми и я зашли в какую-то сторожку. Там была женщина, очень красивая, она очень ругалась, я не понимал ни слова. Видимо, она была недовольна тем, что народу набилось много. Но никто не выходил, тут было тепло, а на улице мороз. Так просидели до утра. Отец всю ночь находился на улице возле вещей, как и другие мужчины. Утром нас и еще несколько семей определили в Красный уголок. Давали всегда ту самую баланду и немного хлеба. Так прожили мы в этой комнате несколько дней, в одно утро подкатили сани, запряженные волами, и нас снова повезли. Дорога предстояла на целые сутки – это было мучительно холодное утро, только к концу дня мы приехали в отдаленное казахское село, где началась другая жизнь – жизнь спецпереселенцев, которые мучительно ждали каждое новое утро – утро возвращения на родину – долгих тринадцать лет.

Тауз Исс

Скрижали памяти

ЭТОС. Подражание суете. Мы живем чужой жизнью. В одежде, еде, мыслях, образе жизни. Между тем пытаемся обмануть себя, о том, что все лучше, чем может и должно быть. Где-то там, на задворках памяти живет полузабытое чувство утрат, вечно гложущей ностальгии – по самим себе – настоящим, забывшим, забытым, среди пестрой мишуры, пустых обольщений, замысловатых ненужностей. Подражание суете худшее из подражаний. В плену у самого себя нет замков и решеток, нет ничего, есть – неведение.

Дни слагаются в годы, годы в десятилетия, века и вечное мгновение озаряется вспышкой: «Камо грядеши?» И уже некогда оглянуться, и нет следов, потому как там нет тебя, даже суеты твоей, потому, как и суета чужая. И жизнь кажется чужой, тенью чужой суеты. И прозревая, прорываясь к себе, ищешь точку возврата, подлинности, несуетности и натываясь на лабиринты все же чувствуешь, что там впереди, нет, в тебе, и только в тебе – освобождение из собственного плена, обретение себя, возвращение.

Ты стоишь среди суеты, уже понимая, что ты здесь чужой. Словно тонкий луч из поднебесья в ненастный день приходит к тебе ясное осознание того, что твой путь иной, чем все золото мира. Он в тебе от Сотворения. Он также высок, как это Небо. И ты спокоен, видя в нем медленные облака.

АЗБУКА. Тишина неслышно плещется в утреннем мире отсюда до гаснущей звезды, в каждой клетке живых, в каждом уголке Вселенной, слушая, слыша скликаясь. Полон тишины зов идущего солнца, все затаилось, готовясь к торжеству света, и в этот долгий и краткий миг разговаривают тихие сердца, и свет приходит, зовя к новой жизни, новому утру, песне.

Тишина умирает с первым треском машины. Треск переходит в рев, будто человек за рулем хочет обогнать сам себя, впрыгнуть в другое измерение, в другую реальность, начиная лихорадочный гон машин. Счетчик включен.

Тишина все же остается в человеке среди нарастающей суеты и иллюзий. Она продолжается в нем, чтобы он мог дышать и помнить. Жить.

Город разгоняет свой бег до заката и смиряет в сумерках. Мир снова входит в тишину осторожно, наощупь, снова забываясь, и забывая жаркий полдень и мерцание светофоров, в пространстве, застигнутом игрой и страстями.

В отголосившем дне остались обрывки неуклюжих слов, утраты, надежды, дела. Никак не стыкуется мера с действительностью. Человек продолжает ждать, и сердце ждет покоя, чтобы снова встретить утро и услышать зов солнца, тишины, миллионов тихих сердец.

ЗАДАЧА. Маршалла. Наша Национальная Идея заключается в Одном Слове – Маршалла. Это Слово – Послание. Друг другу, дальнему, ближнему, человечеству, миру. Слово – Идея, живо пройдя сквозь все испытания, живо своей жизнестойкостью, наполненностью, памятью. В этом Триедином Слове Маршалла заключены три великие ценности – Машар – Маршо – Могшалла (Мир – Свобода – Духовное Здоровье). Из этого Триединства состоит Чеченское Братство (Вошалла). Из уст в уста с незапамятных времен, как Завещание Народом Народу, живет и будет жить покуда стоит Мир Бессмертное Чеченское Слово Маршалла. Слово Живое, Творящее, Вещее. Слово – Весть.

Это и есть – Третий Путь очевидный и забытый нами и миром. Путь простой и прямой. Путь от Дня Сотворения Мира. Путь – указанный ВСЕВЫШНИМ.

Свобода и Духовное Здоровье могут проистекать только из Мира. И сам Мир сотворен из Мира и Любви. Все остальное отклонение от Нормы.

Слова живут и меркнут, иные умирают, забываются, иные приедаются. Слово живо в Человеке, Народе. Человеком, Народом. Мы Должны Понести Слово-Весть В Мир, но Прежде Обязаны по Настоящему Осознать и Возродить Его, Стать Вровень с Ним.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. Узлы и узы. Итак, попытаемся найти причины разрыва в мировых узлах и узах современного мира и определить возможности их устранения. Проблема человека, или же так называемая проблема существования человека особенно болезненно проявилась в последнее время, на пороге веков, и, все более нарастая и усугубляясь становится лавиной и лавой планетарного масштаба. Эту проблему можно обозначить как проблему сознания. Впервые, за всю историю человечества (или в очередной раз?) встала угрожающая общность и угрозой человеку является сам человек. Что же является причиной столь серьезной проблемы и столь угрожающего следствия? На наш взгляд первопричина столь губительных последствий заложена в революционном, насильственном типе сознания и последующих действий человека, главенствующих в современном мире. Это сознание появилось со времени появления лжеучений и пиком их можно считать теорию классовой борьбы окончательно расколовшей мир на «два лагеря». Больше того раскол и сам человек, что является самым опасным фактом современности. Собственно в силу этого события человек и восстал против себя.

Исходным событием, как мы уже говорили ранее в истории человечества явился Всемирный Потоп, как точка возврата к Истине Единобожия. Надо полагать, что люди, вышедшие из Потопа и сорока дней и ночей в океане, вынесли из этого величайшего Испытания подлинное чистое сознание. Столкнувшись лицом к лицу с угрозой исчезновения и будучи в гуще События люди не могли не измениться в корне. Началась новая эра. Кавказский Меловой Круг, очерченный этим Событием и выработавший Живую Этику, идущую от этого же События, являл собой универсальный Центр между Западом и Востоком как уравнивающее Начало. Сознание этого порядка исключало выход за пределы Круга, прежде всего, как явления Сознания. Например в сознании чеченцев Родина нарекается как Нохчи-чохь, – (Земля, Дом Ноя, если короче – Чохь –Арахь) или же попросту Круг, Гора, точнее Круг Гор, а то, что за пределом Круга – Аре – то есть плоскость, равнина, пространство, лежащее за пределом Горы, Круга и его Сознания. Безусловно, это явление не только географическое или же культурное, а гораздо большее, сравнимое разве что с providенческим порядком. Кроме того, внутри Круга существует своеобразная иерархия и география. Если же говорить о философии жизни, то она понималась как единство множеств в Божественном Посыле.

Не исключено, что вместе с забывчивостью человечество хранит память о Событии, вернувшем Истину. Земля Обетованная, земля Кавказа, Ноя соединяет швом Тысячевершинника Запады и Востоки. И не только соединяет, но и объединяет, храня в своих чертогах великое богатство: множество народов, языков, рас, конфессий. Узлы и узы гор и народов Кавказа – мировые скрепы в великом замысле Творца. Спасительная идея лежит в этой простой, очевидной реальности. И есть надежда, что мы все же дорастем до нее без революционных потрясений и смут.

Одним из закономерных парадоксов мира является то, что все сущее стремится к своей противоположности. Так, Запад стремится к Востоку (Македонский, Наполеон, Гитлер). Восток же стремится к Западу (Атилла, Чингис-хан, Тимур) в очередной попытке завоевания материи, пространства, в поисках иного, а по существу, подсознательно колыбели, прародины. Кавказ же оставался исходной реликтовой точкой центростремительных устремлений ойкумен. Рефлексии за пределами Кавказского Мелового Круга, являющиеся продолжением кавказского культурного посыла, время от времени складывались в мировые цивилизации и устаревая снова начинали очередное движение в очередной попытке найти исходное. Так называемая геополитика наших дней есть ничто иное, как продолжение этой заданности, очередной мировой попытки постижения своей колыбели. Если быть еще точнее – это есть ничто иное, как стремление очередной цивилизации к исходной культуре. Цивилизации обречены искать противоположное, умирать в культуре и снова возникать. Традиция культуры обречена просто – быть. Ей незачем и негде искать, она самодостаточна, первична, духовна.

Сегодняшний мировой поиск, посыл вырос в так называемую сверхцивилизацию. В ней «слились» запады и востоки, крайности, рефлексии и в ней же обнажилась пропасть и мост, имя которым – Кавказ. Мировая игра становится серьезней, чем ожидалось. Цена значительно выше, чем новый прыжок в неизвестное. Этот может стать последним. И дело не в возможности или невозможности вернуться, а в сохранении меры и разума, хранимых культурой.

Саид Бицоев

В 2013-ом году в Москве, в издательстве «Маска», вышла книга нашего земляка Саида Бицоева о другом нашем прославленном земляке – Увайсе Ахтаеве. «Гигант баскетбола. Триумф и трагедия Увайса Ахтаева» – так называется эта книга. Слава Увайса Ахтаева, действительно, была огромной. «Чеченский великан советского баскетбола», «Великан с душой ребенка», «Чеченец, которого любила вся страна» – газетные заголовки советского и постсоветского периода не скупились в эпитетах. Легенды об Ахтаеве, начавшие свое шествие с далеких сороковых годов XX века, с того момента, когда Ахтаев впервые появился на баскетбольной площадке, не затихают до сих пор. Порою невозможно было понять, где здесь правда, а где вымысел, но в том и другом случае сквозила народная любовь к своему герою. Книга С. Бицоева во многом заполняет пробелы в биографии великого спортсмена. Со страниц книги своими воспоминаниями об Ахтаеве делятся прославленные советские спортсмены и заслуженные тренеры СССР, которых автору удалось собрать под обложкой «Гиганта баскетбола». В этом номере журнала «Вайнах» мы с удовольствием представляем фрагменты из этой книги.

Гигант баскетбола...

(Фрагменты из книги)

Это было в далекие 80-е годы, накануне московской Олимпиады. В популярной столичной газете вышла сенсационная статья о первом гиганте мирового баскетбола Васе Ахтаеве, который явился для моего поколения настоящим открытием. К сожалению, не только приятным, но и печальным – незадолго до этого Ахтаева не стало.

С тех пор грустное лицо великана не отпускало меня. Хотелось написать более подробно о необычной, яркой и драматичной судьбе человека, отдавшего все свои силы, талант и огромное сердце любимому баскетболу.

Однако приступить к исполнению идеи удалось не скоро. По разным причинам. Единственное, что тогда успел – отправить Александру Гомельскому, автору той заметки, письмо с просьбой о помощи в сборе материала, более детальных сведений из жизни и спортивной биографии Ахтаева. Но ответа не дождался.

Спустя много лет на одной из презентаций в Москве я подошел к мэтру и напомнил о том давнем обращении.

– Я все сказал в своей книге, – ответил он. – В ней есть отдельная глава об Ахтаеве. Вы можете ее использовать.

Правда, обещал еще посмотреть домашний архив. Возможно, найдутся какие-то неиспользованные материалы или фотографии. Позже мы общались пару раз по телефону. Честно говоря, мне тогда показалось, что Гомельский не в восторге от моей идеи, а может, просто неохота копаться в старых бумагах.

Лишь недавно я узнал от Валерия Платонова (работал в те годы в Госкомспорте СССР. – Авт.), что знаменитый тренер в свое время давал ему поручение собрать «материал по Васе». Якобы для одного журналиста. Потом заболел, оставил работу и прекратил всякие контакты с прессой.

В том первом очерке и в последующих интервью патриарх баскетбола отзывался об Ахтаеве с особой симпатией, даже с неким пиететом. Называл его лучшим центровым, который не мог пробиться в высший эшелон из-за своего «неблагополучного» происхождения (еще ребенком был репрессирован в Казахстан вместе с родителями), несмотря на исключительные природные данные и талант. И отмечал, какой яркий след оставил в баскетболе юный гигант: таких высокорослых и техничных нападающих не было ни в одной сборной мира того времени.

Обычно сдержанный на эмоции тренер говорил о нем так, как обычно не говорят и не пишут о чужих игроках, тем более, своих главных соперниках. Понятно, если

Первые шаги в баскетболе.

речь заходила об Арвидасе Сабонисе, которого он называл самым выдающимся баскетболистом в истории СССР, или знаменитом нападающем шестидесятых Янисе Круминьше, который считался его открытием и лучшим учеником!

Но при этом признавал, что Вася легко обыгрывал грозного Круминьшу во всех компонентах игры, а великий Арвидас не забивал столько мячей, сколько Ахтаев. И половины не забивал. Даже трети того, что удавалось Васе. Никто не забивал и дело не только в росте. Ведь тот же Сабонис ненамного был ниже.

Известный баскетбольный специалист из США, наблюдая за техничными действиями Ахтаева на Малой арене Лужников, в сердцах сказал: «Как жаль, что мир не увидел этого парня. У нас в NBA (Национальная Баскетбольная Ассоциация) он стал бы звездой первой величины».

«В этом нет сомнений, – считают его бывшие коллеги. – Если бы Вася имел возможность выезжать на Запад, как сегодняшние атлеты, и выступать среди баскетбольных «профи».

В сталинские времена подобные мысли считались бы крамолой и предательством – советские спортсмены должны были защищать честь своей страны. Тем более, сын «спецпереселенца» не мог даже мечтать о профессиональной спортивной карьере.

С заграницей действительно не сложилось. Но появление столь необычного игрока привело к повальному увлечению баскетболом на всем пространстве бывшего СССР. Люди шли на стадионы и в спортзалы целыми семьями,

рабочими коллективами, как на праздничный парад. И он действительно дарил им феерический праздник.

Об оглушительной славе баскетбольного гиганта свидетельствуют многие фотографии, видеозаписи, которые прислали его друзья, и которые нам удалось отыскать в разных архивах. Толпы зрителей восхищенно глядят не столько на площадку, сколько на фигуру нападающего, возвышающегося над остальными чуть ли не в полкорпуса. Баскетболисты – сами не маленького роста, но даже на их фоне Ахтаев смотрится величественно. Среди обычных же людей казался чуть ли не Гулливером.

Ни до него, ни после не было в массовом спорте такого всеобщего ликования, ажиотажа и коллективного единения среди болельщиков. Люди гроздьями висели на деревьях, крышах домов и столбах электролиний, чтобы посмотреть на экзотического центрвого хотя бы краешком глаза. Популярность фантастическая!

К сожалению, в нашей стране не сумели оценить по достоинству исключительные данные Ахтаева, развить и использовать его преимущества для командной борьбы. Напротив, во многом ограничивали его, мешали и запрещали. И мало кто задумывался о том, как влияют на его здоровье чрезмерные нагрузки, утомительные переезды по стране и отсутствие условий для отдыха. Возможно, считают врачи, в этом – главная причина его раннего ухода с площадки и преждевременной смерти.

Сегодня о необыкновенной судьбе первого гиганта мирового баскетбола расскажут выдающиеся мастера оранжевого мяча, тренеры и просто друзья Ахтаева, многие из которых, к счастью, живы и с удовольствием согласились поделиться своими впечатлениями. Среди них – Владимир Андреев, Арменак Алачачян, Виктор Зубков, Валдис Мужниекас, Игорь Попов и другие игроки, воспоминания которых вернут читателя на полвека назад, в историю нашей бывшей общей родины.

«Никто не повторил его рекорд...»

В мировом баскетболе лучшим атлетом двадцатого века считается Майкл Джордан (США), которого называли мистер «Их воздушство» за фантастические полеты на площадке и личные рекордные показатели. В каждом матче ему удавалось более половины атак завершать голом, добывая в среднем 50–55 очков для своей команды – результат до сих пор никем не превзойденный. По крайней мере, официально.

Но мало кто знает, что в действительности рекорд в личном итоге принадлежит СССР, а не США. Автором его стал советский центрвой колоссального роста, блиставший на площадке в послевоенные годы. Увайс Ахтаев – единственный игрок, который имел в среднем до 70 процентов попаданий в каждом матче. За более чем вековую историю баскетбола никто не сумел повторить его достижение.

Сравнение с американцем кому-то может показаться не совсем корректным, даже неуместным – Ахтаев участвовал только в первенствах страны, ни разу не играл за сборную. И вообще, профессионалы NBA (которую называют суперлигой) всегда были «круче».

Однако стоит напомнить, что советский баскетбол являлся тогда одним из сильнейших в мире. Именно «русская сборная» стала главным соперником США на протяжении нескольких десятилетий. Достаточно сказать, что две эти школы противостояли друг другу в четырех финалах Олимпийских игр подряд (1952–1964 гг. – Авт.). Не говоря уже о первенствах Европы, где равных им просто не было.

То есть Ахтаев добывал свои рекордные очки в споре с мастерами мирового уровня, хотя и на внутренних состязаниях. Не участвовал же в выездных матчах по другим причинам, не имеющим отношения ни к его уникальным данным, ни к баскетболу вообще. Ему просто не повезло родиться в тот период истории, когда анкетные данные спортсмена представлялись чиновникам важнее всех талантов.

Увайс был из семьи депортированных, и власть не желала, чтобы честь страны защищал представитель «наказанного» народа. Дважды включали его в сборную СССР, но боялись выпускать за границу. Он не укладывался в стереотипы и правила той эпохи, в которой жил. Именно поэтому не смог до конца реализовать свои выдающиеся способности.

Заслуги Ахтаева, его влияние на отечественный и даже мировой баскетбол до сих пор не изучены и не оценены. Ни до него, ни после не появлялось столь одаренного и высококлассного атлета среди сверхгигантов. Если бы в те годы существовали популярные ныне опросы мировых СМИ или рейтинги, то звание «Лучшего нападающего всех времен и народов» дали бы Ахтаеву! Я в этом абсолютно убежден. Не думаю, что кому-то удастся повторить его результаты, тем более, превзойти. По крайней мере, в ближайшем будущем – таких игроков больше нет!

Свою спортивную карьеру я начал в ереванском клубе «СКИФ» после возвращения из Александрии, куда родители эмигрировали в начале прошлого века из Турции, спасаясь от гражданской войны. Как-то на соревнованиях получил травму голеностопа, и врачи попросили воздержаться некоторое время от нагрузок. В спорткомитете Армении будто ждали этого момента – взяли и отчислили меня из команды. Наверное, решили, что не стоит держать в составе игрока, который, по их мнению, будет вечным аутсайдером. Вдобавок ко всему зампреда Госкомспорта распорядился не оплачивать мне больничный лист. Душевная травма, нанесенная ереванскими чиновниками, казалась мне больнее и обиднее полученной на площадке, и я решил покинуть родной клуб.

В это время вспомнился разговор с Ахтаевым, который не раз уже звал меня к себе в алма-атинский «Буревестник». Мы с женой Розой посоветовались и решили, что нужно ехать. Конечно, немного волновались – все-таки в Казахстане у нас нет ни одного родственника, ни одного близкого человека.

Чем ближе к границе, тем больше росла тревога. Что нас там ждет? Не поторопились ли мы с дальней поездкой? Деньги к тому времени закончились совсем. Помню, в последний день в поезде почти ничего не ели.

Но когда на перроне алма-атинского вокзала в толпе встречающих увидели громадную фигуру Ахтаева – сразу отлегло от сердца.

И действительно, все сложилось как нельзя лучше: меня приняли на работу в Институт физической культуры, зачислили в сборную Казахстана. Через день уже приступил к тренировкам.

Мы познакомились с Увайсом в 1953 году в Вильнюсе. И как-то сразу потянулись друг к другу. Наверное, потому что мы одного возраста, примерно одного уровня игры, оба центровые. Правда, сказывалась огромная разница в физических и антропометрических данных. Разговаривая с ним, мне приходилось заирать голову и смотреть куда-то вверх – Ахтаев был выше меня чуть ли не на целый метр. Если и утрирую здесь, то ненамного.

Одно его появление вызывало вокруг какой-то ажиотаж и волнение, особенно в спортзале. Причем, не только среди болельщиков, но и соперников на площадке. Огромное превосходство в росте дополнялись прекрасной техникой и снайперским талантом.

Отобрать у него мяч было невозможно. Ни одна команда не имела в ту пору игрока с относительно близкими габаритами. Поэтому действовали все по одному и тому же сценарию – старались опекать партнеров Ахтаева, чтобы лишить его точного паса. И каждый раз придумывали новые, порой не очень спортивные приемы, чтобы защитить кольцо от его бросков по высокой траектории.

Однажды один из игроков посадил на плечи товарища и стали вдвоем у щита, чтобы закрыть его от нашего центрального. На трибунах раздался хохот, судьи растерялись! Не знают, что делать – сидеть верхом на партнере вроде бы нельзя, но с другой стороны, правилами не запрещено!

В 1956 году мы отправились на Спартакиаду народов СССР уже в новом составе. Попали в одну подгруппу с Москвой и Ленинградом, что многие расценивали как

неминуемый проигрыш. «Буревестник» в высшем дивизионе размещается обычно ниже середины, а наши соперники – давние фавориты лиги.

Но сдаваться просто так никто не собирался. Тем более, что мы неплохо сыгрались с Ахтаевым, понимая друг друга с полуслова, полувзгляда. Даже научились читать мысли друг друга.

Первая встреча, и мы тут же повели в счете. Москвичи не ожидали от нас такой прыти и слегка растерялись. Потом попытались взять реванш, но было уже поздно – к середине матча разрыв только увеличился. Они стали нарушать правила, прессинговать, пытаясь оказать на нас моральное давление. Ничего не помогло, встреча закончилась в нашу пользу.

Следующая игра – против Северной столицы. И здесь мы победили. Надо сказать, что ленинградцы имели в составе трех членов сборной СССР – Казиса Петкявичуса, Олега Кутузова и Виктора Харитонов. У москвичей же их было столько, что они не могли одновременно уместиться на своей половине поля – Март Лага, Михаил Семенов, Виктор Власов, Аркадий Бочкарев, Михаил Студенецкий, Владимир Торбан, Александр Моисеев. И вот обе эти прославленные команды повержены малоизвестными баскетболистами из Алма-Аты.

Никто не назвал наши победы случайными. Напротив, во всех газетах писали, что максимальные шансы на победу имеют баскетболисты Казахстана и Латвии.

Как выяснилось позже, такой сценарий не входил в планы организаторов. И у нас буквально на пустом месте стали возникать проблемы с судейством. В итоге заняли пятое место, что все равно считалось большим успехом. Ведь баскетбол в Алма-Ате не имел давней истории, и прежде команда никогда не поднималась столь высоко в турнирной таблице. В этом, конечно, главная заслуга Ахтаева, который сумел собрать вокруг себя замечательный коллектив.

Кстати, таланты его проявлялись не только в спорте, но и в обычной жизни – в умении дружить, помогать нуждающимся, в уважении к старшим.

Приезжаем в какой-нибудь город, Увайс тут же достает школьную тетрадку и садится писать письмо своей маме, описывая все дорожные и спортивные новости. Для нас такие отношения казались непривычными, а он нуждался в постоянном с ней общении.

Дело в том, что многие родственники Ахтаевых погибли во время ссылки в феврале 1944-го и мать растила его практически одна. Поэтому Увайс был очень привязан к ней, жалел ее и старался ничем не огорчать.

Больше чем на десять дней команда никуда не выезжала, но за это время они успевали пару раз обменяться нежными посланиями.

Как-то в Ленинграде заходим на почту. Ахтаев наклонился к окошку поверх очереди и попросил сотрудницу посмотреть, нет ли ему письма «до востребования».

– А ну-ка мальчик, не хулигань! Слезай оттуда, – ответила девушка, решив, что кто-то разыгрывает ее, сев на плечи друга.

– Какой я вам мальчик! – обиженно сказал Увайс, пригнувшись к стеклянной перегородке.

Оно бедная чуть не свалилась со стула, увидев в оконном проеме громадную, немного вытянутую голову.

Подобные истории случались довольно часто, особенно в отеле. Как-то молодой человек, стоявший рядом, обернулся в нашу сторону и чуть не упал в обморок от испуга. Потом долго приходил в себя и не мог поверить, что возвышающийся над всеми исполин – обычный человек, а не пришелец с другой планеты!

Из-за своего роста он имел в жизни много проблем. Выспаться, как следует, мог только дома, на специальной кровати длиной в три метра, сделанной по заказу. А в поезде, самолете или в гостинице приходилось не очень комфортно. Он просто никуда не умещался, не влезал, не укладывался в мир обычных людей.

Сколько помню, за ним всегда следовала толпа людей. Некоторые вели себя бесцеремонно, задавали неуместные и даже хамские вопросы, дергали за одежду. Словом, вели себя не очень уважительно.

Недостатка в обидчиках не было и в зале. Соперники, не зная, что противопоставить, толкали его, хватили за майку, щипали, даже кололи булавкой –

провоцировали, чтобы заставить его нервничать и совершать ошибки. К счастью, Увайс был не агрессивен, как и все гиганты. Играл деликатно, стараясь никого не задеть, избегая случайных травм. Ведь столкнуться с ним – все равно, что удариться о бетонный столб.

Мне часто приходилось помогать ему в жизни и на спортивной площадке. Не было игрока, который так его понимал. Если Увайс шел в стороне, то дать ему пас было нелегко.

И все же завершение атаки мы доверяли только ему. Никто не хотел брать на себя ответственность. Да и глупо было рисковать, когда рядом Ахтаев, который гарантированно бросает в кольцо. Единственно, о чем мы тогда думали – как правильно сделать передачу.

Принимал он так же играючи – легко, изящно, как не умел больше никто, даже члены сборной. Надо же не просто взять, а плавно, одним касанием передать партнеру или атаковать. Вот этим чутьем тонко владел Ахтаев.

Сам отменно пасовал, чаще скрытно, придумывая всякие обманные движения. Хорошо видел поле, превосходя соперника в умении мгновенно и правильно просчитать ситуацию, в тактике и чтении игры.

Я часто и с большим любопытством наблюдал его за точными и выверенными действиями, изучая незаурядную технику и стиль. Позже, выступая много лет за сборную страны, сравнивал его с другими известными игроками. Не только русскими, но профессионалами NBA, с которыми приходилось сталкиваться на площадке. И считаю, что на тот момент Ахтаев был лучшим нападающим мирового баскетбола.

Невозможно представить, чтобы любой, самый талантливый игрок, зарабатывал более семидесяти очков – не за один матч, не за сезон, а в течение всей своей карьеры. В этом отношении он был уникалом. Вряд ли кто-то сможет приблизиться к его рекорду в ближайшее время. Во всяком случае, он еще долго останется непревзойденным.

Однажды нас с Увайсом пригласили на тренировочный цикл в сборную, и мы усиленно стали готовиться к чемпионату Европы. Но перед самым выездом его неожиданно отчислили из команды – без предупреждения, без объяснения причин.

Говорили, будто председатель Госкомспорта СССР лично заявил, что «Ахтаев никуда не поедет!» И в ультимативной форме потребовал вычеркнуть его фамилию из списка отъезжающих. Не дав возможности узнать, как у него сложится игра за границей, какие покажет результаты!

Стоит ли говорить о том, как больно ранит спортсмена подобное отношение. К тому же у нас и прежде были поводы обижаться на предвзятость тренерского штаба. Незадолго до этого нас с Увайсом посчитали чуть ли не единственными виновниками проигрыша болгарской сборной и отстранили от дальнейших спарринг-матчей.

Такой же подход чувствовался и на Спартакиаде. Скажем, я получаю мяч – не успеваю сделать пару шагов, как звучит свисток арбитра. Так повторялось несколько раз! Атака прерывалась без всяких оснований, просто по судейскому капризу!

Смотрю я на него: «Что он делает?!»

Потом меня вообще удалили с поля. Было ясно – для того, чтобы лишить Ахтаева точной передачи, которую обеспечивал ему Алачачян.

Только потом мы узнали, что главный судья кому-то пообещал не пустить Казахстан в финал. И приложил все силы, чтобы расстроить, сломать нашу игру. Все его судейство сводилось исключительно к достижению одной цели – не дать Алма-Ате пройти в следующий круг.

После возвращения мы рассказали обо всем руководству Казахстана. ЦК республики обратился с официальным письмом в Москву и попросил разобраться. Однако никакого разбирательства не последовало, не говоря уже о наказании арбитров и, тем более, спортивного начальства. У них было свое видение: якобы гиганты не обладают достаточным атлетизмом, быстротой и маневренностью, поэтому «они категорически против их выхода на площадку».

Можно лишь сожалеть об отсутствии опыта и профессионального чутья у спортивных функционеров, стоявших тогда у руля. Госкомспорту проще было отмахнуться от высокорослых нападающих, чем заниматься их адаптацией в сборной, повышением физической мощи и подвижности.

Время показало, как сильно ошибались эти «стратеги» в видении дальнейшего развития баскетбольной мысли. Коллеги из США сумели вовремя просчитать и оценить роль гигантов в будущей игре. Поэтому постепенно вводили в состав по несколько человек, что и позволило им долгое время доминировать в мировом баскетболе.

Тренерский совет не раз предлагал включить Ахтаева в сборную, чтобы иметь возможность на равных бороться с американцами. С огромным преимуществом в росте, уникальной техникой и бомбардирскими качествами он был бы незаменим. В 1952 году на Олимпиаде в Хельсинки советские игроки, успешно дойдя до финала, оспаривали «золото» именно с американцами, среди которых выделялись несколько рослых нападающих – Боб Курланд (2,13), Маркус Фрайбергер (2,10) и Клайд Лоувеллет (2,09). Наш самый высокий центровой Анатолий Конев едва дотягивал до 1,90.

В той олимпийской команде не хватало Ахтаева. Если бы его взяли, результат был бы другим. Я в этом абсолютно убежден. Он же без труда перекрывал кольцо высотой 3,05! То есть, не позволил бы хозяйничать у нашей корзины, не говоря уже о том, что и сам бы забивал. Ведь он в любом турнире, с любым противником гарантированно зарабатывал очки.

В отсутствие таких соперников американцы, конечно, чувствовали себя уверенно. То же самое повторилось на следующей Олимпиаде в Мельбурне в 1956 году, куда Ахтаева опять не взяли.

Увайс очень любил соперничать с Янисом Круминьшем. Будто хотел всем доказать, что его преимущество не только в росте и доказать в споре с таким же высоким нападающим. Не важно, как сложится матч, главное обойти Яна по очкам. Мы могли даже проиграть, но личный результат всегда был в его пользу.

Надо сказать, что при всех своих талантах Увайс имел и свои слабости – не очень любил тренироваться. Наверное, потому что все давалось ему легко и просто, как всем людям, щедро одаренным от природы. Он мог запросто нарушить спортивный режим, затем выйти и прекрасно выступить. Но однажды эта уверенность сыграла с ним злую шутку.

Просыпаюсь как-то от шума, а наш центровой азартно сражается с ленинградскими баскетболистами в... карты. На часах пять утра, вокруг синий дым от папирос. Я разозлился на всех и стал выговаривать:

– Хватит, пора ставить точку! Подумайте о своих товарищах, если вам на себя наплевать!

В таких случаях Увайс не скрывал своего недовольства, ревностно оберегая границы личной свободы. Не любил, если кто-то вмешивался в эти пределы. Хотя для меня было ясно, почему игроки ЛДО (Ленинградский Дом офицеров) завалили в номер так поздно. Ахтаев – человек наивный, простодушный, при этом заводной, эмоциональный, и они специально увлекли его партией преферанса, чтобы не дать вовремя лечь спать. Исполинскому телу ведь требуется соответствующий отдых, а как выйти на площадку после бессонной ночи? Если наш главный игрок не сможет выкладываться на полную катушку – они получают карт-бланш. Такой был расчет – циничный и безжалостный.

После скандала Увайс лег расстроенный, долго ворочался, не мог заснуть, а на утренний матч с Ригой вообще не вышел – заболел. Пришлось играть без него.

И представляете, мы победили! Без Ахтаева! Никто не мог поверить! Казахстан взял верх над Латвией, двукратным чемпионом СССР, без своего прославленного центрального! До сих пор вспоминаю наше ликование – ребята подпрыгивали чуть ли не до потолка, обнимали друг друга и кричали «ура»! Потому что без Ахтаева не так-то легко. И мы все равно победили!

Кстати, именно после той дуэли меня пригласили в ЦСКА. Говорят, коллеги подшучивали над главным тренером Константином Ивановичем Травинным. Мол,

зачем этого «малыша» взял? Имея в виду мой рост, по баскетбольным меркам, не очень высокий – 1,74 см.

Напрасно смеялись. После моего перехода восемь лет подряд никто не мог обыграть армейцев. Много лет входил в сборную и защищал честь страны!

Потом меня отчислили из сборной. В КГБ хотели, чтобы я стал их секретным агентом, следил за ребятами во время загранпоездок и информировал обо всем происходящем. Для них я представлял интерес не только как ведущий игрок, а как человек, знающий пять иностранных языков.

Какое-то время мне удавалось манкировать их «предложения», хотя делал это в максимально вежливой форме. Со временем терпение чекистов иссякло, и меня перестали пускать за границу.

В 1962-м году ЦСКА вышел в финал Кубка Европы, где предстояло сразиться с мадридским «Реалом». Надо сказать, что после войны отношения СССР с Испанией складывались не очень просто и игроки двух стран ни разу не встречались друг с другом. С учетом этого министр обороны СССР Гречко А.А. вызвал к себе руководство сборной для проведения необходимых инструкций. А главный тренер с порога выпалил:

– Товарищ маршал! Мы обязаны выиграть у испанцев, а Алачачяна не выпускают!

Гречко был поклонником баскетбола и хорошим знатоком. Кроме того болел за армейскую команду, посещая все наши матчи. В перерыве он обязательно заходил в раздевалку, чтобы пообщаться с ребятами. Каждого знал по имени, ко мне же относился с особой теплотой и симпатией. Поэтому отреагировал весьма эмоционально.

– Как не выпускают? Срочно подготовить документы!

Маршал настоял на том, чтобы меня восстановили в сборной, и мы выиграли Кубок Европейских чемпионов. С тех пор я снова стал выездным, довольно успешно выступал, что не могло понравиться моим «оппонентам» в Москве. Они начали нашептывать начальству разные сплетни, плести против меня интриги. Не хочу сейчас называть чьих-то имен – в России они считаются чуть ли не великими наставниками.

Возвращаюсь как-то из Франции. Только сошли с трапа, как таможенники устроили всей команде «досмотр с пристрастием», который смахивал на обыск. Перевернули вещи вверх дном.

После этого кто-то накалал письмо в Госкомспорт, что баскетболисты закупили западных «шмоток» на десятки тысяч долларов и будто бы во время проверки багажа я громко возмутился и грозил пограничникам, что пожалуюсь на них маршалу Гречко.

Это был очень циничный и бесчестный ход, зная наши отношения с министром обороны. Какие тут угрозы! Я даже слово боялся сказать, когда они трясли наши чемоданы!

Андрей Антонович очень огорчился из-за моего «недостойного» поведения. Состоялось офицерское собрание, на котором присутствовало много звездных генералов. Зачитали письмо с обвинениями в мой адрес (по сути, банальный донос) и после короткого обсуждения вклеили мне строгий выговор.

Подобное наказание тогда воспринималось как «крест» на спортивной карьере. И не важно, виноват ты или нет – одна запись в трудовой книжке могла перечеркнуть все твои достижения в спорте, все заслуги, все твое прошлое и будущее.

Я хотел выступить в ответ и объяснить, что написанное в письме – ложь и клевета. Тем более что письмо анонимное. Но по настроению в зале понял, что бесполезно: никто не поверит. И что жить в такой обстановке дальше не смогу!

На второй день отправил письмо президенту Брежневу с просьбой дать мне возможность воссоединиться с родственниками, живущими в Канаде, и через три месяца навсегда покинул СССР. Никто не знает истинной причины – почему я так поступил. У Ахтаева тоже были проблемы с КГБ, точнее с НКВД.

Правда, он рисковал не только спортивной карьерой, но и жизнью, когда проигнорировал просьбу Лаврентия Берия сменить кавказскую фамилию на менее

заметную. Может ему позволили бы тогда выезжать за границу и представлять страну на Олимпийских играх или чемпионатах мира.

Но он отказался и не поехал. Позже, в хрущевские времена, «Буревестник» несколько раз побывал за границей, опять-таки без Ахтаева, которого давно уже называли «не выездным».

В такой атмосфере постоянного контроля, прессинга и давления власти жил и многие годы успешно выступал лучший нападающий своего времени Увайс Ахтаев. Потом он заболел и ушел из спорта. Я перебрался в Москву. Так мы расстались. Как оказалось, навсегда.

Думаю, для многих станет откровением, что выдающийся бомбардир, достигший самой высокой планки результативности, жил в СССР, а не в США.

Сегодня везде созданы и действуют специализированные спорт-школы, которые отбирают талантливых ребят и с раннего детства обучают их азбуке и технике броска. Но никто не смог близко подойти к рекорду Ахтаева. Обидно, что о человеке-легенде, оставившем в истории баскетбола столь яркий след, практически ничего неизвестно на его родине.

*Арменак Алачачян
заслуженный мастер спорта СССР*

«Запоминающаяся дуэль...»

Наверное, у всех, кто его видел, он навсегда остался в памяти. Как жаль, что мало сохранилось его фотографий, что не нашлось художника, написавшего его портрет, скульптора, вылепившего его бюст. Ведь его лицо прямо просилось на полотно: резкое, словно высеченное, запоминающееся и очень доброе.

Я впервые увидел настоящего гиганта, рядом с которым все остальные, даже самые высокие игроки, казались обычными людьми. Я же был против него – просто лилипут. Вася (по-моему, его никто не называл Увайсом) поразил, но и заставил меня задуматься. С появлением таких игроков баскетбол должен измениться, что давно уже поняли американцы, предпочитавшие высокорослых центровых. Наши нападающие – Куллам, Конев, Путмакер, Силиньш, Серцявичюс, Уляшенко – были прекрасными мастерами, но это не были центровые в нынешнем понимании этого слова. Ахтаев таким центровым был – он опережал время мирового баскетбольного триумфа. Более того, я уверен – играй он и сегодня, приносил бы успех любой, даже самой высококлассной команде. Конечно, физически он не мог бегать весь матч по площадке так, как это делали Сабонис, Гришаев, Гоборов – центровые восьмидесятых годов. Но у него была отличная техника – владение мячом, пас, бросок. А техника во все времена была и остается главным козырем в арсенале любого баскетболиста.

Он был мягок в обращении с мячом, даже ласков – Вася буквально играл с ним. Прекрасно действовал в защите, ставя такую «крышу», что выбраться из-под нее было невероятно трудно. Если Вася успевал к своему щиту, то забить, игнорируя его, становилось проблемой. Это был умный, смысленный игрок, любящий, чувствующий, понимавший баскетбол.

Безусловно, Васе не хватало атлетизма, хотя в юности он увлекался боксом и легкой атлетикой, метал диск. И все же он был не слишком вынослив: вес давал о себе знать. Однако самое главное: он показал, насколько важен рост в баскетболе.

Его игра, задачи, которые он задавал уступающим ему в росте другим нападающим, заставили тренеров всерьез заняться поисками высоких центровых. И хотя он так и не стал Заслуженным мастером спорта, заслуг у него в советском баскетболе – более чем достаточно.

Впервые перед широкой публикой Увайс Ахтаев появился летом 1946 года в Львове, где проходила спартакиада институтов и техникумов физической культуры. Но не в роли баскетболиста, а метателя диска. И уже тогда привлек к себе необычное внимание.

В послевоенные годы спорт был очень притягателен, трибуны стадионов заполнялись даже на скромных соревнованиях. Спартакиада в Львове – не исключение. А вокруг Ахтаева и вовсе собирались толпы народа. Впечатление на людей этот гигант производил поистине колоссальное. Молодой (ему еще не было и 18 лет), экспансивный, несмотря на громадный рост – общительный (что редкость для высокорослых), он всегда был в окружении болельщиков. За ним ходили толпы, а он радовался, как ребенок. Или шутил таким образом: остановится и резко повернется в обратную сторону. Люди в испуге откатываются назад. Вася хохочет, довольный произведенным эффектом.

Помню, обедали в небольшом ресторанчике, так прохожие облепили все окна. Лица громоздились одно над другим – всем было любопытно посмотреть, сколько этот человек-гора ест и пьет. А надо сказать, что ел Вася не так уж и много, хотя детство у него было голодное, военное. Но воду пил взхлеб, как и положено гигантам. Тот же Отар Коркия на сборах всегда держал под кроватью ящик с «Боржомом» и за день выдувал больше десяти бутылок. Одно время врачи противились такому увлечению жидкостью, но потом признали, что спортсмены-гиганты на играх и тренировках теряют очень много влаги, поэтому их водный запас должен постоянно восполняться.

Появление Ахтаева на улице или на стадионе всегда вызывало ажиотаж. В мгновение ока он попадал в людской водоворот. Естественно, первое, что слышалось: «Дядя, достань воробушка» или «Дядя Степа», – что поначалу Васю очень смущало. Первое время он, по свидетельству тех, кто знал его по Алма-Ате, заливался краской стеснения, пытался спрятаться от назойливого внимания окружающих. Но потом, привыкнув, наоборот, стал гордиться своей славой и ходил уже с высоко поднятой головой. Ему, как мальчишке, льстило внимание публики. На игре он забывал о такой «всенародной» славе и видел перед собой только товарищей по команде.

Алма-атинский «Буревестник» считался середнячком, хотя играли в нем интересные и даже незаурядные баскетболисты. Достаточно вспомнить Бухвалова, Нелидова, Платонова, Седристого, Джимбаева. Тем не менее, команда часто находилась в нижней части всесоюзных турнирных таблиц – один Ахтаев погоды не делал. Но для любой, даже самой классной команды встреча с алма-атинцами превращалась в муку мученическую. И тренеры ломали голову, как победить Ахтаева и К°, как нейтрализовать грозного центрового.

Кстати, появлением приличной команды, долгое время выступавшей в высшей лиге чемпионата СССР, алмаатинцы обязаны именно Ахтаеву. Он многое сделал, чтобы такая команда вообще появилась, более того – стала крепким коллективом, серьезным соперником для сильнейших клубов страны. Хотя до Васи баскетбол в Казахстане не очень-то жаловали. Любопытно, что впоследствии там появился еще один классный центровой – Владимир Андреев.

Сам Ахтаев очень трогательно, внимательно и заботливо относился к молодым спортсменам, выискивал способных игроков, опекал их, поддерживал. Валерий Платонов, работавший в Госкомспорте СССР, вспоминает, как 16-летним мальчишкой попал в «Буревестник», куда его привел Вася, которому он сначала просто подавал мячи, затем стал носить за ним сетку с мячами, а там и заиграл в основном составе. И все время рядом с ним был Ахтаев – большой добрый человек, настоящий друг и старший товарищ.

К баскетболу Васю приобщил карагандинский тренер Исаак Копелевич, уговоривший его переехать в Алма-Ату и заняться спортом. И в 1947 году в Ленинграде Вася выступал на спартакиаде институтов и техникумов физкультуры уже как баскетболист. Умел он еще совсем мало, но у противников проблем с ним хватало.

С появлением гиганта начались сложности буквально у всех, даже ведущих команд. Тогда ведь не было правила трех секунд и лимита 30 секунд. Так что задача перед алмаатинцами стояла простая: завладеть мячом, держать его, пока Вася перемещался от своего щита к кольцу соперников, дать ему высокий пас, а

он уж заложит мяч в корзину. Естественно, все мы искали противоядие. А как его найдешь? Что придумаешь? Заставил он нас поломать головы...

Наша команда Ленинградского Дома офицеров считалась вполне приличной, занимала пятые-шестые места в чемпионатах страны и других крупных всесоюзных турнирах. По классу мы явно превосходили алмаатинцев. Но это ни о чем не говорило, когда приходилось решать проблему Ахтаева.

В одном из матчей он задумал просто поиздеваться над нами: поймал мяч, прижал его к щиту и, довольно улыбаясь, сказал нам с Владимиром Желдиным (мы с Володей были самыми маленькими в команде, нас и называли ласково – «чижи»): «Ну, ребятки, прыгайте, прыгайте, может быть, и достанете...». Ну что ты будешь делать?

Или, допустим, обидится на судью и выкинет какое-нибудь коленце: хоть стой, хоть падай, а что делать – не знаешь.

Был такой замечательный арбитр международной категории Михаил Левин (Мика). Так вот, он почему-то вдруг вызвал раздражение у Ахтаева. Подошел Вася к Левину и с высоты своего огромного роста грозно, медленно выговаривая слова, пообещал: «Вот посажу на кольцо – и будешь сидеть, пока правила не выучишь». А ведь мог бы...

Да, таких легенд, баек вокруг Васи ходило множество, что тоже свидетельствует о любви к нему, его фантастической популярности. Закономерное свидетельство.

Читать все это, басерное, смешно, но нам, играющим против Васи, было отнюдь не до смеха – и баскетболистам, и тренерам.

В 1956 году в Волгограде на зимнем матче восьми городов (был такой престижный турнир) рижская команда, которую я тренировал, впервые на матче с командой Алма-Аты выставила Круминьша. Опытнейший, все знающий в баскетболе Ахтаев или молодой, начинающий, еще немного умеющий Круминьш? Единственно, в чем Ян тогда превосходил Васю, так это в атлетизме – длительный физический труд на свежем воздухе закалил латыша. Сложилось так, что мы, проиграв в подгруппе только одну встречу, были вынуждены оспаривать лишь седьмое место. Ситуация прямо-таки катастрофическая. А тут еще играть с Ахтаевым!

Я решил построить матч в расчете на контратаку, в которой должен был участвовать... Круминьш. Да, да, медлительный по сравнению с нашими «маленькими», Ян все же значительно быстрее Ахтаева передвигался по площадке. На это и делался весь расчет: Круминьш из-под своего кольца отдает мяч Хехту, Валдманису или Муйжниексу, а сам перемещается к кольцу соперников, стараясь непременно опередить Васю, обязательно успеть туда, пока он не пришел. И когда это получалось, мы забивали и забивали. Но если Вася успевал вернуться, в дело «вступали» его двадцать сантиметров преимущества в росте и кольцо оказывалось перекрытым. Да и один на один Вася переигрывал Яниса.

Был такой эпизод. Вася симитировал бросок, Круминьш среагировал, подпрыгнул, взлетел вверх, а Вася прошел к щиту и со смехом направил мяч в кольцо. Или делал так: просто шагнет под корзину и вколотит мяч. И обязательно добавит: «Ничего, ничего, научу вашего лесника играть!» Да, то была запоминающаяся дуэль. Причем, что любопытно, в зале, где встречались команды, боровшиеся за медали, зрителей было немного, а на нашей встрече – Ахтаев против Круминьша – собралась толпа болельщиков.

В том же 1956 году сложилась аналогичная ситуация, только на этот раз победа над алмаатинцами нам была во много раз нужнее: в этом случае мы выходили в финал и оспаривали у москвичей «золото» Спартакиады народов СССР. И тогда я – в первый и последний раз в своей тренерской жизни – решил сначала провести дипломатические переговоры. Пошел к Ахтаеву, который хоть и не был формальным капитаном команды, но, по существу, был лидером, оплотом, настоящим хозяином, и спросил его: «Если игра сразу пойдет в нашу пользу и счет будет большим, может быть, дадим отдохнуть основным игрокам, пусть поиграют запасные?» Вася ухмыльнулся, зыркнул глазами и пробурчал: «Поживем – увидим».

Эти двое выглядели рядом как библейские персонажи.

...Малая спортивная арена Лужников была забита до отказа. Такой аудитории на баскетболе я раньше здесь не видел – зрителям действительно было на что посмотреть. Игра выдалась такой тяжелой, что и не знаю, как нам удалось на последних минутах буквально вырвать победу.

– Ну, и как там насчет запасных? – спросил Вася, блаженно отдуваясь. И его можно было понять: как же, средненькая в общем-то команда, а дала такой бой фаворитам и едва не преподнесла сенсацию... Больше я такие эксперименты не проводил. А Васин урок мне запомнился надолго.

Тогда Ахтаев всех поразил длинным первым пасом через все поле. У нас так и сегодня пасуют лишь Ткаченко и Сабонис, а в то время это вообще было

откровением. Мяч, кажущийся маленьким шариком в руках Ахтаева, пушечным ядром проносился через всю площадку и попадал к его партнеру, уже занявшему удобную позицию под нашим щитом.

В тактическом плане такая контратака тоже была новым словом. Хотя в остальном алмаатинцы действовали традиционно – спокойно располагались в зоне соперника, выстраивали позиционное нападение, дожидались, пока подтягивался Вася, отдавали ему мяч, а он сверху одной или двумя руками всаживал его в корзину. Никто у нас так делать не умел, это было в диковинку.

Это сейчас даже «маленькие» умеют выполнять такой эффектный и такой любимый всеми баскетболистами и зрителями прием, а в те годы его демонстрировал только один Вася. Повторить его смог эстонец Март Лага, чей рост был 1,98 м, но лишь несколько лет спустя.

Как ни печально, Ахтаеву так и не довелось сыграть за сборную СССР, хотя в середине 1950-х он был, безусловно, сильнейшим центровым страны. Надо сказать, что при подготовке к чемпионату Европы 1953-го года, возглавлявший тогда сборную замечательный тренер Константин Иванович Травин («кит», как называли его по первым буквам имени, отчества и фамилии), пробовал привлечь Васю в команду, но по независящим от него причинам Ахтаев все равно не смог поехать.

Перед Олимпиадой в Мельбурне я уже в качестве тренера юношеской сборной и члена ВТС (Всесоюзный тренерский Совет) убеждал наставника сборной СССР Степана Суруновича Спандарьяна непременно взять Ахтаева на Олимпийские игры. Я был уверен (и до сих пор убежден в этом), что в паре с Круминьшем они могли бы составить такой тандем, с которым можно было победить американцев, давно уже вводивших в состав трех, а то и четырех гигантов. И дело даже не в росте Ахтаева. Тренировки под руководством такого думающего, ищущего специалиста, как Травин, безусловно, обогатили игру Васи, расширился диапазон его действий. Травин даже заставил Васю быстрее передвигаться, научил отменно играть в позиционный баскетбол.

Потом Ахтаев женился, уехал в Грозный. И оставался опорой своего «Буревестника» до последнего матча. По-прежнему на игры с его участием собирались полные трибуны, на которых всегда находилось местечко для его мамы.

Да, мама Васи, маленькая полная женщина, к которой он относился с удивительной нежностью и почтительностью, постоянно сопровождала сына в поездках на игры. Сидела на специальном стульчике и внимательно наблюдала за игрой. По городу Вася возил ее на «Москвиче», в котором, кстати, свое сиденье отодвинул к заднему стеклу, иначе просто не смог бы вытянуть ноги. Так как Вася никому ни в чем отказать не мог, то кроме мамы в машину набивалось еще человек шесть-семь. И когда он купил «Победу», ничего не изменилось.

Вася был очень коммуникабельным, общительным парнем, любящим компании, веселье. На турнирах его номер в гостинице превращался в своеобразный клуб. Для каждого у него находилось и доброе слово, и кусок хлеба, и лишняя десятка. Ни для кого ничего не жалел.

Пользуясь своей фантастической популярностью, известностью и авторитетом, проходил в любые кабинеты, открывал любые двери, где решал вопросы быта, материального благополучия своих партнеров, ничего не требуя для себя.

Он был простодушен, Вася Ахтаев, добр, широк. Его нетрудно было обмануть. Некоторые пользовались его наивностью и открытостью. Но как только он чувствовал фальшь или ловил кого-то на лжи, – все, такой человек становился его личным врагом. Обмана он не прощал.

В его ранней смерти зачастую винят баскетбол. Была такая медицинская теория, что очень высоким людям движение противопоказано, что им нужен чуть ли не постельный режим. А в баскетбольных кругах существовала тенденция искусственного ограничения числа рослых игроков.

Ни то, ни другое, на мой взгляд, неверно, а последнее – еще и антигуманно. Гиганты не виноваты в том, что родились гигантами. На их счастье появилась такая

замечательная игра, как баскетбол. Именно здесь они нашли себя. В баскетболе им не нужно избегать окружающих, не нужно стыдиться своего огромного роста. Наоборот, как раз эта особенность делает их заметными, привлекательными, интересными для остальных людей. И Вася Ахтаев – не исключение. Скорее, он наиболее яркий пример того, как баскетбол сотворил личность.

*Александр Гомельский
Заслуженный тренер СССР*

«Он вызывал уважение ко всему народу...»

Парк имени Героев-панфиловцев – самое красивое место в Алма-Ате. Вокруг изумительный природный ландшафт – невысокие холмы сменяются хвойными лесами, которые венчают величественные ледовые скалы. Всякий раз по пути на тренировку и домой, особенно весной, я любовался открывающимися пейзажами цветущего миндаля и тянь-шаньской ели. И нельзя было провести точную границу, отделяющую город от красот окружающего леса и альпийских лугов.

По обеим сторонам тенистой аллеи парка располагались «медальоны» партийных вождей, а в самом конце – громадный портрет Сталина. Правда, мы не обращали внимания на строгие лица плакатов. Имея свой взгляд на личность «вождя народов» и на всё происходящее вокруг, обменивались им негромко – только в кругу близких друзей. Парк был частью любимого города, где прошли наши лучшие годы.

Именно здесь, недалеко от стадиона «Спартак», я впервые встретил Васю Ахтаева, за которым мелкой рысью бежали мальчишки. Они никак не могли приноровиться к его размашистому темпу походки. Со стороны казалось, что Вася куда-то спешит, на самом деле он пытался оторваться от надоедливой ребятни. Чрезмерное любопытство к своей персоне раздражало его.

Наконец все отстали, а я, молча, иду рядом – уж очень хотел познакомиться с живой легендой.

Вдруг Вася неожиданно повернулся ко мне:

– А ты что здесь делаешь?

Видимо, стало любопытно, что же это за назойливый тип? Ничего не говорит, не досаждают, как остальные, при этом не отстает ни на шаг?

Я ответил, что направляюсь в зал тяжелой атлетики. Кратце рассказал о себе, своей секции, где занимаюсь штангой уже много лет.

Вася слушал мою скороговорку, не перебивая. Видимо уже успокоился. Мы долго шли рядом, беседуя на разные темы и я решил пригласить его к себе на тренировки. Вася пообещал и мы тепло попрощались.

Вот так случилась наше знакомство. С годами оно переросло в крепкую мужскую дружбу, которая продолжалась до самой его смерти.

Мой отец – Мухтар Эсембаев, работал до войны адвокатом в Грозном, а мама, Мария Мерзоева — начальником Госздрави Чечено-Ингушской АССР. В 1943 году отца арестовали по нелепому обвинению. Несколько месяцев он находился в заключении в НКВД г. Махачкалы в ужасных условиях одиночной изолированной камеры, наполненной нечистотами. Следователи ломали ему пальцы, кисти рук, заставляя признаваться во всех смертных грехах.

После пыток и мучительных страданий его, тяжелобольного, отправили этапом в Темниковские лагеря Мордовии. Выходил его и спас от неминуемой смерти лагерный врач Израиль Кон. О судьбе этого замечательного доктора рассказали в конце восьмидесятых «Аргументы и факты». Газета опубликовала и мой отклик на ту статью.

Вскоре получил письмо от самого профессора: «...Я помню вашего папу. Это был прекрасный, мужественный человек... Вы можете им гордиться...».

Я еще ребенком помню, как ночью в наш дом бесцеремонно постучали и увели отца. А через год мне самому довелось повторить его судьбу. 23 февраля 1944-

го всех чеченцев и ингушей погрузили в мерзлые товарные вагоны и выслали в казахские степи. По разным данным, в пути и первые годы ссылки погибло от 30 до 35 процентов населения, в основном это были дети, которых косили сотнями голод и болезни. И еще старики, умиравшие от инфарктов, видя бедственное положение родных, которым они ничем не могли помочь.

Наша вина состояла в том, что мы не стали на колени перед Сталиным, не приняли его «триумфальное шествие» на Кавказе, а на деле – террор, развязанный против народа чуть ли не с первых дней после революции. Чекисты забирали лучших представителей интеллигенции, имеющих свой взгляд и свое суждение о повальном «большевицком счастье», после чего люди навсегда пропадали. Не только из поля зрения, но и для своих семей, для своих близких.

В республике время от времени стали вспыхивать восстания. Небольшие группы храбрецов выступали против жестоких методов НКВД, чванливого отношения Совдепии к нашему национальному укладу и традициям, против арестов и бессудных казней. Позже бериевская пропаганда использовала эти факты для «оправдания» невиданной в истории человечества депортации целых народов. Людей обвинили, ни много ни мало, — в «пособничестве гитлеровской Германии».

Волнения в горах не имели никакого отношения к фашистам, потому что начались еще в далекие 20-30-е годы и продолжались, с небольшими перерывами, вплоть до начала ВОВ.

Для сотрудничества, как минимум, нужен контакт, а на нашей территории не было ноги немецкого солдата.

Логичнее было бы предположить коллаборационизм и «пособничество» на оккупированных землях.

Чеченцы, как все советские люди, воевали на фронте. Воевали хорошо. Достаточно назвать Ханпашу Нурадилова (Герой Советского Союза. – Авт), который признан в неофициальном рейтинге «самым результативным Солдатом в истории мировых войн». Он один уничтожил из своего пулемета 920 врагов и погиб под Сталинградом в неполные 19 лет.

Сегодня насильственная коллективизация, массовые «чистки», голодомор и другие «художества» сталинщины признаны чудовищной ошибкой и преступлением. Но почему-то депортацию кавказских народов – одну из самых ужасных трагедий прошлого века, сегодняшние поклонники Сталина и Берии, далекие не только от науки, от истины и справедливости, но и элементарной человеческой порядочности, пытаются объяснить исторической необходимостью – якобы наказаны «За измену Родине».

Вряд ли отчаянные группы восставших догадывались, что через много лет кому-нибудь взбрдет в голову безумная идея поставить знак равенства между Родиной и Сталиным! Родиной и Берия!

На самом деле, эти люди мало разбирались в политике и геополитике, чтобы кого-то поддерживать или наоборот. Они сопротивлялись, как умели, против насилия и унижений со стороны той самой иезуитской власти, которая была здесь, рядом и которая разрушила их жизнь.

Кончено, это был – жест отчаяния! Я лично восхищаюсь их мужеством и отвагой! Мало кто осмеливался в те годы выступить против регулярных войск НКВД, не имея в руках оружия, кроме рогатки или кремниевого ружья времен турецкой кампании.

Но Сталин ошибся. Мы не погибли в холодных степях Казахстана. Наоборот, спаслись, благодаря казахам и остальным народам, приютившим ссыльных на своей земле. Они хорошо нас приняли, не боролись с нашими традициями, с нашей религией. Человеческая благодарность и признательность казахам, немцам, русским, киргизам, узбекам, которые в трудную минуту протянули нам руку помощи никогда не забудется. Это уже навечно – в нашей памяти и в наших сердцах! Спасибо вам, дорогие наши братья, и низкий поклон!

Весной 1951 года в Лениногорске, Усть-Каменогорске и других городах Восточного Казахстана прокатилась волна мятежей. Уголовники, только что

освободившиеся из тюрем и лагерей, толпами прибывали на комсомольские стройки. Многие из них не работали, занимались разбоями, грабежами, притесняя местных жителей и депортированных.

Несколько раз ссыльные дали им жесткий отпор. Урки затаили злобу и однажды, ворвавшись в поселок горняков – так называемый «чечен-городок», устроили массовую резню. Специально выбрали середину дня, когда мужчины на работе, зная, что защитить их семьи будет некому.

В тот ужасный день, по официальным данным, погибло более сорока человек – исключительно женщины, старики и дети. Лишь несколько мальчишек сумели выскочить из этой мясорубки и бежали в сторону рудника, стремясь найти там защиту. Но бандиты догоняли их, гнали к берегу и сбрасывали в ледяные воды Иртыша. Никто не спасся...

Узнав о случившемся, люди впали в шок от бесчеловечной, звериной жестокости. Затем собрались и, подавив свою боль, двинулись против банды нелюдей, громко напевая предсмертную молитву – Ясин! Они готовились умереть, отомстив за погибших родных!

В разных местах вспыхивали драки с матерыми уголовниками, вооруженными заточками и финскими ножами. Милиция, не сумев в свое время предотвратить массовую резню мирных граждан, не стала даже вмешиваться. В городок вольнонаемных спешно подтянули внутренние войска, которые с большим трудом остановили ответную бойню.

После Усть-Каменогорской трагедии казахские элиты поняли, что чеченцы, возможно, – единственная сила, способная дать организованный отпор криминальному сброду, угнетающему местное население. Этот факт с поразительной точностью и наблюдательностью описал в романе «Архипелаг Гулаг» Александр Солженицын, который не раз был очевидцем беспощадных сражений обитателей здешних лагерей и депортированных. «Но была одна нация, которая совсем не поддавалась психологии покорности – не одиночки, не бунтари, а вся нация целиком. Это – чечены».

Когда при Хрущеве встал вопрос о восстановлении Чечено-Ингушетии в прежних границах, власти Казахстана выступили с инициативой – реставрировать край в пределах Джамбульской или Чимкентской областей. Говорят, сторонником идеи являлся Дин-Мухаммед Кунаев, в те годы – председатель Совмина Казахской ССР. Партийная верхушка не хотела, чтобы ссыльные навсегда уезжали из Казахстана. По крайней мере, такое настроение было тогда.

Наши народы многое дали друг другу. В чеченских и ингушских семьях очень популярны лакомые восточные блюда, а взрослые, чье детство прошло в Средней Азии, до сих пор изъясняются бегло на казахском, узбекском или киргизском языках.

В свою очередь степняки многому научились у кавказцев. То есть, происходило полезное взаимообогащение разных культур.

Хотя, конечно, всякое бывало – драки, банальные кражи, воровство, чтобы не умереть с голода. Но плохое почему-то хочется забыть. Помнится только хорошее. Сегодня многие вайнахи дают своим детям такие звонкие и красивые имена – Дин-Мухаммед, Эльмира, Нурсултан, Джамиля, Нурлан, которые давно воспринимаются как родные.

Идея казахских властей не нашла тогда поддержки, да и мы не были готовы отказаться от своей родины. Долгие 13 лет снились нам наши горы. Даже детям, родившимся в Казахстане и никогда не видевшим эти величественные вершины. Все жили единой надеждой – вернуться домой.

И как только наступила хрущевская «оттепель», кто в купе, кто в тамбуре вагона, кто на попутке – все потянулись на Кавказ. Во время короткой стоянки на платформе вокзала, полустанке, да и просто на улице устраивали импровизированные концерты под гармонию с традиционной лезгинкой. Ликующие горцы плясали со слезами на глазах, будто в последний раз! Эту радость и волнение может понять только тот, кто сам испытал долгую разлуку с Родиной!

В Казахстане было много депортированных – немцы, греки, карачаевцы, балкарцы и много русских из Санкт-Петербурга, сосланных по «Делу Кирова». Вечерами мы собирались вместе на пустыре и занимались разными силовыми упражнениями.

Так постепенно втягивались в разные спортивные секции, потому что спорт давал возможность выезжать из поселка Чулак-Тау, который считался для нас своеобразной «чертой оседлости». Ведь даже побывать в областном Джамбуле казалось тогда несбыточной мечтой – все равно, что слетать на Луну. Без разрешения военной комендатуры нельзя было покидать пределы нашего «гетто». В противном случае – 25 лет тюрьмы.

Когда я выиграл чемпионат Средней Азии, то впервые получил право неограниченного передвижения по Казахстану и всей территории Советского Союза. В те годы многие дети спецпереселенцев стали известными спортсменами. Правда, на Всесоюзные турниры юных «врагов народа» брали не очень охотно, только в исключительных случаях.

Мы часто ездили на соревнования вместе с Ахтаевым. Обычно он сидел за столом, слегка наклонившись вперед, потому что голова его оказывалась выше верхней полки, а сама полка не складывалась. В таком неестественном положении он умудрялся играть в шахматы или преферанс.

Потом с трудом забирался наверх, ноги высовывал через открытое окошко и засыпал. Днем жарко, а ближе к ночи, наоборот, становилось холодно – так Вася застудил ступни. Появилась проблема с ахиллесовыми сухожилиями, голеностопами, которые и без того испытывали огромные нагрузки. Я часто делал ему массажи, бинтовал ноги, чтобы поддерживать в форме. Когда Вася появлялся в зале тяжелой атлетики – всё приходило в движение. Силачи и заслуженные мастера робели перед этой громадиной.

Как-то он присел на скамейку возле меня, согнул руку в локте и говорит:

– А ну, штангист, отожди, если сможешь!

– Не забывай, что я чемпион республики, – отвечаю ему, абсолютно уверенный, что справлюсь без труда. К тому времени уже дважды выиграл первенство Казахстана в супертяжелом весе. Поэтому спокойно взял его за руку и потянул на себя. Вася даже не шелохнулся. Я решил попробовать двумя руками – результат тот же. Наконец уперся ногами об пол и потянул всем туловищем. Бесполезно! Будто не рука, а бетонный столб. Сила невероятная...

В нашей секции занимались два друга – Василий Савинчук и Николай Морозов. Оба из Кустанайской области (станция Кушмурун), оба чемпионы республики. Один – в легком весе, другой – в тяжелом.

У Коли была забава: станет плотно спиной к стенке и предлагает хотя бы на миллиметр сдвинуть его с места. Но необычным способом... взяв за уши! Широко расставит ноги, прижмется к стене и спрашивает:

– Ну, кто сегодня смелый?

Как правило, спор происходил на деньги или ящик лимонада. Морозов был очень мощным и уши у него толстые, будто прилипшие к черепу – трудно ухватить. По крайней мере, выиграть никому еще не удавалось.

Как-то Вася подошел, обхватил Колины уши длинными сильными пальцами и потянул на себя. Николай уперся, дрожит от напряжения, но держится. Вася тянет медленно, будто тягач. Кажется чуть-чуть оторвал его от стенки и тут раздался неприятный, пугающий хруст. Мы быстро разняли их и прекратили дурацкий спор, иначе Морозов остался бы без ушей. Сдаваться, конечно, он не собирался, и было решено объявить боевую ничью.

Летом 1952 года в Ашхабаде проходила спартакиада Средней Азии и Казахстана. Долго плелись на поезде по жаркой пустынной местности. На одной из стоянок спортсмены высыпали на перрон освежиться. В это время местная шпана незаметно пробралась в вагон и обокрала почти всю команду. Узнав об этом, ребята бросились вдогонку. Началась драка. И я помню, Вася так хлопнул главного бандита, что тот свалился без чувств. Уносили его уже на носилках.

Недели через две, на обратном пути, к нам зашли в купе милиционеры и,

извинившись, вернули часть похищенного. Следователь со смехом рассказывал, что кражу раскрыли благодаря огромному Васиному плащу. Когда барыги стали сбывать товар, по рынку пошел слух, что продается дождевик гигантского размера, который можно перешить на несколько обычных. Так милиция вышла на след и задержала всю кампанию.

Столица Туркмении в 1948 году была стерта с земли разрушительным землетрясением. Через несколько лет город заново отстроили: высотные дома, стадионы, спортзалы, школы. Вечерами мы, депортированные, собирались, чтобы поболтать, поделиться новостями. И вот однажды заходит к нам сияющий от радости грек – Фома Иониди. Упал на колени, а в глазах слезы:

– Смотрите, – говорит, – вот на этих коленях спецпереселенца я выиграл «золото» спартакиады.

Ребята бросились его поздравлять, обнимать, целовать от радости. Это был волнующий момент! Больше всех, по-моему, радовался Вася!

Потом мы были вместе на первой Спартакиаде народов СССР в Москве: бессменный лидер сборной Казахстана по баскетболу – Увайс Ахтаев, капитан сборной борцов вольного стиля – Кюри Мусаев, капитан сборной тяжелоатлетов – Ваха Эсембаев. Бывшие грозненцы достойно представляли Казахстан, ставший для нас родным.

В то время на тренировках я показывал результаты выше общесоюзных. И хотя меня давно включили в сборную страны, с выездом на состязания возникали проблемы.

Нас с Ахтаевым дважды снимали с поезда прямо перед отправкой на международный турнир. По своему возрасту, опыту и физическим данным мы оба находились на пике спортивной карьеры и, конечно, могли рассчитывать на успешные выступления. Но раз за разом обоих вычеркивали из списка выезжающих за рубеж.

Думаю, не стоит говорить, как подобные запреты и ограничения сказываются на морально-психологическом состоянии и на здоровье. В первую очередь они отражались на наших результатах.

Обида и злость из-за несправедливого отношения душила и сжигала нас изнутри, отбивая всякое желание тренироваться. Назло всем! Какой смысл, если тебя все равно не выпускают!

Если бы к депортированным в те годы относились более лояльно, или хотя бы менее предвзято, думаю, страна бы от этого только выиграла. Очень много было талантливых ребят, которые всерьез претендовали на золотые медали в разных видах спорта. Особенно Вася Ахтаев, который считался лучшим центровым своего времени.

Помню, как-то он вернулся из Москвы и лег в туберкулезный диспансер. Все думали, что простудился на столичном морозе и хочет подлечиться. Но причина оказалась серьезнее – Вася сбежал от самого Лаврентия Павловича Берия! Шеф НКВД, став свидетелем его незаурядной игры на стадионе, потребовал, чтобы Ахтаева срочно доставили к нему в кабинет. Далее приведу события так, как нам рассказывал сам Вася.

Когда в гостиничный номер наведались люди в штатском и «предложили» проехать на Лубянку, то он почувствовал сильное волнение. Потому что был в курсе, чем заканчиваются подобные визиты. Но быстро взял себя в руки и стал одеваться, шепча про себя молитву. Товарищи в кожаных плащах, правда, предупредили, что разговор пойдет исключительно о баскетболе и для беспокойства нет причин. Но Вася хорошо знал цену этим словам – такое было время.

– В центр города добирались где-то полчаса в большом черном лимузине – везли с комфортом, – смеялся он. – Салон огромный. Впервые смог вытянуть ноги спокойно. Хотя мог и протянуть их...

Офицер в приемной объяснил ему, как поздороваться, как отвечать на вопросы наркома. И вообще, как себя вести.

– Ты кто по нации? – грубовато спросил Лаврентий Павлович, как только Увайс переступил порог кабинета.

– Я чеченец, – ответил он как можно спокойнее.

Берия внезапно вспыллil.

– Нет такой нации! Забудь, что ты чечен! Ты еврей! Еврей! Твоя фамилия Копелевич!

И чуть успокоившись, продолжил:

– Ты, как и твой отец, как все ваше чеченское племя, осужден Советской властью на вечное поселение как «враг народа». Не важно, что ты был мальчишкой, сколько тебе лет, важно, что ты – чеченец. Поэтому за границу выпустить тебя мы не можем. Предлагаю принять другую фамилию и другую национальность. В этом случае тебя ждет участие в Олимпиаде и карьерный рост. Паспорт тебе скоро выдадут и беспрепятственно уедешь с командой!

Компетентные органы с ним уже провели инструктаж, еще до встречи с Берией. И даже заверили, что документы для выезда готовы и лежат в Спорткомитете СССР. Остались какие-то формальности.

То есть, к самому разговору Вася был готов, но не в такой тональности и в таком ключе.

– Вообще, – вспоминал он, – по-настоящему стало страшно. И попробуй откажись!

Любой его ответ, кроме положительного, мог вызвать новую вспышку ярости и неясно, чем все закончится. Поэтому решил немного оттянуть развязку, казавшуюся неминуемой.

– Лаврентий Павлович! Разрешите мне с мамой посоветоваться? – сказал первое, что пришло в голову.

Шеф НКВД от неожиданности чуть не свалился со стула. Мало кто мог ему возразить и тем более отказать!

Берия на секунду замешкался, пронизывая его колючим взглядом из-под стекол пенсне. Может, размышлял, как наказать этого увальня за строптивость! На лбу его выступила мелкая испарина. У Васи же внутри все похолодело и заныло.

Это мгновение он запомнит на всю оставшуюся жизнь. Все его прошлое и будущее буквально повисло на волоске. Стоило сказать два слова охране, и Васю стерли бы в лагерную пыль, как миллионы тех, кто пропал за меньшую провинность. Удивительно, но Берия отпустил его, хотя не без привычных угроз и истерики.

– Вон из моего кабинета! – кричал он вслед. – Чтобы ноги твоей не было здесь!

Начальник охраны предупредил, что до утра нужно дать ответ. Ясное дело, надо соглашаться, или его ожидает печальная участь. На этот счет не оставалось никаких иллюзий!

Ночью он не сомкнул глаз, а утренним рейсом улетел в Алма-Ату. И сразу же отправился в республиканский тубдиспансер, где друзья-врачи госпитализировали его, поместив в отдельный бокс. Иначе могли арестовать за то, что проигнорировал приказ наркома! Да еще сбежал из Москвы без разрешения!

Судя по всему, этот шаг ему прощать не собирались. На следующий день к ним домой явились сотрудники алма-атинского НКВД. Вася просто опередил их, отправившись в клинику прямо из аэропорта.

Пинкертоны иногда захаживали к врачам, будто бы проверяя состояние здоровья Ахтаева. На самом деле пытались выяснить, не затягивают ли тут процесс лечения преднамеренно! Зная, что после выхода его ждет тюрьма!

Однако доктора каждый раз придумывали новые, совершенно экзотические версии – якобы в организме гиганта обнаружена редкая инфекция, крайне опасная для обычных людей. И все время продлевали бюллетень.

Медики, конечно, рисковали не только карьерой, но и своей жизнью. За подобную самодетельность их самих могли сослать куда-нибудь в Магадан...

В закрытой карантинной зоне Вася провел три-четыре месяца и вышел только после ареста Берии. Так он нам рассказывал.

Согласись сменить фамилию, наверное, смог бы участвовать в Олимпийских играх, различных чемпионатах вместе со сборной. И его узнал бы весь мир!

Но сама постановка, что рассчитывать на выезд он может только после смены паспортных данных, казалась ему унижительной.

– Почему я должен отказаться от своего отца?! – возмущался Вася. – Почему других не заставляют менять национальность?

Конечно, решение сбежать от Берии тогда, в Москве, он принял самостоятельно, ни с кем не советуясь. Но абсолютно все были уверены, что поступил правильно. Пусть в ущерб профессиональной карьере, в ущерб своему будущему. Даже перед страхом ареста и возможной гибели! У высланных народов была другая мораль, другая этика поведения и поступков.

Самое главное – и мать его в этом поддерживала.

– Не надо ничего менять! Мы родились «нохчи» и умрем «нохчи», – бунтовала эта милейшая женщина. – Правильно сделал, что сбежал!

Пережитый тогда стресс, бесконечное ожидание ареста тревога за свою жизнь, за жизнь близких – подорвали его могучее здоровье. Уверен, все эти волнения привели его к диабету и ранней смерти. Конечно, свою роль сыграли и переживания за результаты матчей. Ведь от него в основном зависело, как выступит команда. Если не складывалась игра – он считал себя единственным виновником.

Ахтаев был человеком огромной души. И мама его, тетя Амина, такая же и жена Тамара. Удивительная семья – гостеприимная, любвеобильная. Когда мы вернулись на родину, то каждый вечер собирались по 20–30 человек в их доме в центре Грозного. У Васи была на втором этаже огромная ванная и кровать длиной в три метра, сделанная мастерами по заказу.

Однажды на лестнице ему под ноги прыгнул котенок. Вася неосторожно шагнул назад и, потеряв равновесие, со всей тяжестью рухнул вниз. Сломал бедро и долго лежал в больнице, потом дома лечился. Махмуд Эсамбаев привозил к нему знаменитого доктора Илизарова из Кургана. Тот сказал, что тазобедренная кость неправильно срослась и надо заново вправить. После этого он поставит аппарат для растяжки.

Я каждый день по два-три часа делал ему массажи, чтобы не было пролежней. Вася понемногу стал восстанавливаться, даже подниматься с постели. Мы сделали специальный пояс и вдвоем начали выходить из палаты, даже прогуливались по территории больницы. Как назло, во время укола ему случайно занесли инфекцию – Вася заболел желтухой. После этого у него уже не было сил подняться...

Ахтаев рано ушел из жизни, и мне его очень не хватает. Именно он подарил мне самые сильные эмоции и радостные минуты жизни, не считая, конечно, моей семьи, моих детей

Вспоминаю трансляцию футбольного матча на стадионе «Кайрат» в Алма-Ате. В перерыве комментатор громко и радостно объявляет:

– Товарищи, только что получена телеграмма из Риги. Наши баскетболисты выиграли очередной матч чемпионата страны. Счет 90:82 в пользу Казахстана.

78 мячей в кольцо соперников забил Василий Ахтаев!

И весь стадион буквально взорвался аплодисментами! Болельщики вскочили в едином порыве и устроили шумную и продолжительную овацию! Как будто Вася находился здесь, среди них, и эти поздравления посвящались ему персонально!

А нас, его друзей, просто переполняли эмоции, чувство радости и гордости за эту победу, за него лично! Да так, что сердце выпрыгивало из груди! Казалось – крылья растут от ликования! Непередаваемое чувство!..

А вокруг восхищенные возгласы болельщиков: «Какой молодец, этот Вася-чечен!» Через него и ко всему нашему народу было уважительное отношение.

Что и говорить, Ахтаев сильно поддерживал нас и морально, и психологически. Да не только нас – все радовались! Но особенно репрессированные...

*Ваха Эсамбаев
Заслуженный тренер СССР*

Книжные новинки**Рыцарь чести**

В июне сего года в городе Минеральные Воды (ООО «Полиграфпром») под эгидой Архивного управления Правительства Чеченской Республики тиражом в 1200 экземпляров вышла книга «Рыцарь чести», посвященная легендарному чеченскому абреку Зелимхану Гушмазукаеву (Харачоевскому), 100-летие гибели которого (26 сентября 1913 года) приходится на этот год. Автор труда – историк и публицист Вахит Магоматович Бибулатов.

Зелимхан – человек трагической и героической судьбы, которого несправедливость и произвол царских властей вынудили встать на путь абречества. «Я не родился абреком, – писал он в январе 1909 года, обращаясь к депутатам Государственной Думы, – как не родились ими мой отец, брат и другие товарищи». Царские офицеры иначе как «разбойник» и не называли неуловимого харачойца, слава о котором гремела по всей стране, народ же слагал песни о защитнике обездоленных. О Зелимхане написаны книги, как художественные, так и научные – повесть Дз. Гатуева «Зелимхан» (Ростов-на-Дону, 1926), одноименный роман М. Мамакаева (Грозный, 1968), труд М. Бакарова «Обарг Зеламахех дагалецамаш» («Воспоминания об абреке Зелимхане», Грозный, 1990), сборник статей и очерков Л. Гудаева «Абрек Зелимхан: Факты и документы» (Грозный, 2011) и другие. В 20-е годы прошлого века про Зелимхана был снят немой фильм.

В настоящей книге автор делает небольшой анализ причин возникновения абреческого движения в Чечне, приводит переписку царских генералов и чиновников. Многие документы и фотографии (например, фотографии некоторых сподвижников Зелимхана и его сыновей, Магомед и Умар-Али) публикуются впервые.

Книга, несомненно, найдет свою аудиторию среди историков, аспирантов, студентов и широкого круга читателей.

Сулиман Мусаев

К нашим иллюстрациям**Молодой певец родного края**

Мургуев Юсуп Хаважиевич родился в 1995 году в городе Гудермес. В 2011 году окончил гимназию №1 г. Гудермес. В этом же году, по рекомендациям школьных учителей поступил в Ойсхарский филиал Чеченского государственного колледжа культуры и искусства на художественное отделение.

Еще в школе, когда Юсуп познакомился с творчеством известного русского художника чеченского происхождения Петра Захарова из Дады-юрта, юноша решил стать художником. Особый восторг у Юсупа вызывали пейзажные работы Аманды Асуханова, а так же картины заслуженного художника ЧР, односельчанина Бицираева Саид-Хусейна.

На уроках преподавателей Дибирова Сайхана, Дибирова Джабраила, Хадчукаевой Мадины, Ильясова Адама прививается любовь к искусству, а Элипханова Хеди Байсултановна, заведующая Ойсхарским филиалом ЧГККИ, регулярно организывает экскурсии в музеи и различные живописные уголки Чеченской Республики. Благодаря этому расширяется круг знаний в области живописи, рисунка, композиции, декоративно-прикладного искусства.

Мургуев Юсуп увлекается пейзажем родного края.

На обложке номера представлены следующие работы художницы: 1 стр. «Горная река», 2 стр. «Тихое утро», 3 стр. «Теплая зима», 4 стр. «Гвоздики в вазе».

Саламбек Алиев

Сведения об авторах и переводчиках

Муса Бексултанов (1954). Народный писатель Чеченской Республики (2005), главный редактор (2007) детского журнала «Стелалад» («Радуга»). В 1977 г. окончил филологический факультет Чечено-Ингушского университета. Член Союза писателей России. Лауреат премии Ленинского комсомола (1988 г.), премии журнала «Вайнах» (2004 г.), премии «Серебряная сова» (2005 г.). Произведения Бексултанова переведены на русский, английский, французский, немецкий языки. Печатается с 1980 г. Автор книг «Мархийн кIайн гIаргIулеш» («Облаков журавли белые», 1985 г.), «Юха кхана а селхана санна» («И завтра, как вчера», 1988 г.), «Наггахьа, сайн сагагделча» («Иногда, когда мне скучно», 2005), «Я хьан тухур буйсанна хьан не!» («И кто постучится ночью в твою дверь», 2005 г.); повестей «Иза бегаш ма бацара» («Это была не шутка», «Орга», 2004 г., №1), «Болийначу юхабьорзу некъ» («Дорога возвращается к началу», «Орга», 2004 г., № 11–12), рассказов, миниатюр, эссе. Мастер лирических зарисовок.

Вахит Игаев (1940). Окончил Литературный институт им. Горького СП СССР. Член Союза писателей РФ. Пишет стихи, прозу. Автор фантастического романа «Майдан предков», вышедшего в Москве в 2007 году.

Марьям Хадысова. Родилась в 1991 году в г. Грозный. Окончила среднюю школу с отличием в п. Нижняя Кондурча Самарской области. Студентка химико-биологического факультета ЧГУ. Стихи пишет с детства, пробует свои силы в прозе, а также сочиняет музыку, играет на гитаре и поет. В журнале печатается с 2013 года.

Ахмет Асхабов (1955). Родился в Казахстане, в Актыубинской области, Хобдинском районе. Образование среднее. С 1981 по 2013 годы жил и работал чабаном в Казахстане. Пишет стихи и рассказы.

Майрбек Лулуев (1956). Родился в Казахской ССР. В 1983 году с отличием окончил Чечено-Ингушский госуниверситет по специальности «преподаватель русского языка и литературы». Стихи пишет со школьной скамьи. Печатался в журнале «Орга», «Вайнах», в районной газете Колхозная жизнь». С 1993 года проживает в Саратовской области. Там же публикуется.

Алвади Шайхиев (1947). Окончил филологический факультет ЧИГПИ в 1970 году. В 1977-79 гг. учился на Высших двухгодичных литературных курсах Союза писателей СССР при Литературном институте им. А.М. Горького в Москве. Поэт, писатель, переводчик. Член Союза писателей СССР с марта 1976 года. Публикуется в периодической печати с 1961 года. Первый сборник стихов «Чувство» увидел свет в 1969 году. В разные годы в Грозном и Москве выходили поэтические сборники: «Пламя любви», «Огонь в очаге», «Трава-мурава», «Пульс», «Совесть», «Башни мужества», «Ночные птицы», «Заповедь» и другие. Стихи Алвади Шайхиева печатались в журналах «Молодая гвардия», «Современник», «Звезда», «Дон» и других.

Хава Гагаева (1987). Окончила среднюю школу в селе Ванавара Красноярского края РФ. Окончила Чеченский государственный колледж искусств, отделение инструментального исполнительства (фортепьяно). Пишет стихи с пятнадцати лет. В журнале публикуется с 2012 года.

Тауз Исс (Тауз Исаев). Родился в 1951 г. Поэт, эссеист, прозаик. Окончил Московский литературный институт им. М. Горького (семинар поэзии). Автор поэтических сборников «Пространство души», «Горсть», «Линии», эссеистики и прозы «Грани», прозы «Путешествие в полдень», «Чеченское солнце», романа «Имя Родины». Вице-президент Академии культуры Кавказа. Член СП Абхазии (2002), ЧР и РФ (2007).

Саид Бицоев (1957). Окончил факультет журналистики МГУ в 1982 году. Публиковался в «Известиях», «Комсомольской правде», «АиФ», «Независимой газете», журнале «Огонек». Побывал в качестве репортера во многих зонах военных конфликтов, стихийных бедствий, авиакатастроф и терактов. На данный момент работает в газете «Новые Известия» заместителем главного редактора.

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки - 330 руб.